Том 1, № 2

2016

SOTSI@COM

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOCIAL COMPETENCE

Том 1, № 2
2016
SOTSI@COM
СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и социальной работы ИРНИТУ, главный редактор.
Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, заместитель главного редактора
Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, ответственный за выпуск
Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ
Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии ИРНИТУ
Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин ИРНИТУ, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области
Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ
Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета прикладной лингвистики ИРНИТУ
Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин ИРНИТУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета
Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета,Президент Международной Академии психологических наук
Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»
Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Туяа Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университете науки и технологий
Хагуров Темыр Айтечевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук
Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

Vol. 1, № 2
2016
NETWORK EDITION
SOTSI@COM

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM OF THE JOURNAL

Struk Elena Nikolayevna, PhD in Philosophy, Head of Sociology and Social Work Department in INRTU, Editor-in-Chief
Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociology, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in INRTU, Deputy Editor-in-Chief
Gavrilova Natalya Igorevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in INRTU, Responsible to sign off the issue
Karmadonov Oleg Anatolyevich, PhD in Philosophy, Professor of State and Municipal Management Department in ISU
Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Head of Psychology Department in INRTU
Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of Criminal and Legal Disciplines Department in INRTU, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region
Mushinsky Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of State-Legal Disciplines Department in INRTU
Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of Applied Linguistics Faculty in INRTU
Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Civil Law Disciplines Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration
Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University
Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences
Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution "Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic"
Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation
Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology
Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences
Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

Том 1, № 2
2016
SOTSI@COM
СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Слово главного редактора 6

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Богомякова А.Р., Горская Н.Е. Особенности перевода как вторичного вида речевой деятельности с точки зрения психолингвистики 8
Крапивкина О.А. Высказывание как единица дискурса: к определению понятия 13
Стадник А.В., Корепина Н.А. Особенности перевода патентов США 18
Шадаева Л.И. К анализу дискурса А.Линкольна 25
Ю Е.Д. Интерактивное поведение глаз. Язык взглядов и его репрезентация в литературе (на материале испанских художественных произведений) 29

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Иванова Л.М., Корягина С.А. Преступность несовершеннолетних и проблемы ее раннего предупреждения 35
Мушинский М.А., Степаненко Д.А. Стратегическое планирование противодействия экстремизму 42

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горбунова Т.В., Титаренко Е.В. Уроки гуманитарного цикла как средство формирования толерантного отношения к детям с ОВЗ в условиях внедрения инклюзии в общеобразовательные школы 53
Стольникова Е.С. Мультпедагогика как современная образовательная технология в обучении и воспитании дошкольника 58

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евсеева А.Ю., Пуляевская О.В. К проблеме исследования влияния характерологических особенностей личности на выбор стратегии поведения в ситуации конфликтов 61
Ларионова Л.А. Профессиональный инкубатор как педагогическое условие формирования профессиональных ценностей студентов-психологов 68
Пуляевская О.В. Психологические аспекты проявления и предупреждения развития экстремизма в молодежной среде 75

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Давыдова О.О., Струк Н.М. Особенности организационных конфликтов в малом бизнесе в современной России: региональный аспект 80
Динь Ха Ми, Струк Е.Н. Толерантность как важнейшая социальная компетентность современного общества 86
Севастьянова Н.В., Гаврилова Н.И. Малое предпринимательство в г. Иркутске: барьеры и перспективы развития 92
Урбанаева Е.Г., Илтакова Н.В. Исторические и социальные корни предпринимательства (В. Зомбарт, М. Вебер) 97
Черепанова Я.О., Гаврилова Н.И. Особенности доверия иркутян к сфере институциональной благотворительности 105

Vol. 1, № 2
2016
NETWORK EDITION
SOTSI@COM

SOCIAL COMPETENCE

Contents

A letter from the editor-in-chief..... 6

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bogomyakova N. R., Gorskaya N.Yu. Features of translation as the secondary type of speech activities from the perspective of psycholinguistics..... 8
Krapivkina O.A. Utterance as a discourse unit: defining the concept..... 13
Stadnik A. V., Korepina N. A. Features of the US patents translation..... 18
Shadaeva L.I. On the analysis of A. Lincoln's discourse..... 25
Yu E.D. Interactive eye behavior. The language of looks and its representation in literature (a case study of Spanish fiction)..... 29

JURIDICAL SCIENCES

Ivanova L.M., Koryagina S.A. Juvenile delinquency and issues of its early prevention..... 35
Mushinskiy M.A., Stepanenko D.A. Strategic planning of countering extremism..... 42

PEDAGOGICAL SCIENCES

Gorbunova T.V., Titarenko E.V. Humanities lessons as a means of teaching tolerance towards children with special needs under conditions of inclusion at schools..... 53
Stolnikova E.S. Preschoolers' training and education through animation as a modern education technology..... 58

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Evseeva A.Yu., Pulyaevskaya O.V. On the issue of study of influence of personality traits on the choice of behaviour strategy in conflict situations..... 61
Larionova L.A. Professional incubator as pedagogical conditions for formation of psychology students' professional values..... 68
Pulyaevskaya O.V. Psychological aspects of manifestation and prevention of extremism among youth..... 75

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Davydova O.O., Struk N.M. Features of organizational conflicts in a small business in modern Russia: regional aspect..... 80
Dinh Kha Mi, Struk E.N. Tolerance as an essential social competence of modern society..... 86
Sevastyanova N.V., Gavrilova N.I. Small business in Irkutsk: barriers and prospects of development..... 92
Urbanaeva E.G., Iltakova N.V. Historical and social roots of entrepreneurship (W.Sombart, M.Weber)..... 97
Cherepanova Ya.O., Gavrilova N.I. Features of Irkutsk citizens trust in institutional philanthropy..... 105

Том 1, № 2
2016
SOTSI@COM
СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Уважаемые коллеги, авторы, читатели журнала «Социальная компетентность»!

Вы видите перед собой второй номер нашего журнала, в котором представлена широкая проблематика статей по вопросам формирования социальных компетенций и социальной компетентности в современном обществе. Основное внимание в вышедшем номере уделено задачам противостояния экстремизму и развития толерантности, так как в настоящее время эти проблемы особо волнуют как научное сообщество, так и обычных граждан.

Работая в насыщенной событиями научной среде, сотрудники редакции стараются дать возможность высказаться на страницах журнала представителям различных социально-гуманитарных наук: психологам, социологам, юристам, филологам, педагогам. Такой подход позволяет сделать глубокий анализ социальной действительности, ведь каждый автор обогащает представления наших читателей о трудностях и особенностях формирования социальных компетенций, о жизни человека в современном обществе.

В журнале по-прежнему будут отражаться результаты новейших исследований в области социальных и гуманитарных наук, причем как фундаментального, так и прикладного характера. Наш журнал открыт как для уже состоявшихся исследователей, так и для только еще делающих первые шаги – аспирантов, студентов, которые под управлением научных руководителей приобретают бесценные навыки подготовки научных работ, результаты которых представлены на страницах журнала.

Второй номер журнала «Социальная компетентность» выходит в канун Нового 2017 года, который, конечно, принесет нам немало сюрпризов. Поздравляя наших уважаемых авторов и читателей, желаем всем благополучия и успеха, профессионального роста и оптимизма, веры в себя и конструктивных встреч на наших страницах!

От имени и по поручению редакции,
главный редактор журнала «Социальная компетентность»
Елена Николаевна Струк

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КАК ВТОРИЧНОГО ВИДА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

© А.Р. Богомякова*, Н.Е. Горская*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье рассматриваются понятия «речевая деятельность» и «перевод» с позиции психолингвистики. Представлены различные точки зрения ученых на данную проблему. Подчеркивается психологическая природа такого вида речевой деятельности как перевод. Описываются особенности данного вида речевой деятельности, а также психологические трудности при переводе, которые заключаются в переключении с системы одного языка на систему другого. Особое внимание уделяется описанию творческого перевода, характеризующегося процессом порождения смыслов на глубинном уровне. Делается вывод о том, что перевод, в силу своей сложности и специфичности, объединяет в себе внутренние механизмы рецептивного и продуктивного видов речевой деятельности.
Ключевые слова: речевая деятельность, мыслительный процесс, перевод, мотив деятельности переводчика, творческая активность, потребность, восприятие и порождение речи.

FEATURES OF TRANSLATION AS THE SECONDARY TYPE OF SPEECH ACTIVITIES FROM THE PERSPECTIVE OF PSYCHOLINGUISTICS

A. Bogomyakova*, N. Gorskaya*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article considers the concepts of «speech activity» and «translation» from the perspective of psycholinguistics. It provides various viewpoints of scientists on this issue. The authors emphasize the psychological nature of such type of speech activity as translation, describe the features of this type of speech activity and psychological difficulties in translation that lie in switching from the system of the source language to that of the target language. Special attention is paid to the description of the creative translation which is characterized by the process of generation of meanings at the deep layer. It is concluded that translation due to its complexity and specificity combines the internal mechanisms of the receptive and productive types of speech activity.
Keywords: speech activity, thought process, translation, the motive of the translator's activity, creative activity, need, perception and speech production.

В связи с большим потоком международной информации в современном мире, особое значение приобретает переводческий вид деятельности в профессиональной сфере. Современная ситуация требует умения владеть межъязыковой коммуникацией не только от дипломированных переводчиков и выпускников языковых факультетов непереводческих профилей, но и от специалистов других областей науки, владеющих иностранным языком.

Поскольку любая информация передается ощущениями и интерпретацией самого переводчика, следует, на наш взгляд, рассмотреть перевод с точки зрения психолингвистики. С позиций этой отрасли знания, перевод является наименее изученным.

Как и любую другую деятельность общения, осуществляемую посредством речи, как способа формирования мысли, перевод принято считать видом речевой деятельности. Так, в плане теории деятельности А.Н. Леонтьева, речевая деятельность рассматривается как реализация общественно-коммуникативной деятельности людей в процессе их общения, характеризуясь всей совокупностью содержания этой деятельности, с точки зрения психологии [1]. Аналогичную точку зрения выражает С.Л. Рубинштейн, подчеркивая, что предметом речевой деятельности является мысль, способ формирования и формулирования мысли посредством языка, т.е. речи [2].

Известный переводовед А.Д. Швейцер указывает на психологическую природу данного вида речевой деятельности, мотивируя тем, что языкознание можно отне-

сти к числу психологических наук в силу того, что речь – это процесс мышления [3]. Психолингвистическими аспектами перевода занимались И.А. Зимняя, В.И. Ермолович, А.А Залевская., Б.А. Бенедиктов, Б.В. Беляев, П.И. Зинченко и др. Б.В. Беляев, например, утверждает, что перевод следует считать особым мыслительным процессом, при котором происходит переключение мышления с одной языка на другой, т.е. переключение кода. А.С. Остапенко под переключением кода понимает «поочередное использование билингвами двух языков, вынужденное или сознательное, которое реализуется за счет различных механизмов» [4]. Как указывает Р.К. Миньяр-Белоручев, особенностью процесса перевода является ряд мыслительных операций, которые не доступны наблюдению, они неуловимы и неосязаемы [5].

Переводческое переключение основывается на характерных признаках: заданности параметров и условий, высоких требований к скорости и качеству перевода, определенной сложности условий осуществления, основной роли в процессе перевода.

По мнение Б.В. Беляева, именно переключение кода можно рассматривать как перевод и определить как особую двуязычную деятельность [6]. Это предполагает способность переводчика мыслить на другом языке, находить адекватные средства выражения смысла, одновременно переключаясь с одной позиции видения мира на другую.

З.А. Пегачева разделяет точку зрения Б.В. Беляева, определяя перевод как своеобразную речевую деятельность, подчеркивая, что при выполнении такого вида деятельности переводчику приходится преодолевать целый ряд психологических трудностей и, в частности, переключение с системы одного языка на систему другого [7].

Однако следует отметить, что ученые-лингвисты, в отличие от ученых-психологов, используя термин «деятельность», предполагают активный характер этого процесса, а не психологический анализ его содержания как деятельности. Деятельность с точки зрения психологии обозначает специфические процессы, осуществляющие активное отношение человека к действительности. Лингвисты под деятельностью (речевой деятельностью) понимают изучение речевых процессов. Любая деятельность характеризуется сложной структурой, складываясь из действий и операций, управляющих ею факторов (потребность, мотивы, цели, условия, в которых она протекает).

Мы рассматриваем переводческую деятельность как процесс порождения речи, особенности которого обусловлены его местом в системе двуязычной коммуникации. Данный вид деятельности базируется на других видах речевой деятельности: рецептивных (аудировании, чтении) и продуктивных (говорении, письме). Как указывает И.А. Зимняя, перевод, в силу своей сложности и специфичности, объединяет в себе внутренние механизмы рецептивного и продуктивного видов речевой деятельности. Перевод объединяет с разной степенью слитности (в зависимости от вида перевода) психологический механизм смыслового восприятия и смысловыражения, вероятностного прогнозирования и упреждающего синтеза и т.д., где звено одного процесса является звеном другого. Например, понимание смысла – это замысел и т.д. [8]. Следует отметить, что слитность этапов восприятия и порождения текста особенно характерны для синхронного перевода, поскольку слушание и говорение протекают одновременно, выполняя структуру единой деятельности. Другими словами, одновременно происходит восприятие и воспроизведение речевого материала, в основе которого лежит взаимодействие разнонаправленных процессов, рецептивного и продуктивного [9].

Несмотря на сложность переплетения этих процессов, речевая деятельность при переводе всегда начинается с восприятия переводчиком готового текста, который является продуктом речевой деятельности адресанта. При этом мотив деятельности уже присутствует – это познавательная или коммуникативная потребность человека (собственная потребность), удовлетворяемая различными видами речевой деятельности [10].

Особенностью перевода является также замысел речевого высказывания извне, т.е. заданный другим человеком. Эта заданность характерна для всех видов перевода [11]. В связи с этим данный вид ре-

чевой деятельности можно назвать вторичным видом. Следует обратить внимание на то, что важную роль при переводе играет профессионализм самого переводчика. При переводе создается впечатление, что уже созданный на другом языке текст – это результат репродуктивного процесса. Однако, если это буквальный перевод с простым поэлементным перевыражением, перекодированием текста, то это может происходить по нескольким причинам: из-за некомпетентности переводчика в данной области, его неспособности понять чужую мысль, на которую направлена его деятельность, а значит, неспособности сделать этот предмет мотивом своей собственной деятельности; в силу недостаточного владения иностранным языком, т.е. незнания в достаточной степени языковой системы для использования формирования и формулирования мыслей средствами и способами родного языка. Эти и ряд других факторов затрудняют реализацию на другом языке замысла автора, приводят к формальному переформулированию на уровне поверхностных структур и в результате к буквальному, нетворческому переводу.

Творческий перевод характеризуется процессом порождения смыслов на глубинном уровне. В этом случае в речевой деятельности переводчика, наряду с операциями, имеющими автоматический характер, присутствуют операции импровизационного, эвристического характера. Происходит процесс порождения текста, который неотделим от процесса порождения мысли и речи. Причём этот процесс идёт не просто от глубинных структур к поверхностным и от поверхностных к глубинным, а, именно, определяется формулой от содержательных элементов сознания к речевым текстам и от речевых текстов к содержательным элемента сознания.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что одной из важных проблем методики обучения переводу является проблема формирования творческой активности обучающегося. Базовыми в образовательном процессе являются не только компетенции, ориентированные на предмет (знания, навыки, соответствующие методы и технические приемы, свойственные различным предметным областям), но и общие личностные компетенции. При этом предметные компетенции находятся в прямой зависимости от общих компетенций, которые должны являться инструментом освоения первых. Проблема развития творческих способностей обучающихся привлекает все больше внимания лингвистов и психологов, поскольку творчество является одним из решающих факторов, способствующих формированию позитивной жизненной позиции, умению сохранять свою индивидуальность (Л.С. Выготский, А.М. Матюшкин, А.И. Денисов, Н. А. Ковина, Л.С. Беляева, Л.Л. Литвиненко, А.Н. Леонтьев, Я.И. Пономарев, Т.И. Шамова, С.Т. Шацкий, И.Т. Огородников и др.). При этом многие исследователи определяют творческую активность через категорию смысла – отношение человека к миру, осознание своего места в нем (М.М. Бахтин, В.Н. Дружинин, А.А. Мелик-Пашаев и др.). В ряде работ подчеркивается культуро-образующий компонент, как составляющая креативности (А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Д.Н. Узнадзе и др.). Речевое творчество формируется при решении проблемных задач и ситуаций, доступных для данной аудитории. Обучение должно быть ориентированно на личностные характеристики, предшествующий опыт, уровень интеллектуального развития, особенностей психики (памяти, восприятия, мышления). Различные способы творческой активности способствуют не только развитию коммуникативной компетенции, но и совершенствованию слухо-произно-сительных навыков в процессе той или иной деятельности, развитию познавательного интереса, формированию определенных навыков, раскрытию индивидуальных потенциальных возможностей и др. Так, по мнению исследователей, постепенно в процессе творческой деятельности происходит формирование разносторонних связей между обучающимися, объединенными общими интересами; учащимися и преподавателями, которые являются научными руководителями, членами профессиональных жюри, что содействует успешному вовлечению их в учебно-исследовательскую деятельность в рамках профессионального учреждения. Познавательно-творческая активность проявляется в повышении уровня квалификации, поскольку социальное творчество есть

выражение социальной и личностной зрелости студентов. Увеличение доли научной и проектной подготовки в учреждениях высшего образования в современных реалиях должно способствовать раскрытию творческого потенциала обучающихся, которые смело могут ориентироваться в современном мире. В связи с этим наибольшую актуальность приобретает развитие таких качеств, как гибкость, быстрота и широта мышления, развитие воображения, критичность, вариативность, которые позволяют легче осваивать основы дисциплин, являясь необходимой составляющей будущей профессиональной деятельности не только переводчика, но и специалистов других профилей. Развитие творческого мышления способствует формированию и совершенствованию таких мыслительных операций, как: анализ, синтез, сравнение и обобщение, планирование, абстрагирование.

Среди исследователей перевода нет единого мнения о том, какой вид перевода считать наиболее творческим. Так, одни авторы утверждают, что репродуктивность мышления характеризует, в основном, синхронный, и, в какой-то мере, устный последовательный перевод, тогда как письменный перевод в наибольшей степени проявляет творчество переводчика. Другие считают, что одним из методических принципов анализа деятельности синхронного переводчика является признание эвристического характера процессов восприятия и порождения высказываний. Не вдаваясь в вопрос о степени участия творческого и репродуктивного мышления в конкретных видах перевода, отметим, что многие исследователи связывают с понятием эвристичности критерий поиска, выбора оптимального в данных обстоятельствах пути продолжения процесса порождения мысли и речи.

Говорить о порождении текста при переводе можно в том случае, если мысль, присвоенная переводчиком в ходе активного восприятия текста, превращается в его замысел и, формируясь, ищет себя в родном языке, т. е. творится, совершается в нем, воссоздаётся как бы заново. Термин «порождение», применяемый к переводу как виду речевой деятельности, приобретает в таком контексте свой прямой, онтологический смысл, в отличие от его метафорического использования в традиционной лингвистической теории перевода.

Специфические черты перевода как процесса вторичного порождения теста, сближают перевод с другими видами, подвидами речевой деятельности, в которых объектом выступает уже готовый текст, и имеет место то или иное его преобразование в зависимости от социального заказа, собственно потребностей субъекта и т.д.

Каждый конкретный вид данной речевой деятельности характеризуется определенной совокупностью параметров, по которым идёт работа над исходным текстом. В качестве таких параметров мы выделили следующие: репродуктивный (формальный) или творческий (интерпретационный) характер работы над исходным тестом; изменения объема исходного текста (его развёртывание или компрессия) или сохранение его объема; изменение кода или использование того же; направленность восприятия на устное или письменное сообщение мысли на родном языке; устный или письменный способ формирования и формулирования мысли на родном языке.

Эти параметры в достаточной мере описывают любой вторичный вид речевой деятельности с точки зрения семантических, структурных, формальных преобразований исходного текста, с точки зрения участия в этих преобразованиях основных видов речевой деятельности (слушания, говорения, чтения и письма).

Таким образом, особенность перевода как вторичного вида речевой деятельности заключается в инициировании данного вида речевой деятельности другим человеком. Это означает, что исполнительная часть деятельности является отражением внутреннего психического образа, который формируется в сознании в процессе отражения этой действительности. Структура переводческого процесса в терминах теории речевой деятельности, в терминах психолингвистики, разумеется, представляет собой всего лишь гипотезу, практическое подтверждение которой довольно затруднительно. Представителям различных школ и направлений лингвистики и психолингвистики не удается описать процесс перевода и выстроить его модель в силу определенных

трудностей. В частности, трудность определяется именно в ненаблюдаемости, неуловимости и неосязаемости тех мыслительных процессов, которые происходят в сознании переводчика. Но поскольку описание психолингвистических процессов речепорождения опирается на солидные научные исследования, то не вызывают сомнения и основные положения психолингвистики о характере переводческих мыслительных действий.

Библиографический список

1. Леонтьев А.Н. Психологическое исследование речи // Избр. психол. произведения: в 2-х т. / под ред. В.В. Давыдова. М., 1983. Т. 1. 348 с.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2000. 712 с.
3. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988, 227 с.
4. Остапенко А.С. Дискурсивно-лингвистические аспекты искусственного билингвизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 23 с.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
6. Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам М.: Просвещение, 1965. С. 149–161.
7. Пегачева З.А. Экспериментальная фонетика и психология речи. Понимание предложения. Уч. записки I МГПИИЯ им. М. Тореза. М.: 1960. Т. XX. 165 с.
8. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО МОДЭК, 2001. 432 с.
9. Зимняя И.А. Психология текста как продукта речевой деятельности // Язык как коммуникативная деятельность человека. М.: Изд-во МГИИЯ им. М.: Тореза: 1987. 348 с.
10. Зимняя И.А., Ермилович. В.И. Психология перевода. М.: 1981. 234 с.
11. Бенедиктов С.Б. Психологический анализ одновременного восприятия и воспроизведения связной речи. Вильнюс, 1974. 20 с.

Богомякова Александра Романовна, студентка, e-mail: natgo2012@yandex.ru
Горская Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1 для технических специальностей, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Alexandra R. Bogomyakova, a student, e-mail: natgo2012@yandex.ru
Natalya Ye. Gorskaya, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department №1 for Engineering Fields of Study, e-mail: natgo2012@yandex.ru

УДК 81'1

ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ЕДИНИЦА ДИСКУРСА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

© О.А. Крапивкина*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В настоящей статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «высказывание», сложившиеся в лингвистических исследованиях. Вслед за М. Фуко высказывание определяется автором как материально воплощенная в письменной или устной форме и существующая в определенном культурном и ситуативном контекстах единица дискурса. Данное определение позволяет выделить следующие характеристики высказывания – материальность, контекстуальная обусловленность, связь с другими дискурсивными единицами. Данные признаки позволяют разграничить высказывание и такие единицы, как предложение, пропозицию или фразу. Материалом послужили работы отечественных и зарубежных исследователей – М.М. Бахтина, Э. Бенвениста, М. Фуко, Р. Водак и др.
Ключевые слова: высказывание, дискурс, единица дискурса, жанр, речевой акт, контекст.

UTTERANCE AS A DISCOURSE UNIT: DEFINING THE CONCEPT

O.A. Krapivkina*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russia

The paper considers the various approaches to the definitions of the concept "utterance" suggested by modern linguists. Following the theory by M. Foucault, the author defines the utterance as a material oral or written unit existing in specific cultural and situational contexts. The definition allows us to distinguish the following characteristics of the utterance: material nature, contextual dependence, relationship with other discursive units. These features help make a careful distinction between an utterance and such units as a sentence, phrase or proposition. The study is based on the works by Russian and foreign researchers (M. Bakhtin, E. Benveniste, M. Foucault, R. Wodak et al.).
Key words: utterance; discourse; discourse unit; genre; speech act; context.

В современных лингвистических исследованиях отмечается тенденция переключения внимания с того, как устроен язык, к тому, как он функционирует в речевой деятельности, как представлен в речи человеческий фактор. Язык рассматривается не как нечто постороннее по отношению к человеку, а как часть самого человека [1]. Принцип антропоцентризма становится основополагающим во многих лингвистических исследованиях и проявляется в том, что «объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функции для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [2].

Коммуникация всегда осуществляется в речевом высказывании, которое является ее базовой единицей. Однако понятие «высказывание» до настоящего времени не получило однозначного понимания. Спорным является и соотношение понятия «высказывания» с такими сущностями, как «дискурс», «речевой жанр».

Основы теории высказывания были заложены Э. Бенвенистом, который «процесс высказывания (énonciation) рассматривает как «приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования» [3, с. 312]. Высказывание, отмечает Э. Бенвенист, «следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляются отношения между говорящим и языком» [там же].

Во французской теории высказывания, в основе которой лежит учение Э. Бенвениста, акцент делается на изучении того, как говорящий отражает свою субъективность в языке, как использует языковые средства в своих целях, присваивая себе язык в процессе высказывания [4], изучаются «следы» процесса высказывания в его результате, поскольку «любая дискурсивная последовательность несет в себе следы своего говорящего, но разным образом и в

разной степени» [5, p. 157]. В процессе высказывания «говорящий занимает определенную позицию относительно слушающего, своего процесса высказывания, высказывания как результата, окружающего мира, предыдущих и последующих высказываний [6].

Среди отечественных исследователей, занимавшихся разработкой теории высказывания, следует упомянуть М.М. Бахтина, который определил его как единицу речевого общения (в отличие от предложения как единицы языка), обладающую своим содержанием (тематическим), языковым стилем (отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка) и композиционным построением [7].

Приступив к работе над «Проблемой речевых жанров», М.М. Бахтин отмечал отсутствие в лингвистике понятия, которое бы концептуализировало высказывание не как грамматическое предложение, а как «целое высказывание», не единицу языка (и не единицу «речевого потока» или «речевой цепи»), а единицу речевого общения, имеющую не значение, а смысл, включающего в себя оценку» [там же]. Смысл высказывания, по М.М. Бахтину, нельзя понять со стороны, так как самое понимание входит как диалогический момент в смысл целого, тогда как совокупность значений текста может быть раскрыта «со стороны». Завершенная целостность высказывания определяется, как полагает исследователь, тремя факторами:

1) предметно-смысловой исчерпанностью;

2) речевым замыслом или речевой волей говорящего;

3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения.

Таким образом, можно предположить, что М.М. Бахтин отождествляет высказывание с а) отдельной репликой как единицей речевого общения, которую можно сопоставить с предложением как единицей языка; б) целым речевым произведением (дискурсом в современной терминологии). Любое высказывание (реплика или дискурс) всегда имеет форму жанра – относительно устойчивой и нормативной формы высказывания, а не языка. Существенным признаком высказывания, согласно М.М. Бахтину, является его обращенность, адресованность. «Различные типические формы такой обращенности и различные типические концепции адресатов – конститутивные, определяющие особенности различных речевых жанров» [там же].

С позиций М.М. Бахтина подходит к пониманию сущности высказывания и Т. ван Дейк, разграничивая процессуальное употребление языка и дискурс и определяя последний как «коммуникативное событие социокультурного взаимодействия», включающее в себя «говорящего и слушающих, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации» [8, с. 122].

Идеи М.М. Бахтина нашли отражение и в исследовании Р. Водак, которая уточняет двоякую сущность дискурса: с одной стороны, он «социально конституирован», то есть принадлежит какой-то прецедентной *цепи высказываний*, сфере общения, с другой – он сам «конституирует ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения» [9, p. 15].

Идея М.М. Бахтина о высказывании как единице речевого общения прослеживается и в дефиниции, предложенной В.Б. Кашкиным, который определяет высказывание как минимальную единица дискурса соотносимую с предложением или сверхфразовым единством, но не более [10].

И.С. Шевченко, следуя уже широкому пониманию высказывания, предложенному М.М. Бахтиным, отождествляет дискурс и высказывание («дискурс есть высказывания») [11]. Аналогичное определение *(discourse as utterances)* предлагает и Д. Шифрин, подчеркивающая взаимодействие формы и функции: предложение как форма актуализуется в высказывании как функции *(sentence vs. utterance)* [12]. Определение дискурса как высказывания предполагает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка.

Если у М. Бахтина высказывание – минимальная единица речевого общения, то С.Е. Тупикова предлагает такой единицей считать речевой акт (или реплику), а выска-

зывание – единицей следующего уровня. Цепь или объединение высказываний образуют дискурс [13, с. 149].

Представляется, что понимание высказывания как единицы дискурса уходит корнями в работы М. Фуко, у которого высказывание является постоянной величиной дискурса. Именно М. Фуко заложил основы изучения теории высказывания с точки зрения проблематики структуры дискурса, рассматривая последний как совокупность материальных форм сказанных вещей, неделимых элементов, атомов дискурса [14]. Высказывание в концепции М. Фуко служит основой для установления порядка дискурса, то есть выявления его собственных элементов, вплоть до первоначальных, и определения законов их существования в структуре дискурса. Оно есть не структура (т. е. совокупность отношений между измеряемыми элементами, узаконивающая, таким образом, бесконечное число конкретных моделей), а функция существования, принадлежащая собственно знакам, исходя из которой можно путем анализа или интуиции решить, «порождают ли они смысл», согласно какому правилу располагаются в данной последовательности или близко друг к другу, знаками чего являются и какой род актов оказывается выполненным в результате их формулирования (устного или письменного) [15].

Всякое высказывание обязательно имеет материальное воплощение, существование, материальный статус: оно должно быть произнесено вслух, воплощено в ощущаемом элементе, оставлять след в памяти или пространстве.

Непременным условием существования высказываний, по М. Фуко, является присутствие определенной пропозициональной структуры, пропозиции. Однако ученый возражает против отождествления данных понятий: предложения могут быть неразличимы с логической точки зрения, будучи одинаковыми пропозициями, но неравнозначными высказываниями. Критерии, позволяющие определить тождественность пропозиции, не подходят для описания общности высказывания. Пропозиция лишь выражает истину или ложь, утверждает или отрицает что-либо о предметах действительности, высказывание понимается шире.

Рассматривая другое соотношение – высказывания и фразы, М. Фуко также отрицает их тождество, приводя примеры высказываний, которые не соответствуют лингвистическим структурам фраз (генеалогическое древо, бухгалтерская книга, график т.п.). Философ приходит к выводу, что «определить высказывание во всей его целостности грамматическими особенностями фразы не представляется возможным» [там же].

Соотнося высказывание и речевой акт, М. Фуко отмечает их взаимосвязь: каждый акт оформляется в высказывании, а каждое высказывание обживается одним из этих актов, они существуют благодаря друг другу и во взаимосвязи. Однако некоторые речевые акты образуются рядом или суммой высказываний, их непременной близостью, что не позволяет установить однозначных отношений между совокупностью высказываний и совокупностью иллокутивных актов.

Таким образом, по М. Фуко, высказывание как единицу дискурса нельзя отождествить ни с единицей грамматики, ни с единицей логики, ни с единицей прагматики. Присущие им свойства не способны объяснить высказывание во всем его своеобразии. Высказывание характеризуется другими критериями. Оно необходимо в своем способе бытия и должно оставаться единичным для того, чтобы можно было установить, наличествует ли здесь фраза, пропозиция, речевой акт.

Высказывание, по М. Фуко, нельзя свести и к смыслу, к означающему. Приведем пример.

Согласились бы вы с мнением Валерии Новодворской, что «гражданский уровень России сейчас едва достигает соответствующего уровня развития Великобритании XVIII в. и Франции XIX в.»? [16, с. 213].

Данное высказывание является бессмысленным, потому что:
1) нет такого понятия как «гражданский уровень», поэтому нельзя сопоставить несуществующие явления в разных странах;

2) оценка «едва достигает» предполагает, что этот «уровень» можно измерить в некоторых единицах, но кто и когда измерял «гражданский уровень»?;

3) бессмысленность предпосылки

вопроса делает бессмысленным сам вопрос.

Однако приведенный пример, согласно М. Фуко, все же является дискурсивным высказыванием, и лишить его интерпретации – значит заранее ограничить область пользования. Фраза, утверждает М. Фуко, «напрасно пытается стать незначащей, она всегда с чем-нибудь соотносится постольку поскольку является высказыванием» [14, с. 92]. М. Фуко не ставит вопрос о правильности или неправильности высказываний. Решающим является вопрос о тождественности высказываний полю использования [там же]. По данному критерию высказывания можно категорировать как нормативные для данного дискурса или привнесенные из другого дискурса, не свойственные данному дискурсу.

Коррелят высказывания — это совокупность областей, в которых могут возникать данные объекты и устанавливаться данные отношения. Он конституируется не «вещами», «фактами» или «реалиями», а «законами возможности, правилами существования для объектов, дискурсивными формациями (еще один термин, введенный М. Фуко).

Высказывание возможно только в определенном месте, то есть оно контекстуально обусловлено: «Нет высказывания вообще, свободного, безразличного и независимого, но лишь высказывание, включенное в последовательность или совокупность, высказывание, играющее роль среди других, основывающееся на них и отличающееся от них; оно всегда включено в игру высказываний, в которой у него есть своя простая и незначительная, как ему и подобает, роль… Нет высказывания, которое не предполагало бы других высказываний, которое не имело бы вокруг себя поля сосуществований, эффектов и последовательностей, распределения функций и ролей» [14].

На высказывания влияют постоянно меняющиеся условия, в которых они разворачиваются. Как пишет М. Фуко, «высказывание всегда имеет края, населенные другими высказываниями» [там же]. Действие контекста определяется на основании более общего отношения между формулировками, на основании всей вербальной сети. Не существует высказывания, которое бы так или иначе не вводило в ситуацию другие высказывания. Контекст, который производит из фразы и совокупности знаков высказывания, есть, в понимании М. Фуко, ассоциированное поле, сложная структура, которая включает разные уровни, разные формы лингвистического опыта, словесной памяти, упоминания уже сказанного.

Каждое употребление высказывания детерминировано различными возможностями его существования [17]. Например, высказывание *Его подозревают в валютных спекуляциях*, произнесенное в 60-70-е годы прошлого века применительно к советскому гражданину, имеет совсем другие связи с действительностью, нежели то же самое высказывание, но сказанное в условиях современной России. Если в Советском Союзе за валютные операции люди наказывались лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет (Статья 88 УК РСФСР), а поиском «валютчиков» занимались не только службы МВД, но и КГБ, то в настоящее время валютная спекуляция по сути – основополагающая стратегия работы рынка. В данном случае мы имеем одно и то же предложение, но два совершенно различных высказывания, каждое из которых будет характеризоваться своими правилами существования [14]. По причине своей контекстуальной обусловленности высказывание лишено неоднозначности. Оно есть предложение системы языка, которое получило определенное контекстное значение [17]. Контекст играет главную роль в определенности языкового выражения как высказывания.

Таким образом, подводя итог вышесказанному и опираясь на идеи М. Фуко, определим высказывание как материально воплощенную в письменной или устной форме единицу дискурса, существующую исключительно в некотором социальном контексте и связанную с другими единицами, порожденными данным контекстом. В данном определении отражаются два важных свойства высказывания – его материальность и контекстуальная детерминированность. Последнее позволяет анализировать высказывания с учетом постоянно меняющихся условий социальной действительности, через призму определенного Времени культуры.

Библиографический список

1. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: МГУ, 1968. 338 с.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 212–228.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
4. Moeschler J. Argumentation et Conversation: Éléments pour une analyse pragmatique du discours. Paris: Hatier, 1985. 203p.
5. Kerbrat-Orecchioni C. L'Énonciation. De la subjectivité dans le language. Paris: Armand Colin, 1980. 290 p.
6. Maingueneau D. L'énonciation en linguistique française. Paris: Hachette, 2007. 160 p.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 180 с.
8. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
9. Wodak R. Disorders of Discourse. London, New York: Longman, 1996. 200 p.
10. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов / Под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 337–363.
11. Шевченко И.С. Речевой акт как единица дискурса: коммуникативно-прагматический подход // Тверской лингвистический меридиан: сб. научн. статей. Вып. 7: В мире языка. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. С. 69–80.
12. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford: Cambridge, MA, 1994. 232 p.
13. Тупикова С.Е. Разграничение понятий «высказывание», «дискурс», «речевой жанр», «тональность» в современной лингвистике // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 10 (66). С. 9–16.
14. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 2006. 208 с.
15. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
16. Захарова Е.Н. Введение в обществознание. М.: Школьная книга, 2001. 192 с.
17. Бурцев В.А. Дискурсивная формация как единица анализа дискурса // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 3 (95). С. 148–154.

Крапивкина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2, e-mail: koa1504@mail.ru

Krapivkina Olga, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department №2 for Engineering Fields of Study, e-mail: koa1504@mail.ru

УДК 662.7(088.83)(73)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПАТЕНТОВ США

©А.В. Стадник*, Н.А. Корепина*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Статья посвящена особенностям перевода патентов США. В ней рассматривается структура описания изобретений, формулы изобретений, анализируются примеры из действующих патентов.
Ключевые слова: перевод патентов США; структура описания изобретений; формулы изобретений.

FEATURES OF THE US PATENTS TRANSLATION

A.V. Stadnik*, N.A. Korepina*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

The article is devoted to the peculiarities of the US patents translation. The authors consider the structure of inventions descriptions, claims, and analyze the examples of patents being in force.
Keywords: translation of US patents; the structure of inventions descriptions; claims.

Страны всего мира вовлечены в процесс обмена научной и технической информацией. Содержанием обмена является всё то новое, что появляется в области науки и техники. Основная форма обмена научно-технической информацией осуществляется с помощью официально зарегистрированных патентов.

Изложение патента имеет традиционную форму, свой стиль, свою структуру в каждой конкретной стране, поэтому возникают трудности перевода. В узком, юридическом, смысле словом *патент* называется свидетельство, выдаваемое изобретателю. В области технического перевода словом *патент* пользуются в более широком смысле, т. е. им обозначают то, что и подлежит переводу. *Патент* как официальное свидетельство не переводится и существует в единственном экземпляре, а описание изобретения копируется и рассылается в другие страны [2].

Особая процедура составления и выдачи патентов обуславливает некоторые особенности языка описаний изобретений, к которым, в частности, относятся:

1) широкое употребление штампов и клише;

2) наличие большого числа синонимов;

3) наличие большого числа многозначных слов;

4) наличие большого числа слов, имеющих в данном контексте не то значение, которое обычно приводится в переводных словарях;

5) широкое употребление архаизмов и канцеляризмов;

6) употребление грамматических конструкций от первого лица [1].

Рассмотрим подробнее структуру описания изобретения. Любое описание изобретения имеет довольно четкую структуру, а каждый из разделов имеет свои существенные особенности, что обуславливается их различной правовой и информационной нагрузкой. Именно по этой причине переводчику необходимо знать назначение каждой из частей патента, особенности языка каждого из разделов и свободно ориентироваться в тексте описания изобретения, чтобы эффективнее решать поставленные перед ним задачи.

При описании изобретения требования к структуре описания различны и зависят от практики патентования, принятой в той или иной стране.

Однако в самом общем случае описание изобретения содержит следующие разделы (таблица).

Разделы описания изобретения

Название раздела	Перевод	Краткое содержание
1. Title of the Invention	Заголовок описания и название изобретения	Содержит сведения, необходимые для регистрации, хранения и отыскания патента, и название изобретения.
2. Abstract of the Disclosure.	Реферат (аннотация)	Информирует специалистов об общем характере и сущности изобретения. Объем аннотации не должен превышать 150 слов.
Обозначенные выше разделы составляют библиографическое описание патента		
3. Cross-References to Related Applications (if any)	Отсылки к родственным заявкам, если таковые имеются	Указываются данные родственных заявок
4. Background of the Invention a. Field of the Invention b. Description of the Prior Art c. Criticism of the Prior Art	Предпосылки к созданию изобретения/Уровень техники Область изобретения Описание (обзор) известного уровня техники Критика прототипа	Дается краткое описание существующего уровня техники, прямо или косвенно критикуется прототип, из чего следует необходимость его улучшения. Цель раздела – показать преимущества изобретения и указать его цели
5. Summary of the Invention	Резюме изобретения (сущность изобретения)	Краткое изложение существа изобретения. Предваряет формулу изобретения
6. Brief Description of the Drawing(s)	Краткое описание чертежа(ей)	Иллюстративная часть, помещаемая для наиболее полного понимания сущности изобретения
7. Description of the Preferred Embodiment (s)	Описание предпочтительного варианта осуществления изобретения	Описывает изобретение, процесс его производства и пути использования
8. Detailed Description	Подробное описание изобретения	Подробно рассматриваются признаки изобретения на примере одного или нескольких его вариантов
9. Claims	Формула изобретения	С юридической точки зрения патентная формула – главная часть патента, определяющая испрашиваемый объем защиты. В формуле изобретения сформулированы все существенные признаки изобретения
10. Statement of the Advantages to be Gained by the Invention	Технико-экономические результаты применения изобретения	Раскрывает возможность использования изобретения на практике
11. References Cited	Ссылочная часть	Ссылки на родственные патенты, патентные издания и др.
12. Disclaimer	Вкладыш с сообщением об отказе от пункта формулы	При необходимости – при отказе от пункта формулы после подачи заявки
13. Certificate of Corrections	Перечень замеченных опечаток	Приводятся замеченные опечатки и исправленные варианты

Не всегда в описании изобретения присутствуют все 13 вышеперечисленных разделов, они могут объединяться, опускаться, приводиться в ином порядке. Учитывая то, что каждый из разделов имеет свои особенности, представляется необходимым рассмотреть особенности перевода каждого из них в отдельности [1, 2].

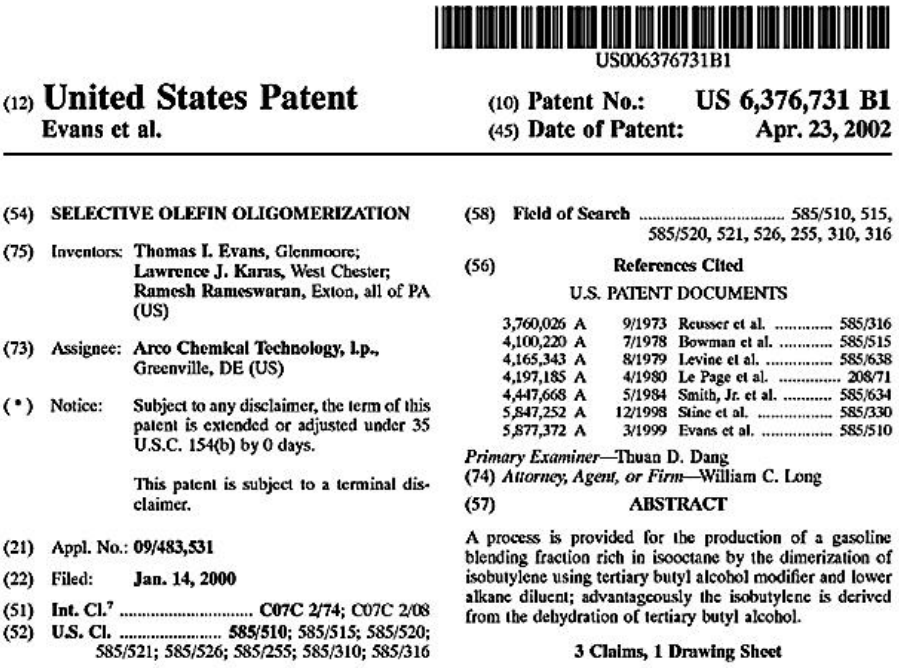
Пример библиографического описания представлен на рисунке.

Библиографическое описание состоит из заголовка описания, названия изобретения и реферата. Заголовок описания содержит сведения библиографического характера. Требования к оформлению заголовков отличаются в зависимости от страны, выдающей патент. Форма заголовка с течением времени меняется, однако каждый раз она утверждается официально и имеет строго определенную структуру [1].

Описания изобретений издаются в соответствии с рекомендациями ИСИРЕПАТ. Под названием документа – Патент США – приводится фамилия изобретателя. Если изобретателей несколько, приводится фамилия первого из них, а затем — «и др.». В остальном библиографическое описание к патенту США переводится в соответствии со значениями индексов ИСИРЕПАТ.

Перевод в соответствии с индексами ИСИРЕПАТ выше представленного примера: *(10) Номер патента – US 6376731B1, (12) Словестное обозначение вида документа – Патент США, (21) Регистрационный номер заявки, (22) Дата подачи заявки – 14 Января 2000 г., (45) Дата публикации типографским или иным аналогичным способом документа, по которому на эту или более раннюю дату был выдан патентный документ – 23 Апреля 2002 г., (51) Международная классификация изобретений, (52) Национальная классификация изобретений, (56) Список документов-прототипов, если он не включен непосредственно в текст описания изобретения, (57) Реферат или формула изобретения, (58) Область поиска, (74) Фамилия патентного поверенного или представителя* (перевод наш).

Подробные описания в обязательном порядке снабжаются рефератом (аннотацией) – abstract of the disclosure, располагающимся на титульном листе патента. Цель – снабдить специалистов информацией, отражающей сущность изобретения и область его применения. Реферат носит ознакомительный характер и не может использоваться для определения объема изобретения. Настоящий раздел можно рассматривать как образец научно-технического стиля изложения и его перевод не представляет особой сложности для опытных переводчиков технической литературы.



US006376731B1

(12) **United States Patent**
Evans et al.

(10) **Patent No.: US 6,376,731 B1**
(45) **Date of Patent: Apr. 23, 2002**

(54) **SELECTIVE OLEFIN OLIGOMERIZATION**

(75) Inventors: **Thomas I. Evans**, Glenmoore; **Lawrence J. Karas**, West Chester; **Ramesh Rameswaran**, Exton, all of PA (US)

(73) Assignee: **Arco Chemical Technology, L.p.**, Greenville, DE (US)

(*) Notice: Subject to any disclaimer, the term of this patent is extended or adjusted under 35 U.S.C. 154(b) by 0 days.

This patent is subject to a terminal disclaimer.

(21) Appl. No.: **09/483,531**

(22) Filed: **Jan. 14, 2000**

(51) **Int. Cl.**[7] **C07C 2/74**; C07C 2/08

(52) **U.S. Cl.** **585/510**; 585/515; 585/520; 585/521; 585/526; 585/255; 585/310; 585/316

(58) **Field of Search** 585/510, 515, 585/520, 521, 526, 255, 310, 316

(56) **References Cited**

U.S. PATENT DOCUMENTS

3,760,026	A	9/1973	Reusser et al.	585/316
4,100,220	A	7/1978	Bowman et al.	585/515
4,165,343	A	8/1979	Levine et al.	585/638
4,197,185	A	4/1980	Le Page et al.	208/71
4,447,668	A	5/1984	Smith, Jr. et al.	585/634
5,847,252	A	12/1998	Stine et al.	585/330
5,877,372	A	3/1999	Evans et al.	585/510

Primary Examiner—Thuan D. Dang
(74) *Attorney, Agent, or Firm*—William C. Long

(57) **ABSTRACT**

A process is provided for the production of a gasoline blending fraction rich in isooctane by the dimerization of isobutylene using tertiary butyl alcohol modifier and lower alkane diluent; advantageously the isobutylene is derived from the dehydration of tertiary butyl alcohol.

3 Claims, 1 Drawing Sheet

Библиографическое описание к описанию изобретения США [3]

Как правило, первое предложение реферата начинается с повторения названия изобретения, указанного в титульной части библиографического описания. Тем не менее, встречаются рефераты, начинающиеся с вводной фразы, которые при переводе опускаются, например:

The present invention relates to the production of biodiesel [5].

Производство биодизельного топлива (перевод наш).

Информация в реферате должна быть представлена в максимально компрессированном виде, в то же время опущение деталей может повлиять на качество перевода. В целях соблюдения требования краткости реферата и по причине его ограниченного объема приходится прибегать к приему объединения предложений, например:

A process for the separation of diisobutylene from tertiary butyl alcohol utilizing pressure swing azeotropic distillation to achieve the desired separation. The pressure swing azeotropic distillation takes advantage of the fact that different azeotropes are formed at different pressures [4].

Способ разделения диизобутилена из трет-бутилового спирта с использованием переменного давления азеотропной смеси основан на том, что азеотропы отгоняются при различных давлениях (перевод наш).

В рефератах также довольно часто употребляются причастие I и II, используемые для указания на особенности изобретения, его отличия от прототипов. При переводе английское причастие, как правило, заменяется глаголом третьего лица настоящего времени, например:

A side draw containing [4].

Боковой отвод содержит (перевод наш).

Целью раздела *Background of the Invention* (Предпосылки к созданию изобретения/уровень техники) является демонстрация преимуществ изобретения на фоне общего уровня техники и сравнение с аналогами изобретения. Раздел состоит из нескольких частей: «Указание области изобретения», «Описание известного уровня техники» и «Критика прототипа». Раздел довольно часто излагается в свободной форме, его язык схож с языком научно-технических материалов. Довольно часто объединяют некоторые части в один раздел, рассматривая, например, критику прототипа в разделе «Обзор уровня техники».

В разделе описания «Указание области изобретения» другой вариант перевода названия раздела – «Область техники, к которой относится изобретение», указывается область применения изобретения. Если таких областей несколько, указываются преимущественные. Раздел имеет юридическое значение, так как в нем определяется объем изобретения.

Вступление к разделу начинается со стандартной фразы:

The invention relates to… and more particularly to…

Изобретение относится к … и, в частности, к… [1]

Вместо определенного артикля *the* перед подлежащим может стоять указательное местоимение *this* или определение *present*, которое можно переводить как *данное, предлагаемое, описываемое*.

В качестве дополнения в первой части формулировки вступления употребляется существительное, чаще всего сопровождаемое атрибутивным комплексом, выражающим, в общем, область техники, к которой относится изобретение. Общий характер первой части вводной фразы подчеркивает употребление наречия *generally*, которое при переводе, как правило, опускается.

Во второй части вводной фразы находится еще одно дополнение, конкретизирующее область техники, к которой относится изобретение, уточняющее границы применения изобретения и частично определяющее объем описываемого изобретения.

Следующий раздел: резюме, оно предполагает краткое изложение целей и существа изобретения, где предваряется и подтверждается формула изобретения. В отличие от формулы изобретения, которая нередко подвергается значительным изменениям в процессе превращения заявки в патент, резюме никаким изменениям не подвергается. Поэтому в данном разделе много расширений, а используемые термины имеют более широкое значение по сравнению с терминами в формуле изобретения.

Как правило, структура резюме в общем случае содержит информацию «о цели, технической задаче и технических средствах изобретения». Целью изобретения является устранение всех или отдельных недостатков прототипа. Для того чтобы достичь цели, изобретатель решает определенную техническую задачу, пользуясь различными техническими средствами, которые являются признаками изобретения [1].

В разделе «Чертёж и краткое описание его видов», как правило, приводится не только перечисление рисунков чертежей, но и указывается связь между ними.

Обычно перечню чертежей в описаниях изобретений предшествует фраза, в которой говорится, что на прилагаемых чертежах показаны один или несколько примеров осуществления предлагаемого изобретения.

Обычно используется сказуемое *to be illustrated* (показано), однако вместо него могут быть и другие сказуемые: *to be shown, to be explained, to be described*.

Например:

As shown in FIG. 1, energy from the sun is used to produce a biomass material and plants that express exogenous WRI1 [5].

Как показано на рис. 1, энергия от солнца используется для производства биомассы и выращивания растений, что выражает экзогенную WRI1 (перевод наш).

Несмотря на очевидную простоту и схематичность, чертежи описаний отличаются достаточной полнотой. Поэтому для перечня чертежей характерны такие термины: *elevation* – вертикальный разрез, вид; *section* – поперечное сечение, разрез; *view* – вид, проекция.

Виды разрезов: *axial section* – осевой разрез; *cross* (*transverse*) *elevation* – поперечный разрез; *side* (*longitudinal*) *section* – продольный разрез; *plan sectional elevation* – горизонтальный разрез; *vertical section* – вертикальный разрез, *broken-away* (*partly in section*) *view* – местный разрез.

Разрезы, сделаны *on (along) the line A-A* – по линии A-A или *along line D-D in the direction of arrows* – по линии *D-D* в направлении стрелок.

В разделе «Подробное описание изобретения» приводится детальное описание изобретения на одном или нескольких примерах его осуществления для указания на то, как специалисты могут его выполнить. В данном разделе признаки изобретения описываются подробно и словами с узкой конкретной семантикой. При этом описание подчинено определенной логике, зависящей от объекта изобретения.

При изложении способа перечисляются этапы, операции, режимы в их технологическом порядке, приводится пример воспроизведения способа. При описании вещества указывается способ его получения, свойства и пределы концентрации ингредиентов, описывается методика получения исходных веществ.

Лексические особенности подробного описания: лексические штампы, т.е. выражения, подчеркивающие альтернативность решения, индикаторы отличительных признаков изобретения и обращения к сведущим специалистам. Поскольку изобретатели стремятся указать как можно больше вариантов предлагаемого ими изобретения, подробное описание насыщено словами и словосочетаниями, расширяющими права заявителя, или «расширениями», которые можно объединить в группы:

1) слова и словосочетания, косвенно подчеркивающие альтернативность признаков изобретения;

2) словосочетания, союзы и предлоги, указывающие на вариантность признаков изобретения;

3) общие выражения, позволяющие избежать несущественной конкретизации;

4) общие слова.

Простота используемых в подробном описании терминов объясняется тем, что изобретения относятся к усовершенствованиям уже известных машин, устройств и способов. Поэтому в данном разделе не могут использоваться новые, отсутствующие в словарях термины, которые могут появляться в научно-технических статьях при описании нового эффекта, теории или гипотезы [1].

Например:

The present invention relates to the production of biodiesel[1]. In particular, the present invention provides systems and methods for fermenting biomass[2] materials with transgenic[3] plant materials expressing the WRI1 transcription[4] factor [5].

1 – Биодизель, 2 – Биомасса, 3 – Трансгенный, 4 – Транскрипция.

С точки зрения грамматики, подробное описание изобретения практически ничем не отличается от обычных научно-технических текстов. Однако в данном разделе отмечается предпочтительное использование определительных и абсолютных причастных оборотов, а также эмфатической инверсии, то есть выноса определительного оборота и причастия в конструкциях страдательного залога в начало предложения. Кроме того, стремление к предельной точности высказывания при подробном описании изобретения приводит к использованию строгих определительных оборотов с местоимением *which*.

Формула изобретения – это раздел описания изобретения, имеющий наибольшее юридическое значение, который составляется по определенной форме. Формула изобретения обладает своеобразными, только ей присущими синтаксисом, лексикой и стилем изложения. Существуют различные формы формулы изобретения в зависимости от страны (американская, британская, германская, российская). Поскольку формулы, составленные в соответствии с германской (логической) и американской системами описания изобретения, имеют существенные различия, следует говорить не только о переводе формул с одного языка на другой, но и о «интерправовом их переводе».

Американская формула включает в себя все возможные варианты осуществления изобретения. Каждый вариант изобретения представлен своим пунктом, однако фактически второй, третий и последующие пункты представляют собой точную копию первого пункта и отличаются от него включением характерного отличительного признака варианта изобретения. Такой прием позволяет защитить изобретение в том случае, если патентным ведомством аннулируется первый пункт формулы изобретения. Ограничительные и отличительные признаки в американской формуле изобретения не разбиваются, а приводятся вперемежку или подряд. Поэтому американская формула изобретения называется инвентарной формулой [1].

Пример первого пункта американской классической многозвенной формулы изобретения:

1. A method comprising:

(a) providing:

(i) first plant material from a first plant comprising an exogenous WRI1 gene;

(ii) lignocellulosic plant material, sugars or starch derived from a second plant;

b) contacting said first plant material with said lignocellulosic plant material under conditions such that triacylglycerols are produced by said first plant material [5].

Поскольку классическая формула чрезвычайно громоздка и требует значительного времени на оформление и чтение, то в американских описаниях изобретений все чаще используется формула изобретения в виде одного общего пункта и нескольких коротких зависимых пунктов *(dependent (species) claim)* [1].

Следует отметить, что для американской формулы изобретения характерно многообразие видов. Так, патентоведы различают формулу Джепсона комбинационную, европейскую и современную; формулу гибридную; формулу Маркуша; формулу, описывающую изделие через способ его производства, и другие. Кроме того, существует многообразие форм записи формулы изобретения. Пункт американской формулы можно составить по одной из следующих форм:

1) *Single paragraph* – единый абзац, который рекомендуется для коротких пунктов;

2) *Subparagraph form* – каждый элемент или признак изобретения вводится с красной строки;

3) *Colon-semicolon form* – когда после перехода ставится двоеточие, каждый элемент выделяется точкой с запятой;

4) *Outline form* – когда элементы вводятся с помощью идентифицирующих букв [1].

Особенности перевода американской формулы изобретения заключаются в том, что описаниям предшествуют такие фразы как: *What I claim is; What we claim is, I claim, We claim, What is claimed is, It is claimed, What is desired by Letters Patent of the USA is…*

Все фразы переводятся на русский язык как «формула изобретения».

Наиболее типичной для американских описаний изобретений является следующая формулировка первого основного пункта:

A system comprising …

Система, содержащая … [1]

Однако следует обратить внимание, что вместо глагола to comprise могут использоваться его синонимы *to have, to include, to be comprised of,* например:

A process for the production of a high-octane gasoline blending mixture mainly comprised of isooctane which… [3]

Процесс производства высокооктанового бензина проводится перемешиванием смеси, содержащей в основном изооктан, который…(перевод наш).

Следует обратить внимание, что слово *claim* в американских описаниях изобретений может использоваться как со строчной, так и заглавной буквы.

Поскольку в американских описаниях изобретений каждый пункт формулы представляет собой одно предложение, то при переводе на русский язык деление пункта на отдельные предложения является недопустимым. Кроме того, пункт формулы изобретения должен представлять собой назывное предложение [1].

В том случае, если пункт формулы изобретения чрезвычайно объёмный, то переводчику необходимо научиться различать в пункте формулы подпункты, т.е. названия составных признаков изобретения. В последнее время для облегчения понимания текста подпункты обычно выделяются буквами, отступом или цифрами [1].

Анализируя литературу и примеры патентов, можно сделать теоретические выводы о том, что сложность перевода патентов заключается в следующем:

1) стандарты описаний и структуры изобретений США и РФ отличаются, что приводит к необходимости адаптировать перевод под соответствующие нормы с полной трансформацией текста;

2) используются все возможные лексические и грамматические трансформации и приёмы перевода, которые обеспечивают перенос смысла и сути изобретения.

В данной работе после анализа приведённых примеров настоящих патентов США можно сделать следующие практические выводы:

1) в текстах патентов встречаются вышеобозначенные конструкции, что обусловливает необходимость их перевода с последующей адаптацией под стандарты языка той страны, для которой производится перевод;

2) при переводе юридически значимых частей патента необходимо прибегать к интерправовому переводу.

После исследования патентов США в области химической технологии можно сделать общий вывод о том, что сложность перевода подтверждается приведёнными примерами и соответствует теоретическим основам перевода.

Библиографический список

1. Малёнова Е.Д. М186 Перевод патентов США и Великобритании: от теории к практике : учеб.-метод, пособие / Е.Д. Малёнова, Л.А. Матвеева. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. 144 с.
2. Коваленко А.Я. К 56 Общий курс научно-технического перевода: Пособие по переводу с англ. языка на рус. Киев : Фирма «ИНКОС», 2003. 320 с.
3. Пат. US6376731B1, США, МПК6 C07C 2/74. Selective olefin oligomerization / Thomas I. Evans, Lawrence J. Karas, Ramesh Rameswaran. № US 09/483,531; заявлено 14.01.00; опубл. 23. 04. 02.
4. Пат. US 6863778 B2, США, МПК6 B01D 3/36; B01D 3/42. Separation of tertiary butyl alcohol from diisobutylene / Jianhua Wang, Nishit Sahay, Mitchell E. Loescher, Montri Vichailak. № US 10/314,537; заявлено 09. 12. 02; опубл. 08. 03. 05.
5. Пат. US 20090061492 A1, США, МПК6 C12P 7/64; A01H 5/00. Method for producing biodiesel Christoph Benning, J. Michael Younger. № US 11/985,250; заявлено 14. 11. 07; опубл. 05. 03. 09.

Стадник Александр Владимирович, студент Института металлургии и химической технологии им. С.Б. Леонова, e-mail: 16716@mail.ru
Корепина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2, e-mail: cosmir@yandex.ru

Stadnik Alexander V., a student of Metallurgy and Chemical Technology Institute named after S. Leonov, e-mail: 16716@mail.ru
Korepina Natalia A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department № 2, e-mail: cosmir@yandex.ru

УДК 802.0: 378.4.

К АНАЛИЗУ ДИСКУРСА А. ЛИНКОЛЬНА

© Л. И. Шадаева*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Тенденцией в большинстве стран западной интеллектуальной традиции является разделение языка и опыта. В этом случае язык просто служит для выражения « плодов опыта». С этой точки зрения, язык рассматривается как своего рода «проводник», передающий различный опыт. Альтернативная точка зрения, заявленная в методе Фуко при анализе исторических текстов, подвергает сомнению то, что язык является только частью опыта, а, напротив, полагает, что язык принимает непосредственное участие в построении и организации опыта. В этом случае язык не является нейтральным, а глубоко вовлечен в построение смысла. Библейские метафоры, представленные в дискурсе А. Линкольна, имеют большое значение для понимания его высказываний. В статье дан анализ этих метафор, рассмотренных с точки зрения М. Фуко.
Ключевые слова: дискурс, метафора, интерпретация, Библия, стратегия, вера, контекст.

ON THE ANALYSIS OF A. LINCOLN'S DISCOURSE

L. Shadaeva*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russia

The tendency in most countries of the western intellectual tradition is to dissociate language and experience in such a way that language is seen as rather neutral, merely serving to 'carry' fruits of experience. Viewed in this way, language is seen as a kind of 'conduit', subservient to experience in various ways. The alternative view, as propounded in Foucault's method of analyzing historical texts, would argue that language itself is not only a part of experience, but intimately involved in the manner in which we construct and organize experience. As such, it is never neutral, but deeply implicated in building the meaning. The biblical metaphors which are numerous in A. Lincoln's discourse played a great role. The article provides analysis of the metaphors from Lincoln's speeches based on the theories of Michel Foucault.
Keywords: discourse, metaphor, interpretation, the Bible, strategy, belief, context.

В данной статье анализируются метафоры в дискурсе А. Линкольна, имеющие своим источником Библию, ценностные суждения которого составляли часть картины мира людей его эпохи и имели воздействие на них. Вопрос в том, в каком дискурсе первоначально произошли искажения библейских метафор и какое значение привнесено личностью А. Линкольном в данные метафоры.

М. Фуко полагает, что должен существовать такой уровень, на котором произведение раскрывается во всем множестве своих составляющих, будь то использование лексики, опыт, воображение, бессознательное автора или исторические условия, в которых он существует. Он также полагает, что такого рода единства недостаточны, поскольку они установлены операцией, которую можно назвать интерпретативной (так как она дешифрует в тексте то, что последний скрывает и манифестирует одновременно). Поэтому, пишет он, «мы вынуждены двигаться через наивную хронологию к бесконечно удаленной, незафиксированной в истории точке» [7, с. 26]. Точке, которую М. Фуко называет «уже-сказанное» или «не-сказанное».

Первое, на что направлен исторический анализ дискурса, считает М. Фуко, это поиск и воспроизведение того истока, который располагается вне каких-либо исторических детерминаций. Учитывая тот факт, что протестантизм составлял реальность бытия американского общества 19 века, следует предполагать, что таким истоком для нашего анализа является Библия, находящаяся вне каких-либо исторических детерминаций.

Переосмысленное значение – одно из «чудес» языка. Когнитивная лингвистика рассматривает язык «как систему, которая

напрямую отражает концептуальную организацию (человеческого мышления) [2, с. 72]. Поэтому исследователи когнитивного направления воспринимают метафору как основное звено в усвоении и передаче знаний. Так, термин «ключевые метафоры» прочно вошел в лингвистическую терминологию. М. Минский вводит в своих работах также аналогии, основанные на ключевой метафоре: «Такие аналогии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы «в свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [4, с. 291].

Излюбленной метафорой 19 века, пишет А. Гинес, являлась архитектурная метафора [1, с. 14]. Еще Карл Маркс говорит об обществе в терминах строительства, общество представляется как некоторое здание, строение. Эта метафора позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры, несущие опоры, блоки и т. д. Так, например, всемирно известная речь А. Линкольна от 16 июня 1858 года называется «House Divided». Метафора А. Линкольна «a house divided» представляет американское общество середины 19 века в терминах архитектуры, как «разделившийся дом». Линкольн прилагает образ одного фрагмента действительности, в нашем случае дома, к другому ее фрагменту, американскому обществу.

Тайна происхождения метафоры раскрывается на уровне всеобщего, и в результате изображения действительности лишается непосредственности, необходимости для совершения действия. В этой закономерности проявляется противоречие между Миром Деятельности (Активности) и Миром Ценности. Мир Деятельности – это Мир Порождения (Возникновения), видоизменяющий прошлое и предвосхищающий будущее. Мир Ценности, в отличие от него, не знает времени и каких-либо преходящих обстоятельств. Используя введенное понятие, можно определить этимологический анализ как входящий в Мир Ценности.

Как показывают исследования последних лет, этимология способна приблизиться к изучению единичного с помощью принципа контекста. В нашем случае рассматриваются контексты высказываний А. Линкольна, имеющих своим источником Библию. Контекст Библии – это и есть Мир Ценности, ценностные суждения которого указывают за пределы непосредственности исторического факта. Прослеживание использования говорящим ценностных суждений в своих прагматических целях и изменение им первоначального смысла этих суждений являются целью данной статьи.

Анализ иллокутивной силы контекста высказываний А. Линкольна и контекста Библии позволяет обнаружить целевую установку А. Линкольна, интенцию говорящего. Приведем пример из выступления Линкольна перед лицеистами Спрингфильда, штат Иллинойс, от 27 января 1838 года:

«1. Reason, cold, calculating, unimpassioned reason, must furnish all the materials for our future support and defence.-2. Let those materials be moulded into general intelligence, sound morality, and, in particular, a reverence for the constitution and laws…3. Upon these let the proud fabric of freedom rest, as the rock of its basis; and as truly as has been said of the greater institution, «the gates of hell shall not prevail against it» [3, с. 440].

Для анализа воспроизведем прототипический контекст Библии:

«1. And Simon Peter answered and said, Thou art the Christ, the Son of the living God. 2. And Jesus answered and said unto him, Blessed art thou, Simon Barjona: for flesh and blood hath not revealed it unto thee, but my Father which is in heaven. 3. And I say thee, That thou art Peter, and upon this rock I will build my church; and the gates of hell shall not prevail against it» [5, с. 645].

Как мы видим, высказывание А. Линкольна представляет собой ассертивный речевой акт 1, завершающийся двумя директивами 2,3, согласно классификации речевых актов Дж. Серля [6, с. 202]. Направление приспособления ассертива – «слова-реальность», условие искренности – убеждение. Направление приспособления директива – «реальность - слова», условие искренности – побуждение. В прототипическом контексте мы прослеживаем аналогичный порядок расположения речевых актов, а именно ассертивы 1,2 заканчиваются директивом 3, т.е. в высказывании А. Линкольна сохранена иллокутивная семантика библейского контекста. Ситуация опреде-

лена М. Фуко как «уже-сказанное», остается вторая часть его определения интерпретации «еще не-сказанное».

Обший рисунок стратегии является характерным для аргументативного дискурса, т.е. целевая установка говорящего заключается в изменении мира адресата, в последующем, принятие им точки зрения говорящего. Излагая положение дел в мире посредством ассертива 1, т.е. по определению Дж. Серля, приспособливая слова к миру, говорящий завершает высказывание побуждениями 2,3 к изменению Status Quo, т.е. изменяет направления приспособления.

Если в библейском изречении метафора «камень» выражает создание церкви Иисуса и обозначает веру, на которой будет построена она, то в речи А. Линкольна метафора «камень» входит в концепт «свободы». Несомненно, что в контексте Библии данная метафора является оплотом веры. Трансформация же концептуального основания этой метафоры произошла позже, предположительно во времена Великой французской революции. В мире Ценностей «свобода» занимает почетное место. Еще до А. Линкольна, метафора «камень» как прочное и непоколебимое основание свободы прозвучала в устах французских трибунов – революционеров: Жан Поля Марата и Максимилиана Робеспьера. В своей работе «Цепи рабства», изданной в Лондоне в 1774 году и во Франции в 1793 году, Марат пишет о свободе следующим образом: «Что бы там ни было, от нас самих зависит навсегда утвердить общественную свободу на непоколебимом основании, ограничив прерогативы короля и поставив его в положение счастливой невозможности когда-либо злоупотреблять ими. Аналогичное понимание концепта свободы прозвучало в речи Робеспьера «О свободе печати»: «Словом, создадим законы не на одно мгновение, а на целые века; покажем себя достойными заложить фундамент свободы, неизменно придерживаясь того великого принципа, что свобода не может существовать там, где она ограничена в отношении поведения тех, кого народ наделил своей властью». С точки зрения иллокутивной семантики, оба высказывания представляют собой директив: в первом случае косвенный, во втором – прямой.

Переход данной метафоры в дискурс языковой личности А. Линкольна из дискурсов французских трибунов обуславливается не только близостью идеологического понимания этой метафоры, но и принадлежностью говорящих к одному профессиональному поприщу. Как и Линкольн, Робеспьер и Марат занимались юриспруденцией до своей политической карьеры, об этом свидетельствуют многочисленные работы обоих революционеров. Можно лишь предполагать, что эти работы были известны А. Линкольну в силу характера его деятельности как адвоката. Еще одним весомым фактом для использования метафоры «камень» является то, что ключевой метафорой 19 века была архитектурная метафора. А, как нам известно, «камень» является строительным материалом.

С другой стороны, между цитатами контекста высказывания А. Линкольна и контекста Библии оказывается исторический поворот западно-протестантской христианской культуры от персонифицированного божьего облика (=первый апостол, Петр) к не персонифицированному демиургу (=разум, мораль, законопослушание).

С точки зрения семантики возможных миров, цитаты всех приведенных контекстов представляют собой возможные миры. Последние связаны в историческом континууме. Я. Хинтикка называет в качестве основного средства мировой линии, т.е. линии, связующей возможные миры, имена собственные [8, с. 227]. В данном случае мы имеем в качестве мировой линии метафору. Это свидетельствует о том, что метафора, как семиотический концепт свободна от пространства и времени. Значит ли это, что она вообще свободна от контекста?

Метафора «the rock» является той мировой линией, которая сближает контекст высказывания А. Линкольна с миром контекста Библии, в то же время с миром контекста высказываний французских революционеров Робеспьера и Марата. Контекстная связанность метафоры обусловлена характером иллокутивной силы прототипических высказываний.

Пропозициональной формой выражения будет: *Я призываю, чтобы гордый храм свободы основывался на холодном, беспристрастном разуме*. Далее в контек-

сте высказывания А. Линкольна идет прямое цитирование высказывания из Библии. Надо отметить, что это характерная черта дискурса А. Линкольна. Думается, что А. Линкольн интуитивно подчиняется лингвистическому закону, правилу использования прототипической метафоры. Данное правило настаивает на использовании иллокуции прототипического контекста. А последняя не будет полной, если опустить директив Завета. Поэтому он завершает свое высказывание прямым цитированием из Библии: «тогда как сказано в Святом Писании «И врата ада не одолеются».

М. Фуко определяет закономерности разнообразия актов высказывания и их происхождение через обращение к личности говорящего, поскольку тот является носителем системы различий и связей (А. Линкольн – президент США, дважды избиравшийся на этот пост в 1861, 1865) по отношению к другим индивидуумам и другим группам со своим статусом (власть и ее представители, правосудие, с религиозными группами и т.д.).

Идеи и установки А. Линкольна служат не в качестве зеркального отражения реальной действительности, а в качестве средств, с помощью которых А. Линкольн понимал и интерпретировал эту действительность. По справедливому замечанию Г. Кресса и Р. Ходжа, «языковая форма позволяет предавать информацию и искажать ее». Так, библейские метафоры, используемые А. Линкольном, составляли часть картины мира людей его эпохи и воздействовали на них. Вопрос в том, в каком дискурсе первоначально данное искажение произошло, какое значение привнесено личностью А. Линкольна в данные метафоры.

Библиографичесукий список

1. Гинес А. Вавилонская башня // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 10–216.
2. Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / Г. М. Костюшкина, А.В. Колмогорова, Н.С. Баребина, С.Ю. Дашкова, Е.О. Ильичева, Т.В. Нешева, О.В. Ситосанова М.: Флинта: Наука, 2015. 592 с.
3. Линкольн А. Речи и Письма 1832-1858.: сборник. Нью-Йорк: Библиотека Америки, 1989. 680 с.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
5. Новая американская библия. Нью-Йорк: Компания издательства католической литературы, 1977. 1451 с.
6. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып.17. С. 195–222.
7. Фуко М. Археология знания. 2-е изд. испр. СПб.: Гуманит. Акад., 2012. 208 с.
8. Хинтикка Я. Логико-эпистемологическое исследования. М.: Прогресс, 1980. 441 с.

Шадаева Лада И., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1, e-mail: Shadaeva@mail.ru

Shadaeva Lada I., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department №1 for Engineering Fields of Study, e-mail: Shadaeva@mail.ru

УДК 81'37, 811.134.2

ИНТЕРАКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГЛАЗ. ЯЗЫК ВЗГЛЯДОВ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

© Е.Д. Ю*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье рассматривается одна из доминант невербальной коммуникации контактной испанской культуры – визуальное интерактивное поведение людей. На примерах из художественных произведений показаны способы репрезентации невербального литературного дискурса в коммуникативных ситуациях, где единицы окулесики – миремы – передают значимую информацию. Взгляды представлены вариативными лексическими средствами. Эта репрезентация обусловлена как индивидуально-авторским подходом, так и в целом богатством испанского языка. Очевидно, что проблема соотношения зрительного и словесного кодов в проведённом анализе языка взглядов и естественного языка заслуживает внимания в разных аспектах интердисциплинарной взаимосвязи.

Ключевые слова: *мирема, интерактивное поведение, визуальные знаки, семантика, жестовый язык, невербальная коммуникация, невербальный дискурс, вербализация, репрезентация*

INTERACTIVE EYE BEHAVIOR. THE LANGUAGE OF LOOKS AND ITS REPRESENTATION IN LITERATURE (A CASE STUDY OF SPANISH FICTION)

E.D. Yu*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article examines people's visual interactive behavior that is one of the keynotes of non-verbal communication of the contact Spanish culture. Some examples from the literature demonstrate the ways of representation of the non-verbal literary discourse in communicative situations, where oculesics units – mirhemes – transmit the meaningful information. Looks are represented by various lexical means. This representation is due both to the personal author's approach and, in general, the richness of the Spanish language. It is obvious that the ratio of visual and verbal codes in the analysis of interactive eye behaviour and natural language claim an attention in the different interdisciplinary aspects.

Keywords: *mirheme, interactive behavior, visual signs, semantics, language of gestures, non-verbal communication, non-verbal discourse, verbalization, representation.*

В целом ряде культур, где люди избегают вербальных высказываний о себе, например, о том, как они себя чувствуют или что переживают, взгляды относят к важнейшим коммуникативным средствам, играющим роль не только в отражении эмоций, но и в передаче другой, довольно разнообразной в смысловом отношении информации. Установлено, что в пределах одного социума визуальные знаки неизменны, то есть имеют постоянное значение. Отсюда, проблема соотношения словесного и зрительного кодов заслуживает внимания, хотя немногие лингвисты, занимающиеся рассмотрением данного аспекта невербалики, участвуют в соответствующих научных разработках в силу решения других задач.

Науку о языке глаз – *окулесику* – подробно описывает в своих работах Г.Е. Крейдлин. Она обращена к интерактивному визуальному поведению людей. Лексема «взгляд» означает нечто невидимое, что человек испускает из глаз, когда смотрит на кого-либо или что-либо. Взгляд сопряжён с чувствами, мыслями, желаниями, устремлениями; иными словами, за взглядом стоит, как правило, некая характеризующая пропозитивная структура [1]. За единицу окулесики принята *мирема* – жестовый и знаковый сигнал глаз.

В испанском языке «взгляд» – *mirada* – номинируется и сопровождается следующими квалификаторами: *fija* (*пристальный*), *alegre* (*радостный*), *tranquila* (*спокойный*), *graciosa* (*грациозный*), *lenta* (*медленный*). Иногда он характеризуется в тексте при помощи «температурных» прилага-

тельных, бывая *fría* (*холодным*), *helada* (*ледяным*) и выражая отчуждённость или агрессивность. И напротив, «тёплый взгляд» в значении «ласковый / нежный» – *una mirada cariñosa* – передаёт симпатию или любовь.

Языковое обозначение взгляда обычно в предложении семантически согласовано с подчиняющим его предикатом. Так, *con una mala mirada – злым взглядом* – можно не только *mirar* (*смотреть*) при нейтральном обозначении визуального контакта, но и, например, *clavar* (*впиться,* букв. «пригвоздить») или *fulminar* (*испепелить*) для придания оценочной характеристики глазного поведения:

Y uno de ellos, el del bigote, estira una mano con los dos primeros dedos bien juntos y hace como si le diese vuelta a una llave y me dice, clavándome una mala mirada: – Si no vienes a buscar los papeles, ya lo sabes... y lo llevo dentro una pena que me mata… [2, p. 7].

А один из них, с усами, вытягивает руку со сложенными вместе двумя пальцами, вращает ими, словно вертит ключом, и говорит мне, впившись своим злым взглядом: – Если не найдёшь бумаги, ты знаешь…, и я чувствую внутри боль, которая меня убивает…

Оценивающий взгляд – *una mirada valorativa* – может *классифицировать – clasificar, измерять – medir, определять – encasillar, examinar – рассматривать / изучать*.

По степени использования взгляда в его фатической функции общества делятся на контактные и неконтактные культуры. В контактных культурах, к которым относятся в основном южные народы – испанцы, итальянцы, португальцы, латиноамериканцы, арабы, взгляд при разговоре и общении имеет большое функциональное значение [3].

Контакт глаз является наиболее чётким показателем складывающихся между людьми взаимоотношений и включает обмен взглядами, направление взгляда и время его фиксации на партнёре. Другими существенными факторами в развитии визуального контакта являются: пол, возраст, личностные особенности, степень знакомства собеседников, система отношений между ними, ситуация общения.

В качестве критериев анализа коммуникативного глазного поведения выступают [4]:

1) *пространственные характеристики*:

– прямой взгляд (интерес, открытая позиция, уверенность, готовность к контакту);

– взгляд, направленный вдаль (задумчивость, сосредоточенность, сомнение, колебание);

– взгляд, направленный «сквозь партнёра» (неуважение, возможная агрессивная реакция);

– взгляд, направленный мимо партнёра (эгоцентризм, нацеленность на себя);

– взгляд снизу, исподлобья (агрессивность до готовности к нападению или защите; при наклоненной голове и напряженной согнутой спине – подчинённость, покорность);

– взгляд сбоку, искоса (скепсис, цинизм, недоверие, озабоченность);

– взгляд сверху вниз (чувство превосходства, гордость, высокомерие, презрение); твёрдый взгляд (уверенность в себе); жёсткий взгляд (скрытность, бесцеремонность, недоверие).

2) *степень интенсивности* свидетельствует о выраженности интереса к партнёру (пристальный взгляд, бросить взгляд, скользнуть взглядом);

3) *временные параметры* смотрения друг на друга (частота и длительность контакта).

Интенсивность взгляда и его временной параметр (длительность) в испанском языке передаются лексемой *ojeada*, означающей «быстрый взгляд». Она употребляется в сочетании с глаголами *echar* и *lanzar* (*бросить*), передающими скорость выполнения данной миремы:

El hombre me lanzó una ojeada fina como un punzón. Me estremecí bajo aquella mirada... – Tengo entendido que busca usted información – empezó a decir con voz perezosa… [5; p. 282].

Тот человек бросил на меня взгляд, тонкий, как укол. Я содрогнулся под этим взглядом… – Мне понятно, что Вы ищете информацию, – заговорил он ленивым голосом…

Однако, лексема *ojeada*, выступая синонимом к слову *mirada*, в отдельных случаях имеет уточняющее определение *rápida* (*быстрый*).

Emilio le cogió las manos de encima del regazo, se las apretó con deseperación... Él había echado una rápida ojeada a la puerta [6, p. 127].

Эмилио взял её руки и с отчаянием сжал их… Он бросил быстрый взгляд на дверь.

Ещё одна лексема со значением «взгляд / взор» – *vista* – употребляется как с глаголами *desviar* и *apartar* (*отвести взгляд*), так и с *poner*, *clavar*, *fijar* (*смотреть пристально*), а также в выражениях *extender la vista* (*окинуть взглядом*); и *dar una vista* (*бросить взгляд*). Однако наибольшее количество репрезентированных речений связано с лексемами *ojo*, *ojos*, *ojitos*, *ojillos*, сопровождаемыми квалификативными определениями.

Глаза представляют собой настолько важный в физическом, физиологическом, социальном, психологическом, религиозном и в других отношениях орган, что каждая культура и народ вырабатывают собственные типовые модели визуального поведения и языковые способы его передачи:

A las dos y diez se preguntó: ¿por qué tenía que callar como una cautiva a la que han rebanado la lengua? ¿Por qué no podía ella hablarle de aquellos ojos irritados, aquellos ojos de oliva, aquellos ojos un poco desorbitados, aquellos ojos de niebla, de agua roja, ojos de catarro, de pomada de mentol, de surtidor en gruta con verdín, de cristal de Bohemia que no se ha limpiado en mucho tiempo, ojos de té de la morería, de mar de Sargazos, por qué no podía ella acabar con la parálisis de su boca y dirigirse a él y decirle que... «haría todo» si él se lo pidiese [7, p. 36].

В данном отрывке сравнительные описания, характеризующие глаза героини, это авторское изложение, исключительно специфичное и нераспространённое. Тем не менее, пример иллюстрирует характеристики глаз, вербализованные средствами испанского языка.

С помощью глаз передаются молчаливые сообщения:

Vio que lo miraba como si hubiese esperado de él otras palabras; otro gesto. Los ojos de la mujer, hasta entonces fijos en los suyos, se deslizaron por su rostro… [8, p. 338].

Он видел, что она смотрела на него, словно ожидала других слов, другого жеста. Глаза женщины, прежде пристально смотревшие в его глаза, скользили по лицу...

и осуществляются коммуникативные воздействия:

Su boca se curvó, con un mayor desdén, en una sonrisa que nos insultaba.

– Señor... – empezó a decir Aben Comisa, pero lo detuve con los ojos.

– ¿Qué solicitáis vos entonces? – dijo el conde tras una pausa y muy a su pesar... [9, p. 478].

Его рот презрительно скривился в оскорбительной улыбке.

– Сеньор…, – заговорил Абен Комиса, но я остановил его взглядом.

– О чём Вы теперь просите? – сказал граф, выдержав тяжёлую паузу.

La mirada aplastadora del padre cortó los gestos de protesta de los niños [10, p. 147].

Подавляющий взгляд отца оборвал протестующие жесты детей.

Разговор одного лица с другим под действием глаз может проходить гладко / шероховато или вовсе прерываться. Это связано с тем, что в непосредственном диалоге говорящий относительно редко смотрит в глаза собеседнику при произнесении фразы; скорее всего он поступит так, когда закончит говорить, поскольку трудно одновременно, глядя в глаза, передавать и считывать информацию. Цель подобных финальных взглядов очевидна: увидеть, установлена ли связь со слушающим и какова его реакция на сказанное.

Особая роль в коммуникации отведена мireме «прямой взгляд», который фиксируется даже на большом расстоянии между партнёрами и выполняет значимые социальные и коммуникативные функции. Адресат всегда обращает внимание на прямой взгляд и обычно трактует его как вызывающий, гипнотический или агрессивный. Прямой взгляд приводит собеседника в состояние волнения и ставит в затруднительное положение [11, 12]. Согласно общепринятым этикетным нормам он должен быть коротким.

В современном испанском языке наибольшее распространение имеет выражение «пристальный взгляд» – *una mirada fija*. Существует несколько способов вербализации данной миремы, представленной различными лексико-грамматичес-

кими моделями: *mirar fijamente*, *la fijeza de la mirada*, *mirar con fijeza*; а также дополнительными фразами, передающими сходное производство этого знака: *escudriñar* (*пристально всматриваться*), *mirar sin parpadear* (*смотреть, не моргая*), *lenta dominación de la mirada* («*медленное господство взгляда*»), *mirar con intensidad* (*смотреть напряжённо*).

Если партнёры смотрят так друг на друга дольше, чем принято, и без каких-либо установок или целей, требующих увеличения времени реализации описанной миремы, то через непродолжительное время они прерывают взгляд. Отвод глаз в сторону и опускание глаз рассматриваются как успокаивающие невербальные коммуникативные средства. Их роль в диалоге аналогична той, что выполняет обычная улыбка, возникающая на лице одного из собеседников. Отвод взгляда передаёт ослабление или снятие эмоционально-напряжённого состояния участников интеракции:

Yo hice un vago gesto de condolencia y escapé con los ojos a otra parte. Sin mirarle, le oía con mayor libertad [6; p. 33].

Я сделал неясный жест соболезнования и отвёл глаза в другую сторону. Не глядя на неё, я слушал её с большей непринужденностью.

Иное прагматическое значение имеет кинема *bajar los ojos (опустить глаза, взгляд)*, используемая в передаче смущения, стыда, сожаления:

– *…en Granada hay quienes destronan a su padre para sustituirlo en el poder…Yo bajé los ojos al escuchar lo último, porque comprendí que se refería a mi padre*… [9; p. 76].

… в Гранаде есть те, кто свергает своего родителя, чтобы заместить его на троне… Я опустил глаза, услышав это, так как понимал, что речь шла о моём отце...

Рассмотрим ещё несколько мирем, относящихся к языку глаз в их вербальной репрезентации. Мимический жест «сощурить глаза» – *entornar los ojos*, описанный с точки зрения физической реализации как «слегка сжимая веки, прикрыть глаза» передаёт смысл «зафиксировать своё внимание на объекте наблюдения».

Попытаемся обосновать номинацию глагола *entornar*, который, вероятно, появился в связи с тем, что движение лицевых мышц осуществляется *en torno de los ojos* (*вокруг глаз*). Обнаружены словосочетания *empequeñecer los ojos* и *arrugar los ojos*. В форме выражения глагола *empequeñecer* (букв. «сделать маленьким») заложена сема *pequeño*, а в семантике глагола *arrugar* – *arruga* (*морщина*) может рассматриваться как результат исполнения жеста; «подмигивать» означает некую сопричастность с адресатом и вербализуется выражением *guiñar el ojo*.

– *Estas chiquillas, Horacio, un día van a meterse en un lío. Y le guiñó el ojo como si hablara de algo acordado y entendido entre los dos* [13; p. 158].

Эти девчонки, Орасио, однажды «вляпаются». И он подмигнул ему, словно говорил о чём-то согласованном и понятном им обоим.

Широко раскрытые глаза – *ojos muy abiertos*, удивлённые – *(ojos) de asombro*, круглые – *redondos*, страшные – *espantosos*, выпученные / вытаращенные – *desencajados*, глаза, вылезшие из орбит – *ojos desorbitados*, – всё это миремы, передающие страх, разные степени удивления, вплоть до изумления и потрясения, а также сильное желание и заинтересованность в чём-либо.

De pronto hizo esfuerzos para incorporarse, con los ojos iluminados por el miedo, los grandes ojos que parecían mayores en las cuencas oscuras... [14, p. 108].

Внезапно она сделала усилие подняться, её глаза горели от страха, большие глаза, которые казались огромными в тёмных глазных впадинах…

В коммуникативном взаимодействии глаза способны отражать вербальную часть диалога с бóльшей выразительностью, нежели собственно звучащая речь, что подчёркивается авторским изложением:

– *¿Es usted, jefe?* – *le dijo el ojo abierto, más que la boca, que acababa de roncar* [10, p.122].

Вы – начальник? – скорее спросил открытый глаз, чем рот, который только что прохрипел.

Приведённые метаязыковые семантические выражения не являются окончательными толкованиями, так как представляют собой довольно расплывчатые описания мирем. Однако они демонстрируют, какие шаги предпринимаются в нужном

направлении для описания производимых знаковых движений, в частности, при создании словарей жестов.

В испанском языке встречаются лексемы, обозначающие свойства и функции глаз; существуют разнообразные в смысловом отношении и близкие фразеологическим выражения, имеющие в структуре соматическую единицу *ojos*, как, например, *tener entre ojos a uno*, *traer sobre ojos a uno* (*не терпеть кого-либо / иметь зуб против кого-либо*); *avivar los ojos* (*глядеть в оба*).

Культурные функции мирем, как и социальные или дискурсивные, чрезвычайно разнообразны: многие народы считают глаза отверстием, через которое душа попадает в тело человека и покидает его. Этим же путём способны проникать добрые и злые духи. Выходя через глаза, они оседают на всём, на что человек ни посмотрит. Так, вероятно, появились выражения «сглаз» и «сила взгляда», обозначающие «ресурсы, которыми обладает взгляд для достижения каких-либо целей» [1]. Известна и описана охранная функция глаз (например, амулеты в форме глаза).

Знаменитый испанский писатель, философ и мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет в своём эссе «El hombre y la gente» писал: «Облик тела, его мимика, пантомима, слова и жесты не выявляют, а лишь выражают тот факт, что в нём – теле – заключается некий сокровенный мир, сходный с моим. Тело человека – богатейшее «поле экспрессии», наивная выразительность… Глаза – окна души – говорят о человеке гораздо больше, чем, что бы то ни было, поскольку они представляют акты, исходящие изнутри. Мы видим, на что человек смотрит, и как он это делает. Взгляд позволяет судить о своей глубине…» [15].

Сумма взглядов и время контакта глаз – в европейской культуре ключевой момент в установлении степени близости и симпатии людей. С другой стороны, враждебность по отношению к адресату и вызывающий ответ также усиливают визуальный контакт. В намерении «перехватить инициативу» глаза выдают испытываемые в данный момент чувства. Таким образом, с миремами ассоциируются сигналы двух родов: агрессивные, возникающие при конфронтации или схватке как выражение доминирования, стремления подавить адресата; и фатические, передающие признание адресата, уважение, симпатию или любовь к нему. Контакт глаз непосредственно связан с такими проявлениями в интерактивном поведении, как обман, хитрость и другие рациональные компоненты, выдающими желание человека достичь для себя какой-либо выгоды. Отсюда, вербализация окулесики в описаниях коммуникативных ситуаций является значимым параметром в моделировании и представлении *дискурсивных матриц* [16] – сценариев диалогов, репрезентирующих образ человека говорящего, что показательно прослеживается в художественной литературе.

Библиографический список

1. Крейдлин Г.Е. Жесты глаз и визуальное коммуникативное поведение // Труды по культурной антропологии: сборник статей памяти Г.А. Ткаченко. М.: Восточная литература; Муравей, 2002. С. 236–251.
2. Rodoreda M. Mi Cristina. El mar. Madrid: Alianza Cien, 1994. 64 p.
3. Горелов И.Н., Енгалычев В.Е. Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. М.: Молодая Гвардия, 1991. 240 с.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
5. Montero R. La hija del Caníbal. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1999. 338 p.
6. Gaite C.M. Entre visillos. Barcelona: Ed. Destino Ancora y Delfín, 1988. 260 p.
7. Ventura L. El poeta sin párpados. Madrid: Ediciones Destino, S.A., 2002. 192 p.
8. Pérez-Reverte A. La piel del tambor. Madrid: Alfaguara, S.A., 1998. 600 p.
9. Gala A. El manuscrito carmesí. Madrid: Planeta, S.A., 2000. 617 p.
10. Montalbán M.V. Los mares del Sur. Madrid: Bibliotex, S.L., 2001. 191 p.
11. Argyle M., Cook M. Gaze and mutual gaze. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
12. Ellsworth P.S. Direct gaze as a social stimulus: the example of agression // L. Pliner, T. Krames, T. Alloway Nonverbal communication of aggression. New York, 1975. P. 53–76.
13. Lope M.de Albertina en el país de los garamantes. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1999. 189 p.
14. Flórez W.F. Volvereta. Navarra: Estella, S.A.,

Salvat Editores, 1982. 177 p.
15. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. 2-е изд., испр. М.: Ком Книга, 2005. 240 с.
16. Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente. Madrid: Alianza Editorial, S.A., 1996. 288 p.

Ю Елена Дюнеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей №1 факультета прикладной лингвистики, доцент, e-mail: elyu@yandex.ru

Yu Elena D., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department №1 for Engineering Fields of Study, Applied Linguistics Faculty, e-mail: elyu@yandex.ru

УДК 343.9

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

© Л.М. Иванова*, С.А. Корягина*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Авторы рассматривают основные количественные и качественные показатели преступности несовершеннолетних. Приводится анализ уголовной статистики в отношении преступлений, совершенных несовершеннолетними в России и Иркутской области (2008–2015 гг.). Обращают на себя внимание некоторые объективные причины, которые влияют на изменение качественных характеристик преступности несовершеннолетних. Например, увеличение доли особо тяжких преступлений в структуре зарегистрированных преступлений разной степени тяжести, совершенных несовершеннолетними в России за 2010–2015 гг., которые могут свидетельствовать о возросшей агрессивности подростков. В статье обозначены проблемы и пути совершенствования раннего предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними.
Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, профилактика преступлений несовершеннолетних, несовершеннолетние, тяжкие преступления, подросток, удельный вес выявленных несовершеннолетних, агрессивность.

JUVENILE DELINQUENCY AND ISSUES OF ITS EARLY PREVENTION

L.M. Ivanova*, S.A. Koryagina*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The authors consider the major quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency. The article provides an analysis of statistics of crimes committed by juveniles in Russia and Irkutsk region (years 2008–2015). Some objective causes affecting the change of qualitative characteristics of juvenile crime draw special attention, for example, the rise in grave crimes in the structure of registered crimes of different degrees committed by juveniles in Russia (years 2010–2015) that may indicate the increased assaultiveness of juveniles. The paper identified the problems and ways to improve of early prevention of juvenile crimes.
Keywords: juvenile delinquency, juvenile crime prevention, juveniles, grave crimes, the teenager, the proportion of identified juveniles, assaultiveness.

Международным сообществом одобрен и принят целый ряд нормативных актов и договоренностей, анализ которых позволяет резюмировать, что в международно-правовом пространстве оформился важнейший универсальный принцип приоритетной защиты прав и интересов ребенка. Данный принцип, согласно ст. 15 Конституции РФ, является исходным международным требованием к формированию и реализации любого направления национальной политики в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. В развитие универсальных требований национального и международного права в Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы" [1] отмечается, что необходимо создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей, системы правосудия и системы исполнения наказаний, дружественных ребенку. Таким образом, в системе реализации общепризнанных стандартов в области защиты прав ребенка особое значение приобретает межведомственное партнерство в решении проблем профилактики и правонарушений несовершеннолетних с целью обеспечения комплексного подхода к решению поставленных задач. Определение приоритетных направлений профилактических усилий требует анализа основных тенденций наиболее опасного вида девиантного поведения несовершеннолетних, связанного с совершением ими уголовно наказуемых деяний как на федеральном, так и на региональном уровнях (таб.1).

Обращает на себя внимание тот

факт, что подростковая преступность последнего десятилетия демонстрирует тенденцию снижения абсолютного числа зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии. В период с 2008 по 2015 гг. количество зарегистрированных преступлений в РФ сократилось в 1,5 раза. Так, доля преступности несовершеннолетних по Российской Федерации составляет в среднем около 5,5%. В Иркутской области этот показатель немного ниже и находится в пределах 3,5%. Данное снижение удельного веса преступности несовершеннолетних в составе общей преступности в России и в Иркутской области может быть связано и со снижением численного состава лиц 14–17 лет в структуре населения (с 9712563 в 2000 году до 5267 535 в 2014) (рис. 1) [3].

Таблица 1

Состояние и динамика преступности несовершеннолетних в России и Иркутской области [2]

Показатель	Год							
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Зарегистрировано преступлений, совершенных несовершеннолетними, по России	94610	94720	78548	71910	64270	67225	59240	61153
Удельный вес в общем объеме *преступности, %*	5,7	5,7	5,5	5,5	5,1	5,4	3,5	3,2
Зарегистрировано преступлений, совершенных несовершеннолетними, по Иркутской области	3063	2418	1932	1478	1757	912	1931	1946
Прирост к предшествующему году, %	-20,1	-21,5	-20,0	-23,5	+18,9	-48,0	*+111,7*	*-0,8*
Удельный вес в общем объеме *преступности, %*	3,5	3,1	3,1	2,5	3,1	3,3	3,6	3,5

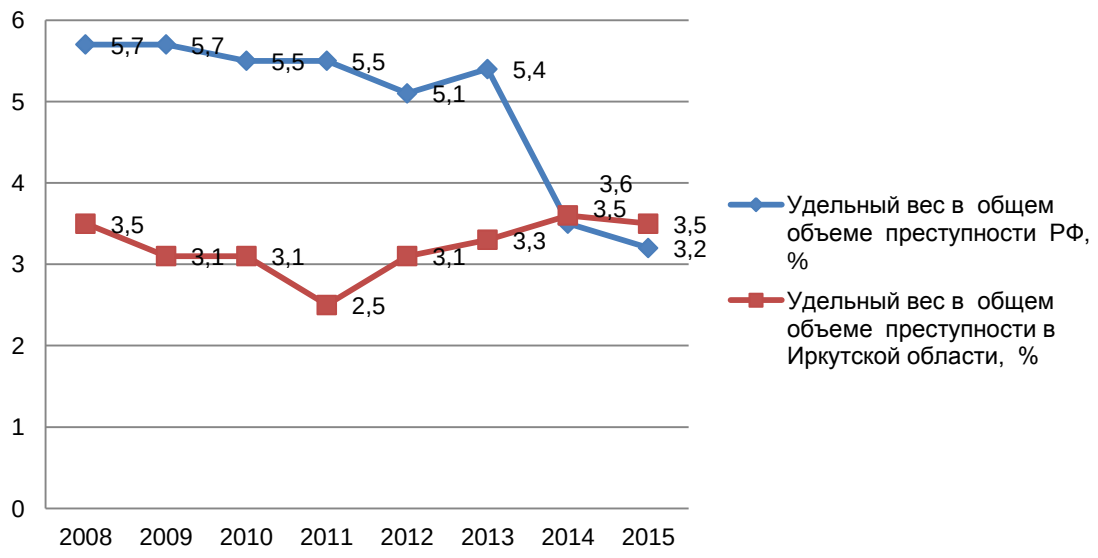


Рис. 1. Удельный вес преступности несовершеннолетних в общем объеме преступности

Вместе с тем в исследуемый период наблюдается два скачка темпа прироста числа зарегистрированных преступлений, совершенных подростками и при их соучастии в Иркутской области (в 2012 г. +18,9% и в 2014 г. +111,7%). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что преступность несовершеннолетних в последние годы сохраняет тенденцию нестабильности и напряженности в рассматриваемом регионе. Одновременно необходимо иметь в виду, что оценка криминальной ситуации без учета фактора латентности только на основе данных официальной уголовной статистики, характерная для практики правоохранительных и иных государственных органов, ведет к искажению картины складывающейся криминальной ситуации [2, с. 134]. В этой связи оценка криминальной ситуации, формирование стратегии и тактики правоохранительной деятельности в борьбе с преступностью должны производиться с учетом данного фактора.

Анализ динамики числа несовершеннолетних, выявленных за совершение преступлений, обнаруживает статистические колебания на фоне общей тенденции снижения абсолютного показателя. При этом удельный вес несовершеннолетних в общем объеме выявленных за совершение преступления лиц также имеет волнообразный характер, составляя в общем массиве в среднем 5,5% (таб. 2).

Происходящие в России радикальные изменения в политической, социальной и духовной сферах жизни общества оказывают существенное влияние на структуру преступности. В кризисный период на преступность влияют такие факторы, как имущественное расслоение населения, снижение жизненного уровня широких слоев, скрытая безработица, особенно среди молодежи, массовая миграция. Больше всего на трансформации социальной среды реагирует подростковая преступность, в криминологических характеристиках которой отмечаются изменения количественных и качественных показателей, мотивации преступного поведения несовершеннолетних и т.д.

Значительное место в общей структуре преступности несовершеннолетних в России занимают преступления против собственности. В Иркутской области не наблюдается существенных отличий от общероссийских тенденций – половина всех зарегистрированных преступлений – кражи.

В настоящее время все большее распространение среди подростков получают преступления, совершаемые по агрессивно-хулиганским мотивам. В таких общественно опасных деяниях доминирующим мотивом преступного поведения несовершеннолетних становится стремление к удовлетворению потребностей в насилии, жестокости. Так, в Иркутской области в 2010 году было совершено хулиганство каждым пятым несовершеннолетним, выявленным из числа лиц, совершивших преступления, а уже в 2014 году – каждым вторым. Основными принципами поведения подростков выступают собственные желания как единственно значимые в выборе своего поведения. У многих несовершеннолетних девиантное поведение проявляется на фоне алкоголизации, употребления наркотических средств или психотропных веществ.

Таблица 2

Динамика числа несовершеннолетних, выявленных за совершение преступления в Российской Федерации

Показатель	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	72692	65963	59461	60761	54089	55365
Удельный вес, в %	6,5	6,3	5,9	6,0	5,5	5,3

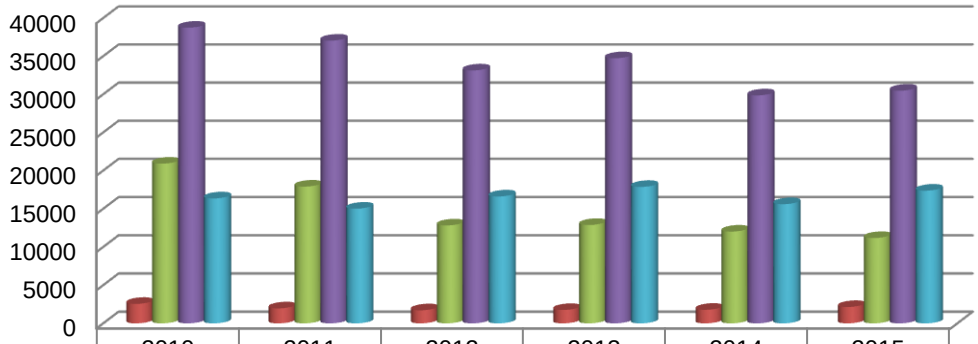
Статистические показатели совершения несовершеннолетними тяжких насильственных преступлений против личности за исследуемый период отражают некоторые количественные и качественные изменения. Так, если в 2008 г. в Иркутской области было зарегистрировано 49 убийств, то в 2012 г. уже 94. Таким образом, темп прироста тяжких преступлений против личности за последние пять лет составил +91,8%, что может свидетельствовать о возросшей агрессивности несовершеннолетних преступников в Иркутской области.

Следует отметить, что в структуре преступности несовершеннолетних в Иркутской области сравнительно мала доля преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения – за исследуемый период в среднем 3% в данном регионе, однако, совершенные в таком состоянии преступления, являются, как правило, насильственными.

Анализируя преступность несовершеннолетних по характеру и степени общественной опасности, т. е. по категориям преступлений следует отметить, что наблюдается прирост преступлений, небольшой тяжести, совершенных несовершеннолетними. Одновременно неблагоприятные тенденции наблюдаются в динамике особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними за последние пять лет (рис. 2).

Приведенные данные криминологической характеристики состояния динамики и структуры преступности несовершеннолетних актуализируют необходимость активизации одного из направлений специально-криминологической профилактики – раннего предупреждения, суть которого заключается в непосредственном воздействии на криминогенные факторы, выявлении и устранении неблагоприятных условий формирования подрастающего поколения, оздоровлении микросреды, коррекции поведения лиц с проявлениями девиации. Соотношение тех или иных мер предупреждения заранее определить невозможно, всякий раз оно зависит от специфики проблемной ситуации и объектов профилактического воздействия. Поэтому особую значимость предупреждение преступлений несовершеннолетних приобретает при проведении его на индивидуальном уровне.

Анализ практики применения нормативно-правовых актов профилактической направленности свидетельствует о пассивности органов и учреждений системы профилактики при осуществлении раннего предупреждения. Отчасти это связано с тем, что основным объектом воздействия на этом этапе должно быть ближайшее социальное окружение потенциальных молодых преступников и, главным образом, их семья, тогда как действующее законодательство не наделяет ни один из субъектов



	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Особо тяжкие	2551	1965	1712	1753	1777	2142
Тяжкие	20910	17897	12817	12877	12009	11169
Средней тяжести	38732	37037	33133	34730	29856	30473
Небольшой тяжести	16355	15011	16608	17861	15598	17369

Рис. 2. Динамика зарегистрированных преступлений разной степени тяжести, совершенных несовершеннолетними в России, за 2010–2015 гг., в %

системы профилактики возможностью активного вмешательства во внутрисемейные отношения. Однако можно констатировать, что и существующий арсенал организационно-правовых средств далеко не всегда используется субъектами профилактики, зачастую игнорируются прямые предписания, направленные на организацию данного направления деятельности. В частности, в нарушении Приказа Минобразования РФ от 8 июля 2003 г. № 2946 [5] в образовательных учреждениях не введена практика обязательного закрепления за конкретными работниками функций координаторов профилактической работы с обучающимися воспитанниками, либо существует формально без проведения соответствующих мероприятий. Между тем реализация мер раннего предупреждения преступлений несовершеннолетних вполне доступна, учитывая, что большинство лиц в силу своего возраста и социального статуса находятся (либо должны находиться) в сфере социального контроля (семья, школа, органы опеки и попечительства и т.д.). Именно школа способна и обязана первой выявлять намечающиеся отклонения в формировании личности подростка, а также криминогенные факторы среды его окружения, поэтому воспитательно-профилактическая работа на начальной ее стадии может осуществляться исключительно на базе школы [6, с. 7]. Организация такой деятельности должна быть возложена на координаторов профилактической работы в соответствии с названным приказом Минобразования РФ.

Раннее предупреждение не может быть эффективным без участия других государственных, общественных институтов, на которые возложены обязанности по осуществлению профилактики правонарушений: комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав; органов опеки и попечительства; органов управления социальной защитой населения и учреждений социального обслуживания; специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации.

К числу мер раннего предупреждения преступлений несовершеннолетних следует отнести: выявление педагогически несостоятельных семей и применение к ним общественного и правового воздействия; постановку вопроса о лишении родительских прав; педагогическое обучение родителей и оказание им помощи в воспитании трудных подростков; устройство несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в социальные приюты, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей; выявление и разобщение неформальных молодежных групп, не имеющих криминальной ориентации, но играющих негативную роль в социализации детей и подростков и т. д.

Эффективность раннего предупреждения должна обеспечиваться своевременной диагностикой неблагоприятных факторов и осуществлением дифференцированного подхода в выборе профилактических средств, среди которых – широкое применение методов психологии и педагогики для изучения деформаций личности и коррекции поведения. Выбор тех или иных методов должен быть дифференцированным, учитывающим индивидуальные особенности профилактируемого.

В качестве основных методов воздействия на данном этапе должны использоваться: разъяснение, стимулирование, убеждение, нацеленные на подавление агрессивно-хулиганских побуждений и корыстной мотивации, привитие уважительного отношения к правам человека. При этом меры ранней профилактики результативны лишь в сочетании с общесоциальным предупреждением и, главным образом, вовлечением молодых людей в общественно полезную деятельность, организованный досуг.

Функционирование действенного механизма раннего предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, во многом зависит от качества его правового, кадрового, организационного, материально-технического, иного ресурсного обеспечения, от скоординированности системы субъектов профилактики и эффективности применяемых ими форм и методов работы. Между тем ряд проблем снижает результативность профилактической деятельности.

В настоящее время процесс предупреждения преступности не имеет самостоятельной правовой базы. Существующие правовые нормы, прямо или косвенно

регулирующие деятельность по предупреждению преступлений, рассредоточены по различным отраслям законодательства и включают множество законов и подзаконных актов (прежде всего документов ведомственного характера). Зачастую эти нормы не согласованы между собой, противоречивы, потому не способствуют консолидации профилактической деятельности различных субъектов.

Несомненно, систематизация профилактического законодательства – задача сложная и трудоемкая, требующая координации усилий законодателей и ученых-криминологов. Не случайно ни одна из многочисленных попыток принять единый кодифицированный акт о профилактике преступлений, начиная с 1995 года, не увенчалась успехом. Вместе с тем очевидно и другое – отсутствие надлежащей правовой основы для предупреждения преступности в значительной мере затрудняет его реализацию. В этой связи представляются вполне соответствующими современным социальным потребностям предложения сменить ориентиры и сосредоточить внимание на разработке и принятии "частных" профилактических законов, адресованных либо конкретной группе населения, либо деятельности того или иного ведомства, общественных объединений, либо других негосударственных структур [7, с. 8-9; 4, с. 318]. Вместе с тем очевидно, что предупреждение преступлений несовершеннолетних и молодежи должно стать частью молодежной политики и обеспечиваться в рамках решения общих проблем молодежи.

Серьезным шагом на пути последовательного правового оформления новых концептуальных подходов профилактической работы с несовершеннолетними в России стал рамочный Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" [8]. Однако этот документ, определив основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, требует дальнейшей регламентации правового положения органов системы профилактики в части конкретизации и разграничения полномочий и установления механизма их взаимодействия. Кроме того представляется, что содействовать правоприменению в данной области общественных отношений будет восполнение таких пробелов средствами регионального законодательства, как это уже сделано в отдельных субъектах федерации [9].

Неблагоприятные тенденции преступности несовершеннолетних по характеру и степени общественной опасности, а именно, рост преступлений небольшой тяжести, должны стать объектом повышенного внимания органов, учреждений и организаций, осуществляющих раннее предупреждение преступлений. В настоящий момент, сопровождающийся формированием новых либеральных подходов к концепции уголовной политики и декриминализацией (полной или частичной) преступлений небольшой тяжести, раннее предупреждение деяний, не обладающих высокой степенью общественной опасности, приобретает особую актуальность. Игнорирование данного направления профилактики может порождать у подростков чувство вседозволенности и безнаказанности и влиять на их последующее правонарушающее поведение с гораздо более тяжкими последствиями.

Важнейшим средством раннего предупреждения правонарушающего поведения несовершеннолетних является правовое просвещение как целенаправленная систематическая деятельность государства и общества по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры в целях противодействия правовому нигилизму, обеспечения процесса духовного формирования личности, воспитания уважения к праву и законности как ценностной установки. В этой связи представляются научно обоснованными и социально значимыми предложения о пересмотре стандартов школьного образования в области правового воспитания подрастающего поколения и необходимости формирования целостного и системного подхода к вопросам правовоспитательного процесса [10, с. 19-20].

В заключение необходимо отметить, что широкий и разноплановый характер деятельности по раннему предупреждению преступлений, совершаемых несовершеннолетними, вовлечение в нее различных органов и учреждений определяют главное

условие эффективности предупредительной деятельности – четкое взаимодействие всех субъектов профилактики и всестороннюю поддержку государства и других социальных институтов.

Библиографический список

1. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы : указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru (01.11. 2016).
2. Официальный сайт ОДН ГУ МВД России по Иркутской области и Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.38.mvd.ru (01.11.2016).
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru_(01.11. 2016).
4. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М.: Юристъ, 2006. 343 с.
5. О реализации решения коллегии Минобразования России от 24 июня 2003 г. № 10/1 «О деятельности органов управления образованием субъектов Российской Федерации по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: приказ Минобразования РФ от 8 июля 2003 г. № 2946 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (01.11. 2016).
6. Иванова А.А. Педагогическая профилактика в системе предупреждения преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Н. Новгород, 2006. 32 с.
7. Правовые проблемы профилактики правонарушений // Тр. / Моск. акад. МВД СССР. 1985. 142 с.
8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. 03.07. 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (01.11. 2016).
9. О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Забайкальском крае: закон Забайкальского края от 23 июля 2014 г. №1023-ЗЗК // Забайкальский рабочий. 2014. 28 июля. С. 3. О порядке создания и осуществления деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Иркутской области: закон Иркутской области от 12 ноября 2007 г. № 100-оз (ред. от 06.06.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (01.11. 2016).
10. Атагимова Э.И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности. Мониторинг правоприменения. 2015. № 4 (17). С. 16–20.

Иванова Людмила Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, e-mail: livan4@mail.ru
Корягина Светлана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук,
e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru

Ivanova Lyudmila M., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Legal Sciences Department, e-mail: livan4@mail.ru
Koryagina Svetlana A., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Legal Sciences Department,
e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru

УДК 342

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

© М.А. Мушинский*, Д.А. Степаненко*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье рассмотрены проблемы источников права политико-идеологического характера в сфере противодействия экстремизму, их соотношения с формально-юридическими источниками права. Установлено, что источники права политико-идеологического характера стратегии и акты законодательства, составляющие нормативную основу противодействия экстремизму, имеют на сегодня существенные изъяны, препятствующие эффективному противодействию экстремизму. Выдвинут и доказан тезис о том, что эти дефекты являются частным проявлением системного недостатка, имеющего место в структуре источников права в современной России. Сделаны предложения по совершенствованию системы стратегического планирования и законодательства о противодействии экстремистской деятельности.
Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремистской деятельности, стратегическое планирование, источники права, законодательство.

STRATEGIC PLANNING OF COUNTERING EXTREMISM

M. A.Mushinskiy*, D.A. Stepanenko*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article discusses the issues of legal sources of the political-ideological character in the sphere of countering extremism, and their relations with formal-legal ones. It is stated that the legal sources of the political-ideological character ("strategies") and the legal acts constituting the legal basis of countering extremism have today significant flaws that prevent effective counteraction to extremism. The authors propound and prove the thesis that these shortcomings are a particular manifestation of a system fault occurring in the structure of legal sources in modern Russia. They make proposals to improve the system of strategic planning and legislation on countermeasures to extremist activities.
Keywords: extremism, countermeasures to extremist activities, strategic planning, legal sources, legislation

В последний день 2015 года Президент РФ утвердил новую Стратегию национальной безопасности РФ. В статье 43 Стратегии экстремизм называется среди основных угроз государственной и общественной безопасности. Соответственно, в целях обеспечения и защиты государственной и общественной безопасности, в числе прочего, должна развиваться система выявления, предупреждения и пресечения проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма (ст. 46) [7]. До этого действовала Стратегия национальной безопасности 2009 года, в которой явление экстремизма характеризовалось примерно так же. В соответствии с этим главным документом стратегического планирования в сфере безопасности была издана Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года (далее – Стратегия противодействия экстремизму) [6].

Успех в деле противодействия экстремизму во многом зависит от создания соответствующей нормативно-правовой базы, пакета законов и подзаконных нормативных правовых актов, образующих юридическую основу противодействия (в том числе в его не юридических направлениях и формах), предлагающих государству и обществу эффективные юридические инструменты и создающие благоприятные условия для позитивной активности институтов гражданского общества, для диалога власти и общества, для конструктивных социальных практик. Такое законодательство должно создаваться на строго научной основе, юридическое сопровождение противодействия различным формам экстремизма требует комплексного правового, экономического, культурологического, религиоведческого, социологического, психологического и политологического анализа этого непростого политико-социального

феномена. Научные разработки должны на завершающем этапе быть доведены до состояния официальной доктрины, воплощены в элементы правовой политики и зафиксированы в документах политико-правового характера. Эти документы, в свою очередь, являются отправным началом для конструирования конкретных механизмов правового регулирования, создания институтов, введения юридических и организационных средств противодействия экстремизму, зафиксированных в актах законодательства.

Как представляется, названные источники права политико-идеологического характера стратегии и акты законодательства, составляющие нормативную основу противодействия экстремизму, имеют на сегодня существенные изъяны, препятствующие эффективному противодействию.

Уже самое первое целеустановительное положение Стратегии противодействия экстремизму вызывает возражения. В нем указано, что Стратегия разработана в целях конкретизации положений Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности" (далее так же – Закон о противодействии экстремистской деятельности) [3]. Как представляется, соотношение политико-правового документа, имеющего статус "стратегия", и нормативного правового акта со статусом федерального закона определено в данном случае концептуально не правильно. Стратегия, являющаяся документом планирования и не относящаяся к нормативным правовым актам, никак не может конкретизировать положения закона. Впрочем, это лишь частное проявление системного недостатка, проявляющегося в структуре источников права в современной России.

Дело в том, что в последние годы было издано несколько десятков правовых актов типа "стратегия", "национальный план", "основы государственной политики", "концепция", "доктрина", которые имеют не "чисто" юридическое, но политико-правовое содержание и являются средством выражения (формулирования) правовой политики. Хотя по большому счету эти документы используются для выражения общей политики государства в той или иной области общественных отношений и (или) государственного управления, их невозможно рассматривать исключительно в политическом аспекте, отдельно от юридической составляющей. Ведь основным средством реализации политики государства, вне зависимости от сферы ее "приложения", является правовое регулирование. Поэтому в актах стратегического планирования политические аспекты всегда излагаются в юридическом преломлении, в них сугубо политические тезисы сопровождаются изложением элементов правовой политики. Значит, вполне правомерно говорить о них как о документах не политического, но политико-правового характера, как об источниках права политико-идеологического характера, имеющих доктринальные основы. Тем более, что в большинстве случаев юридическая форма им придается посредством введения в действие (утверждения) правовым актом органа государственной власти (например, указом Президента РФ, распоряжением Правительства РФ и т. п.). Эти документы, будучи включенными в правовую систему в качестве источников права политико-идеологического характера, самым существенным образом влияют на формирование практически всех остальных элементов правовой системы России. В частности, во исполнение и в соответствии с ними разрабатываются и принимаются федеральные и региональные законы, подзаконные правовые акты и целевые государственные программы.

Упомянутый системный недостаток заключается в том, что сегодня в России этой категории документов с очевидностью не хватает единообразия в практике их создания и использования, а также должного уровня определенности в соотношении формы и содержания. Причем сказанное зачастую относится даже к документам, изданным одним и тем же субъектом, например, Президентом РФ. Большой разнобой наблюдается также в вопросах технико-юридических приемов введения рассматриваемых документов в действие. Эти документы и их недостатки были нами подробно рассмотрены в одной из публикаций [17].

До недавнего времени отечественная система политико-правового конструирования строилась на базе положений Федерального закона "О государственном прогнозировании и программах социаль-

но-экономического развития Российской Федерации" [1] и документа под названием "Основы стратегического планирования в РФ", утвержденного Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 536 (эти «Основы» опубликованы не были и в базах СПС "Консультант Плюс", "Гарант" не размещены, вероятно, потому, что имели гриф "ДСП").

Закон 1995 г. определял цели и содержание системы государственных прогнозов социально-экономического развития и программ социально-экономического развития Российской Федерации, а также общий порядок их разработки. В нем не упоминались такие документы политико-правового характера как стратегия, концепция или доктрина, хотя первые подобные документы стали создаваться вскоре после принятия названного закона, например, Национальный план действий в интересах детей – в 1995 г., Доктрина развития российской науки – в 1996 г., Концепция развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации – в 1997 г., и другие – несколько десятков доктрин, национальных планов, стратегий и концепций с совершенно невнятным юридическим статусом, значительно отличающихся друг от друга по форме и по смыслу (задачам, мотивам издания). Утвержденных разными способами Президентом РФ, Правительством РФ, федеральными министерствами и другими ведомствами, органами государственной власти субъектов Федерации. Среди ведомственных актов из этого ряда есть и достаточно экзотические, например, Стратегия сохранения дальневосточного леопарда [14].

В июне 2014 г. был принят Федеральный закон "О стратегическом планировании в РФ" (далее так же – Закон о стратегическом планировании), который устанавливает правовые основы стратегического планирования, соответствующие полномочия органов публичной власти и статус документов [4]. В ст. 3 дана общая дефиниция: "Документ стратегического планирования – документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая (одобряемая) органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования". Можно бы было надеяться, что цитируемый законодательный акт упорядочит практику издания документов типа стратегия, концепция и доктрина. Однако этого не произошло: форма "концепция" в законе даже не упоминается, "доктрина" упомянута один раз и вскользь, только в контексте документов о национальной безопасности. Также неконкретно и в том же контексте упомянуты "основы государственной политики", а категория "стратегия" трактуется в значении, отличающемся от большинства фактически действующих в России стратегий.

С одной стороны, принятый Закон о стратегическом планировании в той или иной степени создал эффект упорядоченности в деле стратегического планирования и является важным шагом вперед с точки зрения модернизации государственного управления. С другой стороны, установив новые "правила игры", введя новеллы в части терминологии и процедуры, авторы закона не "вписали" во вновь созданную систему ранее изданные и действующие документы типа стратегия, концепция и доктрина. В принципе, Закон не исключает возможности принятия Президентом или (и) Правительством РФ решения об издании "иных документов стратегического планирования", однако данная норма содержит в себе скорее элемент дезорганизации системы стратегического планирования, нежели чем создает возможности для ее конструктивного развития. Такой важный вопрос, как форма стратегического планирования, требует, как представляется, максимальной конкретики. Излишняя диспозитивность в регулировании в данном случае может привести если не к хаосу, то к путанности и "невнятности" планирования, которыми нынешняя система управления в России и без того, увы, отличается.

Остаются вопросы: 1) являются ли изданные до июня 2014 г. документы типа стратегия, концепция, доктрина (несколько десятков важнейших документов, исходящих от Президента и Правительства РФ, а также федеральных министерств, органов государственной власти субъектов Федерации и др.) документами стратегического планирования в смысле Закона о стратегическом планировании; 2) если "нет" – следует ли их немедленно отменить, заменить

новыми документами, созданными с соблюдением требований данного Закона; 3) если "да" – почему законодатель не дал им надлежащей характеристики, не обеспечил соблюдение принципа преемственности в формировании и реализации правовой политики.

К сожалению, занимающиеся стратегическим планированием лица и инстанции этими вопросами, по-видимому, не "озадачиваются", поскольку количество самых разнообразных по форме и по содержанию концепций, доктрин и стратегий продолжает расти. Например, в мае 2015 г. утверждена Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 г.[9]. В августе 2015 г. – Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий [11]. В феврале 2016 г. утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г. [12]. Ни в одном из этих документов не указано, что они являются документами стратегического планирования (хотя и изданы после принятия Закона о стратегическом планировании, а Правительство РФ является субъектом стратегического планирования). Опять возникают вопросы: чем же они в таком случае являются, на каком основании изданы, какое место занимают в системе официальных документов? Вместе с тем, в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения зафиксированы правовые механизмы ее реализации, которые включают в себя ни много ни мало: развитие и совершенствование федеральной, региональной и муниципальной нормативных правовых баз для реализации приоритетных направлений Стратегии; обеспечение обоснованности принимаемых решений, федеральных и региональных целевых программ, направленных на поддержку граждан старшего поколения; нормотворческую деятельность по совершенствованию системы правовых гарантий благосостояния граждан старшего поколения. Таким образом, предусмотрено развитие положений Стратегии в законодательстве, что позволяет все же идентифицировать ее как документ стратегического планирования. Но созданный "вне" общей системы, установленной Законом о стратегическом планировании!

В 2016 г. была издана Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [13], в которой указано, что она разработана во исполнение Основ государственной культурной политики – документа стратегического планирования, изданного в 2014 г., и основывается, помимо прочего, на положениях Стратегии национальной безопасности, Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. и других документах стратегического планирования, разработанных в рамках целеполагания. В Стратегии прямо указано, что она является "документом стратегического планирования, разработанным в рамках целеполагания по межотраслевому принципу". Вместе с тем, Законом о стратегическом планировании предусмотрено, что лишь "Для **совокупности** *(выделено нами – М. М., Д. С.)* отраслей социально-экономического развития или сфер государственного управления разрабатываются межотраслевые стратегии" (ч. 5 ст. 19). Возникает вопрос – насколько это соответствует культурной политике. Как представляется, сфера культуры – это одна вполне определенная сфера социальной жизни и соответствующая ей отрасль государственного управления. Соответственно, в Реестре документов стратегического планирования данная Стратегия зарегистрирована в разряде "Отраслевые документы стратегического планирования РФ", что противоречит прямому указанию о межотраслевом ее характере, данному в тексте самой Стратегии. Вообще, приходится констатировать, что несмотря на достаточно удобный пользовательский интерфейс и систему фильтров, позволяющих отсортировать класс документов и быстро найти конкретный документ, в целом данный ресурс (реестр) в его сегодняшнем состоянии малополезен, поскольку в нем собраны "подряд" все документы – от общефедеральных до муниципальных [19]. В итоге первая запись датирована 17 декабря 2015 г., а на момент написания настоящей статьи, то есть всего лишь ровно за год, в реестр внесена уже информация о 1663 (!) документах. При этом сведений о созданных до декабря 2015 г. документах стратегического планирования в реестре до сих пор (по состоянию на 17 декабря 2016 г.) нет, хотя Правительством

РФ было предписано федеральным органам государственной власти до 1 июля 2016 г. обеспечить представление в Минэкономразвития РФ сведений об этих документах, очевидно, с целью их регистрации [10]. Попытки открыть по ссылке "план-график внесения данных" о документах, датированных до декабря 2015 г., наталкиваются на уведомление о том, что данный ресурс не работает. Таким образом, обращение к реестру ответа на поставленные выше вопросы не дает.

С учетом сказанного, полагаем возможным утверждать, что провозглашенные в ст. 7 Закона о стратегическом планировании принципы единства и целостности, преемственности и непрерывности, сбалансированности системы стратегического планирования пока что далеки от их реализации. Отметим также, что установленный "принцип результативности и эффективности стратегического планирования" требует, на наш взгляд, дополнительных уточнений и обоснования, поскольку, во-первых, понятия "эффективность" и "результативность" зачастую воспринимаются как синонимы, во-вторых, эффективность вообще вряд ли можно рассматривать как принцип. Эффективность – это не "основополагающая идея, руководящее начало", а результирующая характеристика той или иной деятельности, процесса и т. д. То есть применительно к нашей теме эффективность – это характеристика результата стратегического планирования как направления управленческой деятельности. Эффективность как степень достижения ожидаемого результата в числе прочих факторов зависит и от последовательной реализации принципов планирования. Но она не может рассматриваться, по нашему убеждению, в качестве одного из принципов.

Все эти дефекты и претензии в равной мере относятся и к документам стратегического планирования, касающимся вопросов обеспечения безопасности.

Согласно дефинитивной норме Закона о стратегическом планировании, "документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, утверждаемые (одобряемые) Президентом РФ, документы стратегического планирования, определяющие стратегические приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующие состояние национальной безопасности РФ". В соответствии с пп. "в" п. 1 ч. 3 ст. 11 к документам стратегического планирования относятся "стратегия национальной безопасности РФ, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ". С учетом факта признания экстремизма одной из основных угроз национальной безопасности России, Стратегия противодействия экстремизму, вслед за Стратегией национальной безопасности, безусловно, является документом стратегического планирования в сфере безопасности.

Как уже указывалось, в Законе о стратегическом планировании из всех документов стратегического планирования подробно регламентировано содержание лишь Стратегии национальной безопасности. Помимо прочего установлено, что она "определяет организационные, **нормативные правовые** *(выделено нами – М. М., Д. С.)* и информационные основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации".

На наш взгляд, из анализа всех упомянутых документов с очевидностью усматривается следующий алгоритм: политическое руководство государства во главе с Президентом РФ, выражающее согласованную волю законодательной и исполнительной ветвей власти, на основе выработанных ответственными за стратегическое планирование коллегиальными органами проектов издает документы стратегического планирования, охватывающие, как правило, период в 5–10–15 лет. В сфере безопасности органом, ответственным за разработку, является Совет Безопасности РФ, а сами документы утверждаются указом Президента РФ. Как установлено в Федеральном законе "О противодействии экстремистской деятельности", Президент "определяет основные направления государственной политики в области противодействия экстремистской деятельности". При необходимости, в случае резкого изменения международной обстановки, появления новых либо актуализации, трансформации прежних угроз безопасности, Президент вносит необходимые коррективы в стратегические планы с помощью ежегодных посланий Федеральному Собранию

(с чего, собственно, и начинается, например, послание за 2016 г.) [15]. Затем на основе (во исполнение) этих стратегических установок разрабатываются нормативные правовые акты, в том числе и законы, изменения и дополнения в них, создаются государственные программы, а также формируется правоприменительная практика.

Таким образом, не стратегия должна создаваться "в целях конкретизации положений федерального закона", а наоборот, федеральные законы и иные акты законодательства должны создаваться и изменяться с учетом направлений правовой политики и стратегических задач, определенных в документах стратегического планирования.

В результате проведенного нами ранее анализа стратегий, концепций и доктрин в правовой системе РФ, проблем их статуса, юридической техники и соотношения друг с другом [17], представляется правильным утверждать, что логически оправданна последовательность: доктрина – концепция – стратегия. На основании доктрины может быть выработана концепция, которая, в свою очередь, должна быть реализована в стратегиях. При этом в той же последовательности уменьшается уровень абстрактности и возрастает степень нормативности документов.

Полагаем возможным предложить следующие характеристики, которые после их тщательной доработки могут быть, на наш взгляд, использованы при последующем законодательном закреплении юридического статуса соответствующих групп документов.

Доктрина – это документ стратегического планирования, в котором изложены: 1) научно обоснованная система взглядов на магистральные направления общественного развития и на угрозы этому развитию, на систему выработки социальных стандартов, на роль и значение государства в той или иной области, принципы его взаимодействия с гражданским обществом; 2) официальная позиция политического руководства государства по тому или иному вопросу и ее мотивировка, научное обоснование принципов осуществления государственной политики и законодательного регулирования конкретной сферы общественной жизни и соответствующей ей системы государственного управления. Доктрина является научно-политическим руководством к действию и лежит в основе фиксируемых в концепциях, стратегиях и в законодательстве политических и правовых решений. Принятие таких решений, противоречащих ранее принятой доктрине, означает смену мировоззренческих позиций, политического курса государства и должно быть предварено научно-обоснованными коррективами самой доктрины.

Концепция – это разрабатываемый в рамках целеполагания документ стратегического планирования, в котором закреплены: 1) базирующиеся на доктрине актуальные взгляды политического руководства государства на современное состояние дел в какой-либо сфере социальной жизни и (или) публично-властного управления; 2) принципы правовой политики в данной сфере; 3) сформулированные в самом общем виде социальные стандарты, основные направления развития социума и власти в данной сфере, каналы взаимодействия государства и гражданского общества, оценка имеющихся проблем, направления противодействия угрозам и деструктивным явлениям, **цели общественного развития**; 4) сформулированные в самом общем виде приоритеты политико-правового регулирования в данной сфере. В необходимых случаях в концепции выражается также связь указанных основных направлений, целей и приоритетов с положениями Конституции РФ, принципами и нормами международного права и международными обязательствами России.

Стратегия – это разрабатываемый в рамках целеполагания документ стратегического планирования, в котором установлены: 1) сформулированные политическим руководством государства (в соответствии с определенными в концепциях целями) **долгосрочные задачи общественного развития** и законодательного регулирования, в том числе с указанием конкретных подлежащих принятию законодательных актов и целевых программ, с указанием планируемых сроков (периодов) их достижения; 2) обязательства политического руководства государства перед гражданами; 3) вытекающие из ранее изданных концепций с учетом определенных в них приоритетов основные (долгосрочные) направления и

параметры устойчивого общественного развития и публично-властного регулирования, противодействия угрозам и деструктивным явлениям, разрешения социальных проблем, достижения высоких социальных стандартов; 4) общие (не детализированные) перечни соответствующих этим направлениям мероприятий и средств, порядок действий, описание механизмов и сроков реализации; 5) общие (не детализированные) механизмы, формы и способы взаимодействия конкретных государственных органов и учреждений с конкретными институтами гражданского общества, общественного контроля; 6) оценка имеющихся для выполнения поставленных задач ресурсов и перспективы (мероприятия) их пополнения; 7) система ответственных за реализацию стратегии государственных органов и организаций, координация взаимодействия между ними; 8) оценка рисков и меры по их минимизации, общие (не детализированные) антиконфликтные и антикоррупционные механизмы; 9) система оценки текущего состояния дел по периодам и система (критерии, показатели, индикаторы, маркеры) итоговой оценки эффективности реализации стратегии.

Перечисленные элементы стратегии наполняются конкретным содержанием, развиваются, детализируются и реализуются в актах законодательства, государственных и целевых программах.

К сожалению, фактически имеющее место сегодня в России соотношение доктрин, концепций и стратегий далеко от предложенной нами выше схемы. Конфигурации в разных сферах государственного управления здесь наблюдаются самые разные. Например, в декабре 2016 г. Президент РФ утвердил новую Доктрину информационной безопасности РФ [8]. В ее тексте указано, что она является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, в котором развиваются положения Стратегии национальной безопасности РФ, а также других документов стратегического планирования в указанной сфере. Таким образом, доктрина признана документом, всего лишь развивающим положение стратегии. И это при том, что, в соответствии с ч. 1 ст. 18 Закона о стратегическом планировании, Стратегия национальной безопасности должна корректироваться каждые 6 лет. По логике, значит, должна меняться и доктрина. На наш взгляд, это не правильно. Доктрина, представляющая собой официально выраженную, научно обоснованную позицию политического руководства государства по вопросам информационной безопасности, обоснование фундаментальных начал осуществления государственной политики и законодательного регулирования в сфере безопасности, должна иметь определяющее значение и долгосрочный характер. Частая смена властью доктринальных взглядов свидетельствует о ее слабости и нестабильности, слабой и ненадежной научной обеспеченности осуществляемой политики и принимаемых решений.

Систему документов стратегического планирования в области противодействия экстремизму необходимо, по нашему убеждению, привести в соответствие с предложенной схемой. Причем концептуальная часть может быть описана в более широком контексте национальной безопасности, а стратегии противодействия разработаны отдельно по каждому направлению (по числу угроз безопасности), в том числе в отношении экстремизма и терроризма. Чрезвычайно важна в данном случае и доктринальная часть (которая на сегодня фактически отсутствует, либо "разбросана" по стратегиям): постольку поскольку экстремизм сам по себе является "антидоктриной", построенной на отвергаемых большинством идеологиях. Поэтому важно четко и убедительно сформулировать доктринальные основы противодействия экстремизму, в числе прочего, и прежде всего, используя аксиологический потенциал Конституции РФ. В настоящее же время эти основы не всегда понятны, что позволяет представителям экстремистских организаций успешно продолжать свою деятельность, обвиняя власть и конструктивные силы гражданского общества в предвзятости, борьбе с инакомыслием, в использовании цензуры, нарушении принципа идеологического и политического плюрализма как основы конституционного строя РФ.

Сказанное относится, прежде всего, к политическому экстремизму, хотя в связи

с этническим и религиозным экстремизмом на сегодня доктринальные основы противодействия также не всегда четко сформулированы и объяснены.

Например, в Закон о противодействии экстремистской деятельности в ноябре 2015 г. была введена ст. 3.1. "Особенности применения законодательства РФ о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов" следующего содержания: "Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами" [5].

С одной стороны, логика новеллы вроде бы понятна: перечислены основные религиозные тексты четырех "мировых религий", охватывающих большую часть верующих россиян. Однако при внимательном рассмотрении в этой норме антиэкстремистского законодательства можно увидеть значительный конфликтный потенциал и даже обстоятельства, могущие, наоборот, спровоцировать экстремистские настроения.

Во-первых, выделение в качестве "основных" каких-либо религий (и в качестве привилегированных – их текстов) в условиях светского государства не корректно и даже опасно. В этом отношении показательно содержание пояснительной записки к проекту Федерального закона, которым была введена рассматриваемая статья. В записке приводится следующий довод: исходя из преамбулы Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях", "именно христианство, ислам, иудаизм и буддизм составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России". Поэтому "Библия, Коран, Танах и Ганджур, составляющие духовную основу упомянутых религий, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами" [18]. На самом деле в преамбуле к Федеральному закону "О свободе совести и о религиозных объединениях" указано дословно следующее: Федеральное Собрание РФ принимает данный закон "признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм **и другие религии** *(выделено нами – М.М., Д.С.)*, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России" [2]. Таким образом, многочисленные "другие" религии, составляющие наряду с "мировыми" религиями неотъемлемую часть исторического наследия народов России, произвольно "выкинуты" из истории и сегодняшнего дня народов России. Налицо социально-правовой правотворческий дефект, который может повлечь весьма серьезные последствия. Жаль, что авторы данной новеллы не обратили внимание на следующую фразу преамбулы: закон был принят для того, чтобы "содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания". Некорректное искажение смысла законодательного текста, которое может затронуть не только религиозные чувства, но и права и законные интересы представителей иных верований, вряд ли поспособствует достижению указанной цели. Например, шаманистов, которые представлены в России сотнями тысяч, а возможно и, миллионами граждан. По некоторым данным в Республике Алтай, Республике Саха (Якутия), Республике Тыва поклоняются духам предков и пантеону местных богов не менее 10 % населения, а всего шаманистов, представителей древних традиционных верований в России около 1,5 млн человек. Или чувства, права и интересы, например, индуистов, или староверов. А также деноминаций и сект, "вышедших" их традиционных религий или (и) синкретических. В результате этого неосторожного законотворческого решения могут быть признаны экстремистскими материалами священные для миллионов человек во всем мире религиозные и философские тексты (их части) – Веды, Араньяки и Упанишады, Авеста, Дашавайкаликасутра, Дао дэ цзин, Лунь Юй, Мэн-цзы, Кодзики и Нихонги и другие.

Официально субъектом права законодательной инициативы, внесшим данную новеллу в парламент, явился Президент РФ. То есть подготовка совсем не большого по объему нормативного текста курировалась Администрацией Президента. Поэтому вдвойне жаль, что в него "проникло" упомянутое несоответствие законодательству о свободе вероисповедания и религиозных организациях. Вероятно, в данном случае сказался пресловутый "общественный ре-

зонанс", с которым связаны поспешные (в течение 3-х месяцев!) инициация и принятие рассматриваемой поправки. Этот резонанс спровоцировало вызвавшее возмущения в мусульманском сообществе России (в том числе у Р. Кадырова) судебное решение, которое было принято в августе 2015 г. судьей Южно-Сахалинского горсуда Н. Перченко. Она признала экстремистским материалом книгу "Мольба (дуа) к Богу: ее значение и место в исламе", выпущенную тиражом 10 тысяч экземпляров по заказу Духовного управления мусульман азиатской части России. Обоснованием такого решения послужили, в частности, комментарии процитированных в данной книге некоторых сур Корана, в том числе первой суры "Аль-Фатиха", которой мусульмане придают значение "матери Писания". На сегодня это решение отменено вышестоящей судебной инстанцией. Таким образом, непродуманное и недостаточно обоснованное решение представителя судейского корпуса "включило" цепную реакцию, одним из эффектов которой стало принятие законодательного решения, опять же не до конца продуманного, корректного и согласованного с конституционной максимой "Россия – светское государство".

Во-вторых, с религиоведческих позиций, имея в виду источниковые основы того или иного вероучения, предложенный перечень также не корректен, поскольку не полон и не точен. Например, почему здесь указан только лишь Коран и не указаны другие источники ислама? Получается, что цитаты из Корана не могут быть признаны экстремистскими материалами, а, например, хадисы из Сунны – могут? Для мусульманина это точно так же не приемлемо. Далее – о каком переводе Корана идет речь? Ведь их несколько, в том числе имеются альтернативные (по смыслу) переводы. В России живут приверженцы каждого из них. Что касается Ганджура, то это вообще собрание общим количеством около ста книг (в разных изданиях и переводах – разное количество, от 92-х до 108-и), часть из них на русский язык не переводилась, а некоторые издания вообще существуют только в рукописном варианте. Поэтому упрощенный перечень ст. 3.1. Закона о противодействии экстремистской деятельности может вызвать разночтения, правоприменительные ошибки и конфликты, и даже спровоцировать всплески религиозного экстремизма, если, например, верующие, представители какой-то религиозной организации сочтут попранными свои права и законные интересы.

В-третьих, создана и противоположная опасность: возможность камуфляжа, "маскировки" действительно экстремистских учений и материалов, попыток обойти закон с помощью цитат и ссылок на священные писания традиционных религий. Собственно, такие попытки уже предпринимаются. Так, через несколько месяцев после внесения в Закон о противодействии экстремистской деятельности рассматриваемой поправки представители религиозной организации "Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России" обратились в суд с заявлением о пересмотре по новым обстоятельствам принятого в 2013 г. решения Советского районного суда г. Красноярска, признавшего книгу данной религиозной организации "Чему на самом деле учит Библия?" экстремистским материалом. В обосновании своего заявления "Свидетели Иеговы" указали, что эта признанная экстремистской в 2013 г. (до принятия закона) книга содержит 400 прямых цитат из Библии и 1472 ссылки на Библию, в силу чего в соответствии со ст. 3.1. Закона она не может быть признана экстремистским материалом. Суд отказал в удовлетворении данного заявления, указав, что экстремистским материалом признаны не цитаты из Библии, а сама книга, в которой помимо цитат содержатся комментарии, пояснения и выводы авторов издания [16]. Тем не менее, тенденция на лицо.

Таким образом, по нашему убеждению, необходима разработка доктрины национальной безопасности РФ, составной частью которой должны стать доктринальные основания противодействия разным видам экстремизма как одной из угроз национальной безопасности. Особо тщательно, скрупулезно и максимально деликатно в доктрине должна быть изложена научно-обоснованная официальная позиция в отношении вопросов веры и религий, а также основания противодействия религиозному экстремизму, официально признанные общие научные подходы к квалификации той или иной организации как

экстремистской, того или иного текста как материала экстремистского содержания. Здесь же обязательно должны быть проработаны вопросы научного обоснования согласованности антиэкстремистских мер с доктриной светского государства, с принципом идеологического плюрализма и т. д.: с тем, чтобы доктрина могла стать затем надежной научно-правовой основной четкого согласования антиэкстремистсткого законодательства с законодательством о свободе вероисповедания и религиозных организациях. Понятно, что такая доктрина может быть выработана властными структурами только с привлечением представителей научного сообщества, соответствующих институтов гражданского общества и конфессий. Следующий шаг – создание на доктринальной базе концепции обеспечения национальной безопасности с соответствующим "антиэкстремистским" разделом как его составной частью. И только после этого – разработка стратегий по отдельным направлениям, в соответствие с которыми должно быть приведено законодательство и "под" которые должна быть структурирована соответствующая часть государственного аппарата. Такая структура источников, помимо прочего, позволит выработать общие подходы к пониманию экстремизма и устранению главного, пожалуй, на сегодня недостатка законодательства о противодействии экстремизму, которым является отсутствие в Законе о противодействии экстремизму четкой дефиниции понятия "экстремизм".

Библиографический список

1. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации : федер. закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 30. Ст. 2871. (В настоящее время не действует).
2. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
3. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26. Ч. I. Ст. 3378.
5. О внесении изменения в Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности": федер. закон от 23 ноября 2015 г. № 314-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 48. Ч. I. Ст. 6680.
6. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утверждена Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 [Электронный ресурс]. Сайт Совета Безопасности РФ/ URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html (15.12.2016).
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утверждена указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. II. Ст. 212.
8. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утверждена Указом Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
9. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 23. Ст. 3357.
10. О порядке государственной регистрации документов стратегического планирования и ведения федерального государственного реестра документов стратегического планирования: постановление Правительства РФ от 25 июня 2015 г. № 631 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 4067.
11. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : утверждена распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 34. Ст. 4930.
12. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.: утверждена распоряжением Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р // Собрание законодательства РФ. 2016. № 7. Ст. 1017.
13. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р // Собрание законодательства РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.
14. Стратегия сохранения дальневосточного леопарда в Российской Федерации : утверждена распоряжением Минприроды России от 19

ноября 2013 г. № 29-р [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru (15.12.2016).
15. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/71265528/#ixzz4RkTdYVzF (15.12.2016).
16. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 09 ноября 2016 г. по делу № 33-15236/2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (15.12.2016).
17. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.
18. Пояснительная записка к проекту Федерального закона "О внесении изменения в Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" [Электронный ресурс]. Государственная Дума ФС РФ. Официальный сайт. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: http://asozd.duma.gov.ru по состоянию на 14.10.2015 (15.12.2016).
19. Реестр документов стратегического планирования [Электронный ресурс]. Государственная автоматизированная информационная система "УПРАВЛЕНИЕ" URL: http://gasu.gov.ru/040 (15.12.2016).

Мушинский Михаил Адеилович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mushinskiy@mail.ru
Степаненко Диана Аркадьевна, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, e-mail: diana-stepanenko@mail.ru

Mushinskiy Mikhail A., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of State Law Sciences Department, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Stepanenko Diana A., Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of Criminal Law Sciences Department, e-mail: diana-stepanenko@mail.ru

УДК 376.1

УРОКИ ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИНКЛЮЗИИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ

© Т.В. Горбунова*, Е.В. Титаренко**

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
**Иркутский государственный университет,
664011, Россия, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9.

В статье рассматривается проблема толерантного отношения школьников к сверстникам с ОВЗ, что в условиях внедрения инклюзивного образования создает неблагоприятную психологическую среду в детском коллективе. Основываясь на теоретических положениях, анкетировании и проведенном эксперименте, предлагается решение этой проблемы путем привития школьникам толерантного отношения к детям с ОВЗ посредством систематизированного просвещения и обсуждения темы ОВЗ на уроках гуманитарного цикла до начала введения инклюзивного образования в школе.
Ключевые слова: дети с ОВЗ, толерантность, инклюзия, уроки гуманитарного цикла, образование.

HUMANITIES LESSONS AS A MEANS OF FORMATION OF TOLERANT ATTITUDE TOWARDS CHILDREN WITH LIMITED HEALTH ABILITIES IN TERM OF INCLUSION IN SCHOOLS

T.V. Gorbunova*, E.V. Titarenko**

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.
**Irkutsk State University,
9 Suhe-Batora Str., Irkutsk, Russia, 664011.

We discuss the problem of tolerance to schoolchildren with limited health abilities, and suppose that inclusive education can provoke an unfavourable psychological climate in children's group. It is proposed to solve the problem through systematic studying and discussing people with limited health abilities at Humanities lessons before the introduction of inclusive education in schools.
Keywords: children with limited health abilities, tolerance, Humanities lessons, education

Как показывает статистика, из года в год прослеживается тенденция к увеличению количества детей с ограниченными возможностями (далее дети с ОВЗ). Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов приводит следующую статистику количества детей с ОВЗ по России: в 2011 – 505 тыс. человек, в 2013 – 521 тыс. человек, в 2015 году – 542 тыс. человек [1]. Самое большое число детей с ОВЗ проживает на территории Иркутской области. По заявлению заместителя министра образования Иркутской области Максима Парфенова на совещании заместителей мэров по социальным вопросам в 2015–2016 учебном году было зафиксировано 15,673 тыс., что на 340 человек больше, чем в 2014–2015 [2].

Увеличение количества детей с ОВЗ, частичный отказ от классической системы коррекционного образования ставит перед государством вопрос о необходимости изменения образования детей с ОВЗ. И поэтому в качестве приоритетного направления развития образования детей с ОВЗ рассматривается инклюзивное образование, подразумевающее возможность обучения и воспитания в общеобразовательных школах совместно с другими детьми. Основная идея такого образования – возможность обучения со сверстниками в обычных школах, что позволит «особенным» детям быстрее социализироваться.

В 2008 году в России была подписана Конвенция ООН «О правах инвалидов» [4], в ст. 24 которой упоминается, что в целях реализации права на обучение «государства-участники обеспечивают инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни». Так же право на образование детей-инвалидов закреплено в Законе Российской Федерации «Об образо-

вании» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ как «возможность получения образования вне зависимости от состояния здоровья» и доступность получения образования для каждого члена общества [7], в Федеральном Законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ, который предоставляет гарантии «образования для всех детей-инвалидов; обучение в общих и специальных учреждениях» [8], а также во вступившем в силу 1 сентября 2016 года утвержденным приказом Минобрнауки РФ от 19.12.2014 г. Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) [6].

Процесс осуществления инклюзии в образовательных учреждениях требует наличия подготовленных кадров (социальный педагог, педагог-дефектолог, психолог, логопед, тьютор и др.), и соответствия необходимым требованиям безбарьерной среды (оснащение пандусами и перилами; для инвалидов по зрению необходимо наличие специальных предупреждающих и направляющих тактильных полос и т. д.). Но нигде не встречается такой критерий как «комфортная психологическая среда», которая в большинстве случаев отсутствует в школе и классе. Как показывает опрос, проведенный нами в сентябре 2014 года среди учащихся общеобразовательных школ г. Иркутска в возрасте от 14 до 17 лет, посещающих занятия по английскому в МГЛУ ЕАЛИ, лишь у 30 % прослеживалось уважительное отношение к детям с ОВЗ [3], хотя по данным за 2014 год в иркутских школах инклюзивно обучалось 7300 детей [5]. В 2015 году ситуация практически не изменилась. На наш взгляд, такое положение связано с тем, что детям не прививается толерантное уважение к людям с ОВЗ, а если и прививается, то носит хаотичный характер. Проанализировав общешкольные и классные мероприятия общеобразовательных школ г. Иркутска и Иркутского района нами было отмечено, что работа по просвещению о проблемах детей с ОВЗ нигде четко не обозначена и не прописаны мероприятия, проводимые с целью привития толерантного отношения. И как результат 1/3 школьников никогда не слышала о проблемах детей с ОВЗ и о том, как к ним нужно относиться. На основе этих данных можно сделать вывод, что детское сообщество не готово к инклюзии и ее внедрение на данном этапе в общеобразовательную школу не будет способствовать социализации детей с ОВЗ, а только усугубит ситуацию. Так, перенося, модифицируя и адаптируя к отечественным условиям хорошо отработанные и зарекомендовавшие себя за рубежом формы образовательной интеграции, мы забываем о том, что европейское общество намного толерантнее нашего и толерантное отношение к людям с ОВЗ прививается с самого раннего детства. Ярким примером этому являются детские книги про «особых»: мальчика аутиста, который знакомится с обычной девочкой [9], трехногого кота, которому хозяин хочет показать мир [11], или где главные герои спасают собаку в инвалидном кресле от насмешек других собак [10], а также книги с изображением детей с ОВЗ, осуществляющими какую-либо деятельность совместно со здоровыми детьми [12]. В связи с этим российское общество нуждается в проведении подготовительного этапа перед введением инклюзии, включающем в себя привитие толерантности к детям с ОВЗ, который позволит создать комфортную психологическую среду для всех участников (родителей, детей и учителей) в образовательном учреждении.

Отношение к современным проблемам общества, способы принятия правильных решений, умение взаимодействовать в социуме складывается в сознании подростков благодаря прямому воздействию средств массовой информации, поведению других людей, отношению родителей и правильному подходу в воспитании, и, конечно, благодаря работе учителя в общеобразовательных учреждениях. Разнообразие различных форм и методов в привитии толерантности способно расширить знания и умения, для выражения собственного мнения и сопереживания у учеников в классе. Одну из главных ролей в привитии толерантного отношения школьникам играет именно учитель, от которого зависит уровень сформированности компетенций учеников. Он выполняет важную роль в создании определенных границ в поведении детей и в формировании необходимых компетенций. Но, как мы упоминали ра-

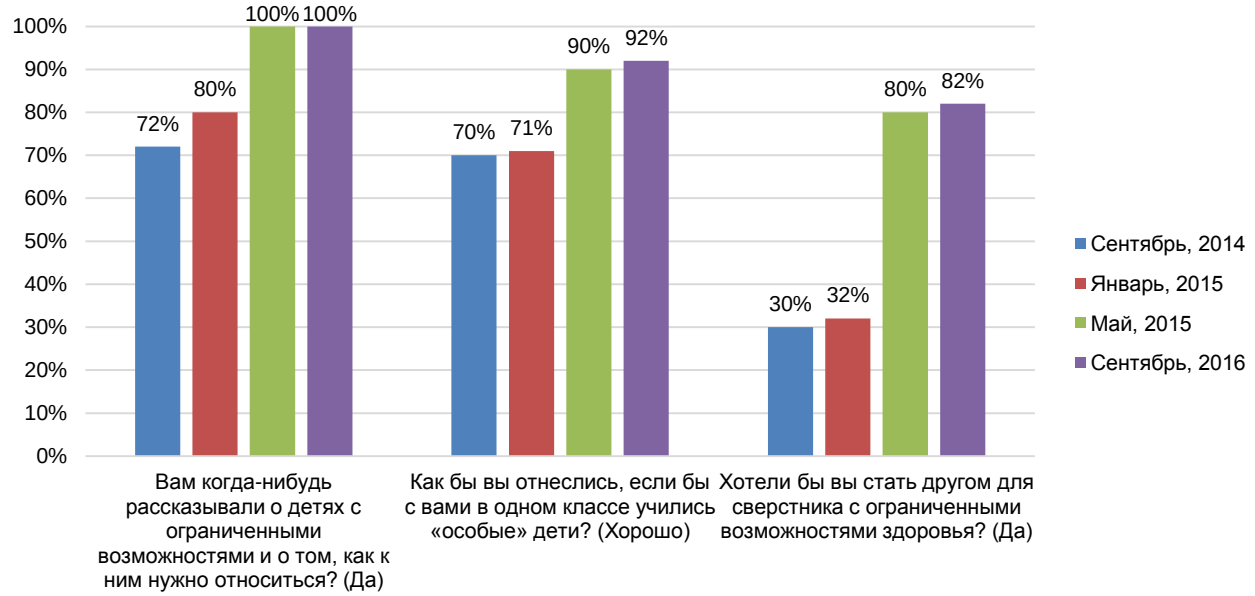
нее, работа по привитию толерантности, уважительного отношения к людям с ОВЗ носит временный характер, в виде нескольких тематических классных часов в году, и не может в полной мере решить на сегодняшний день острую проблему уважительного отношения к инвалидам в обществе. Как показывают результаты анализа учебных планов с 5 по 11 классы, а также результаты опроса, развитие толерантности осуществляется, но не достигает должного уровня. В связи с этим возникает необходимость в постоянном освещении данной проблемы, а также в использовании эффективных способов ее решения. Мы предлагаем свой способ решения данной проблемы, который основывается на проведении работы по привитию толерантности на уроках гуманитарного цикла в общеобразовательной школе. В таких условиях воспитательная работа будет хорошо организована и будет иметь постоянный, а не эпизодический характер. Работа по толерантному воспитанию должна быть, с одной стороны, разнонаправленной и многогранной, а с другой – должна вписываться в урок, не нарушать его структуру, а также не требовать серьезных изменений в учебном плане, так как он создается на основе требований Федерального Государственного Образовательного Стандарта. Также необходимо учесть то, что пропаганда толерантности не должна быть самоцелью, а должна являться вспомогательным элементом в достижении учебных целей.

Именно такие предметы, как русский язык, литература и английский язык являются основой для формирования необходимых компетенций у учащегося. На данных уроках ученики развивают мышление, выражают свое мнение и формируют мировоззрение. На уроках литературы необходимо проводить различные беседы, сочинения-размышления по произведениям на тему толерантности, также следует рекомендовать для внеклассного прочтения художественные произведения с дальнейшим обсуждением, в которых в той или иной сфере будет затронута проблема уважительного отношения. На уроках русского языка правильно подобранный материал по нашей проблеме позволит не только отработать изученные лексические, морфологические, синтаксические и семантические правила на практике, но также повысить уровень сформированности толерантного отношения к детям с ОВЗ, благодаря осмыслению учениками подобранного текста для упражнений. Что касается урока английского языка, то он сам по себе является платформой с огромными возможностями для всестороннего развития личности. Коммуникация на уроке является межкультурным взаимодействием, которое способствует рассмотрению социальных проблем с различных точек зрения. В таких условиях воспитательная работа будет хорошо организована и будет иметь постоянный, а не эпизодический характер. На уроке английского языка, например, грамматические правила можно отработать на текстах, посвященных людям с ОВЗ, связанных с их жизнью, трудностями или достижениями. Использование мультимедийных средств, видеоматериалов, реальных фактов и историй позволит ускорить процесс формирования толерантности к детям с ОВЗ, также как и привлечение личного опыта учащихся.

Основываясь на наших теоретических положениях мы попробовали внедрить элементы, воспитательного характера в занятия английским языком в группах языковой школы при МГЛУ ЕАЛИ, в которых обучались школьники от 14 до 17 лет, являющиеся учениками общеобразовательных школ г. Иркутска. С января по май 2015 года нами было разработано и проведено 16 занятий (по 4 занятия в месяц из 8) с использованием материалов, направленных на формирование толерантности к сверстникам с ОВЗ. В мае мы провели повторное анкетирование и получили следующие результаты:

- осведомленность школьников о том, кто такие люди с ОВЗ и о правильном к ним отношении достигла 100 %;
- практически все школьники стали хорошо относиться к возможности обучения сверстников с ОВЗ с ними в одном классе и даже, 80 % школьников стали готовы быть другом для «особенного» сверстника (в сравнении с 30 % в начале и 32 % в середине года).

В 2015–2016 учебном году эксперимент не проводился, но было проведено анкетирование тех же школьников (на настоящий момент практически все из которых являются студентами ВУЗов г. Иркут-



Развитие толерантного отношения школьников к сверстникам с ОВЗ

ска), которые посещали занятия, направленные на формирование толерантности к сверстникам с ОВЗ в языковой школе МГЛУ ЕАЛИ. Результаты анкетирования говорят об устойчивом чувстве толерантного отношения к людям с ОВЗ, которое не изменилось с течением времени без дополнительного стимулирования (рис.). Для удобства сравнения мы свели все данные в единую диаграмму, на которой видна положительная динамика развития толерантного отношения (рисунок). Это еще раз свидетельствует о том, что толерантное отношение у школьников необходимо формировать ненавязчиво, посредством ненавязчивого воздействия на их эмоционально-чувственную сферу через опыт других и их собственный, транслируемые под руководством учителя на уроках гуманитарного цикла, что будет иметь устойчивый эффект в последующем.

Таким образом, опираясь на теоретические положения и проведенный эксперимент, можно сделать вывод о том, что внедрение воспитательного материала следует включать на уроке постепенно, не нарушая требования ФГОС и учебного плана. Данная работа должна носить регулярный характер, что в дальнейшем, несомненно, изменит восприятие учащихся к детям с ограниченными возможностями, тем самым процесс инклюзии не вызовет затруднений на начальном этапе. «Особые» дети смогут быстрее адаптироваться в обществе, т. к. у них не возникнет трудностей в общении с остальными учениками.

Библиографический список

1. Астахов П. Павел Астахов: Проблемы детей с ограниченными возможностями здоровья должны решаться системно (от 17.04.2015) [Электронный ресурс]: Пресс-служба Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка Павла Астахова. URL: http://www.rfdeti.ru/news/9730-pavel-astahov-problemy-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-dolzhny-reshatsya-sistemno (20.09.2015).
2. В Иркутской области больше детей инвалидов получают образование в 2015–2016 учебном году (от 19.05.2016) [Электронный ресурс] : Байкал инфо. URL: http://baikal-info.ru/v-irkutskoy-oblasti-bolshe-detey-invalidov-poluchayut-obrazovanie-v-2015-2016-uchebnom-godu (19.10.2016).
3. Горбунова Т.В., Титаренко Е.В. Формирование толерантного отношения к детям с ОВЗ при помощи систематизированной работы школы и родителей. Актуальные проблемы современной педагогики и психологии в России и за рубежом: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2015. № 2. С. 148–151.

4. Конвенция ООН о правах инвалидов, принятая Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (19.09.2015)
5. Отчет министерства образования Иркутской области за 2014 год [Электронный ресурс]. URL: http://38edu.ru/documents/docmin/otchet-ministerstva-obrazovaniya-za-2014-god-i-ssylka-dlya-skachivaniya/index.php (20.09.15).
6. Приказ Минобрнауки России от 19.12.2014 № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175495/ (20.10.2016)
7. Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http: http://www.rg.ru/2012/12/30/ obrazovanie-dok.html (20.09.15).
8. Федеральный закон РФ от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
9. Flannery S. A School in a Garden. Harcout Inc.: USA, 2006. 15 p.
10. Lavascio, J. Casey and Bella Face Their First Bully. Big Tent Books: USA, 2011. 30 p.
11. Mahy M. The Three-legged Cat. Penguin Group: Auckland, 2005. 32 p.
12. Strauss G., Brown A. The Night Shimmy. Randon House Children's Publishers: London, 2003. 32 p.

Горбунова Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей №1, e-mail: tanya.mironchuk@hotmail.com
Титаренко Елена Викторовна, студентка 5 курса направления подготовки «Педагогическое образование»

Gorbunova Tatiana V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages for Technical Specialities Department № 1, e-mail: tanya.mironchuk@hotmail.com
Titarenko Elena V., 5th year student of Teacher education direction

УДК 378.14.015.62

МУЛЬТПЕДАГОГИКА КАК СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ ДОШКОЛЬНИКА

© Е.С. Стольникова*
Иркутское муниципальное бюджетное дошкольное учреждение детский сад № 124,
664033, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 297.

В статье актуализируется проблема развития инновационных методов обучения, образования и воспитания дошкольника в современном обществе. Мультпедагогика и мульттерапия рассматриваются автором как современные образовательные технологии, способные дать ребенку возможность всестороннего развития. Определяется предметное поле понятий: «мультипликационная педагогика», «анимация», «мульттерапия», развитие компетенций у дошкольников.
Ключевые слова: инновационные образовательные технологии, мультпедагогика, мульттерапия, анимация, компетенции дошкольника.

PRESCHOOLERS' TRAINING AND EDUCATION THROUGH ANIMATION AS A MODERN EDUCATION TECHNOLOGY

©E.S. Stolnikova*
*Irkutsk Municipal Budgetary Preschool Institution Kindergarten № 124,
297 Lermontov Street, Irkutsk, Russia.

The article is devoted to the issues of development of innovative methods of training and education of preschoolers in modern society. The author considers education through animation and animation therapy as modern teaching techniques to get a child properly educated. The article defines the subject field of the concepts "education through animation ", "animation", "animation therapy ", development of preschoolers' competence.
Keywords: innovative educational technologies, education through animation, animation therapy, animation, preschoolers' competence

В современном обществе любому человеку, тем более дошкольнику, достаточно сложно справиться с постоянно увеличивающимся потоком информации и большой скоростью перемен в технологиях. На сегодняшний день ребенок не только должен быть готов к получению и переработке информации с помощью технических средств информационных технологий, но и уметь мобилизовать имеющиеся знания и умения в определенных жизненных ситуациях, адаптироваться к информационно-технологическому прогрессу, не потеряв при этом нравственно-эстетическую составляющую развития. Для этих целей, в качестве дополнения и альтернативы традиционным системам обучения, в современном дошкольном образовании в рамках ФГОС РФ внедряются и апробируются на практике инновационные методы обучения, образования и воспитания дошкольников, такие как мультипликационная педагогика и мульттерапия.

Мультпедагогика является одной из быстро развивающихся областей арт-педагогики. Основная ее задача состоит в том, чтобы, основываясь на современные информационно-компьютерные технологии, общечеловеческие и национальные духовные ценности современного общества, воспитать в ребенке гармонично-развитую личность, адаптировать его в обществе путем овладения практическими умениями в различных видах художественной и мультимедийной деятельности [1]. Эта задача имеет важное значение для развития ребенка как необходимый базис для комфортного существования в условия современного технологического прогресса и формирования дальнейших профессиональных навыков.

Наряду с мультипликационной педагогикой в дошкольном образовании широко внедряется такое направление психолого-педагогического метода воспитания и образования дошкольников как мульттерапия. Мульттерапия – это способ адаптации, развития и творческой социализации детей

посредством мультипликации или анимации.

Анимация – по-гречески «душа». Создание анимационного или мультипликационного фильма сочетает в себе и творческую работу по одушевлению героев мультфильма, и работу души автора с помощью современных технических средств. Мультипликация как способ выражения художественно-творческого развития детей существует уже сравнительно давно: проводятся конкурсы и фестивали детского анимационного творчества, которые привлекают множество заинтересованных людей. При этом вопрос решения педагогических задач средствами мультипликации остается актуальным [2].

Внедрение идей мультпедагогики в образовательный процесс дошкольного учреждения требуется как средство развития художественно-творческих компетенций ребенка. Дошкольнику проще проявлять свою фантазию, креативные способности, нетривиальный подход к решению поставленных задач, отстоять авторскую позицию в различных видах искусства на различных этапах создания мультипликационного мультфильма: выбор темы, написания теста сценария (литература), способа создания героев (рисование) и способа их оживления (музыка, речевое развитие, работа с техникой).

Мультипликационная педагогика – это не только художественное воспитание, но и развитие ценностно-смысловых компетенций, связанных ценностными ориентирами ребенка: его способностью видеть и понимать окружающий мир, познания логики его существования, осознания своей роли и предназначения, умения выбирать цель и смысловые установки, принимать решения.

В процессе создания мультфильма дети могут разрабатывать темы различных основополагающих ценностей: веру, дружбу, любовь, жизнь, смерть и т. д. Практическое формирование данных понятий происходит быстрее и глубже, чем при усвоении их в форме беседы или лекции.

Наряду с ценностными компетенциями у ребенка формируются и общекультурные компетенции, а именно: духовно-нравственные и культурные познания, основы семейных, социальных и общественных традиций, роль науки и религии в жизни человека.

В рамках создания мультфильма у ребенка формируется представление всечеловеческого понимания мира, культуры, роли науки и религии.

Кроме этого, при создании мультфильма, ребенок осваивает современную технику, учится с ее помощью получать, анализировать, сохранять и передавать различные виды информации. Осваивает навыки самостоятельной добычи знаний из окружающей среды о предмете анимации, работе с пространством, композицией, анимационными технологиями.

Следовательно, у маленького человека формируются учебно-информационные компетенции: совокупность компетенций ребенка в сфере поиска, анализа и отбора информации, необходимой для создания мультфильма посредством использования инновационных технологий и самостоятельной познавательной деятельности, которая включает в себя элементы методологической и учебной деятельности на различных этапах создания мультфильма.

Особо значимой для педагогики являются трудовые компетенции. В процессе работы над анимацией ребенок получает представление не только о производительном процессе, грамотной организации рабочего места, технике безопасности, гигиене труда, но и формирует профессиональные компетенции. Получив представления об определенных профессиях в мультанимации, дошкольник в дальнейшем сможет совершенствовать профессиональные качества, а возможно, и выберет одну из профессий для будущей карьеры.

Важной ценностью мульттерапии является коллективная работа, которая развивает умение общаться, прививает чувство команды и общности достижения цели, адаптирует и социализирует ребенка в коллективе. Коллективное анимационное творчество позволяет ребенку развивать коммуникативные компетенции, то есть знания способов взаимодействия в социуме, умение распределять социальные роли в команде, решение проблем адаптации.

Ребенок в командном творчестве находит свое место в обществе, вырабаты-

вает уверенность в себе, увеличивает толерантность к другим, уменьшает агрессию и тревожность. Психологически позитивная среда мультфильма позволяет ребенку комфортно чувствовать себя в обществе сверстников и взрослых, мотивирует для преодоления сложностей, соответствующих его уровню физической и ментальной подготовки.

Находясь в коллективе, под руководством взрослых специалистов в области дошкольной психологии и педагогики, дошкольник формирует собственную культуру мышления и поведения.

Таким образом, при использовании современных образовательных технологий в процессе анимации у детей дошкольного возраста развивается творческий потенциал, мотивация к познанию окружающего мира, заинтересованность в освоении технических средств, профориентации, компенсируются недостатки и проблемы коммуникации, формируется активная жизненная позиция. В итоге – среди большого потока информации и высокой скорости смены технологий ребенок чувствует себя комфортно и уверенно. Тем самым современные инновационные методы обучения, такие как мультпедагогика и мультпедагогика, получают возможность для дальнейшего развития и использования в дошкольном образовании.

Библиографический список

1. Ищук В.В. Анимация как средство решения педагогических задач / В.В. Ищук, М.И. Нагибина // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/pedagogicheskiy_opyt/1_1/ (15.12.2016).

2. Медведева Е.А. Арт-педагогика и арт-терапия в специальном образовании : учеб. пособие для студентов / Е.А. Медведева, И.Ю. Левченко, Л.Н. Комисарова, Т.А. Добровольская. М.: Академия, 2001. 222 с.

Стольникова Елена Сергеевна, воспитатель МБДОУ детский сад № 124, e-mail: stoleles@mail.ru

Stolnikova Elena S., a preschool teacher of MBPI kindergarten № 124, email: stoleles@mail.ru

УДК 159.99

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ НА ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТОВ

© А.Ю. Евсеева*, О.В. Пуляевская*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье показаны результаты исследования характерологических черт личности и особенности выбора стратегий поведения в ситуации конфликта. На основе данных эмпирического исследования представлена корреляционная зависимость стратегий поведения в конфликте у мужчин и женщин с различным психологическим профилем личности в трудовом коллективе.
Ключевые слова: личность, поведение, конфликтные ситуации.

ON THE ISSUE OF STUDY OF INFLUENCE OF PERSONALITY TRAITS ON THE CHOICE OF BEHAVIOUR STRATEGY IN CONFLICT SITUATIONS

A.Yu. Evseeva*, O.V. Pulyaevskaya*
*Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074

The article presents the results of the study of a personality's traits and peculiarities of choice of behavior strategy in the conflict situation. The correlation dependence of conflict behavior strategies of males and females with different psychological profile at work is represented in the light of empirical evidences.
Keywords: personality, behavior, conflict situations

В последние несколько десятилетий отечественная и зарубежная наука все чаще придает особое значение вопросам изучения конфликтных ситуаций и способам их преодоления, а сама проблема конфликта наделяется новым социально-психологическим, психолого-педагогическим, нравственно-этическим звучанием. Современным акцентам в исследованиях способов преодоления конфликтных ситуаций уделяется все более значительное внимание в логике изучения их онтогенеза.

В рамках сложившихся традиционных подходов в таких направлениях науки, как отечественная и зарубежная общая психология, психология развития, социальная психология, ученые, определяя концептуальные позиции в стратегии и тактике вопросов изучения конфликтных ситуаций и способов их преодоления, предлагают выход на анализ их содержания и механизмов с позиции современных реалий. При этом многими исследователями акцентируется внимание на особенностях поведения той или иной личности в конфликтной ситуации.

Существует большое количество исследований научного, научно-популярного, популярного характера в рамках проблемы причин выбора поведения личности в конфликте. На указанную тему ежегодно выходит в свет большое число публикаций и диссертаций, что является прямым указанием на следующее: количество конфликтов в обыденной жизни имеет тенденцию к увеличению. По причине обострения проблемы необходимо сменить особенности обыденных представлений о природе конфликта, способах участия в нем и его возможных исходов: необходимо глубже познать внутренний мир человека, чтобы иметь возможность взглянуть на конфликт глазами участника.

В процессе изучения проблемы поведения человека в конфликте затрагивается проблема применения психологии личности и психологии индивидуальных различий к проблематике межличностного конфликта. Спецификой пересечения указанных областей психологии являются различия в поведении участников конфликта: человек строит свое поведение с разными людьми по-разному: так, с одними оппонентами им используется стратегия избегания конфликта, с другими – осуществляется поиск компромисса, к третьим – просто приспо-

сабливается. Таким образом, проблему исследования можно определить как несоответствие базовых подходов при изучении межличностных конфликтов современными направлениями психологических исследований личности, а также дефицитом количества эмпирических исследований таких категорий, как сущностные детерминанты конфликтного взаимодействия, внутриличностные факторы выбора стратегий поведения оппонентов в межличностных конфликтах.

У исследователя Р. Дарендорфа конфликт – это «комплекс структурно-произведенных отношений противоположности нормы и ожидания, института и группы». Отечественная психологическая наука конфликт характеризует в качестве высшей стадии развития противоречий в системе отношений, в которую входят люди, социальные группы, социальные институты, общество в целом. Противостояние указанных участников системы усиливается наличием противоположных тенденций и интересов социальных общностей и индивидов [1].

Все указанные определения носят социальный характер, соответственно, конфликт является неким социальным феноменом. Синтез вышеприведенных определений позволяет вывести обобщенное понятие: конфликт можно определить в качестве противоборства общественных субъектов, имеющих цель реализовать свои противоречивые интересы, позиции, ценности и взгляды.

Нельзя не отметить, что во всех вышеприведенных определениях конфликт базируется на противоречиях или на борьбе противоположностей. Одна из причин конфликта – это противоположность интересов. Подобное толкование указанной категории предпочитают отечественные авторы, но такие взгляды встречаются и в работах зарубежных авторов. Так, сторонниками функционалистской модели отмечено, что конфликты можно привести в гармоничное состояние за счет взаимовлияния и удовлетворения интересов и потребностей конфликтующих групп. Интересы при этом сопряжены с такими понятиями, как ценности, цели, ориентации. Американским политологом Д. Аптером отмечается, что основной вопрос в рамках анализа конфликтов заключается в трансформации конфликта ценностей в конфликт интересов [1].

Некоторыми авторами определяется конфликт только через противоположность целей. Непременным его признаком является наличие осознанности противоположности интересов, ценностей, целей. Это отмечают и зарубежные, и отечественные авторы. Известным философом М. Руткевичем отмечено, что в суть определения конфликта, как противостояния между людьми, должно быть обязательно внесено указание на осознанный характер противоречия интересов [2].

Общественный конфликт и его осознание предполагает, прежде всего, необходимость выяснить сущность социального противоречия, являющегося его основой. Социальное противоречие является общественным отношением, сторонами которого являются определенные социальные субъекты и другие элементы социальной системы. Оно обычно основано на разнообразных противоположных взаимосвязях и взаимодействии элементов системы. Проявление части взаимосвязей происходит в форме субъектных отношений с учетом фактора сознательного противоборства, другие проявляются, как взаимодействие человеческих действий и отношений, которые опредмечены и объективированы. Таковыми, например, считаются социальные институты. Тем не менее, любое социальное противоречие является объектно-субъектным отношением и обладает и объективной, и субъективной стороной.

Обобщая все выше представленное, конфликт можно определить так: конфликт выступает в качестве процесса взаимодействия между людьми (или элементами внутренней структуры личности) и выражается в противоборстве сторон, нацеленных на достижение своих целей и интересов.

Основные функции конфликта связаны с его влиянием на противоречие, породившее конфликт: они определяют настроение, особенности взаимоотношений, эффективности индивидуальной деятельности оппонентов; эффективности совместной деятельности группы, взаимоотношение в группе, а также особенности внешней микро - и макросреды и пр.

В число объективных причин конфликтов может входить комплекс таких об-

стоятельств социального взаимодействия людей, которые вызывают столкновение как интересов, так и мнений, установок. За счет объективных причин создается обычно предконфликтная обстановка или ситуация.

Субъективные причины конфликтов имеют в основе такие индивидуально-психологические особенности оппонентов, которые приводят к выбору именно конфликтного, а не какого-то иного способа разрешить объективное противоречие.

Нельзя жестко разделить объективные и субъективные причины конфликтов, также неправомерным будет их противопоставление. Это связано с тем, что в основе чисто субъективной причины конфликта может находиться фактор объективный и независящий от человека. Также в природе не бывает конфликтов, которые не были бы обусловлены объективными и субъективными факторами.

Социально-психологические причины конфликтов – это комплекс возможных значительных потерь и фактов искажения информации в процессе организации межличностного общения, а также несбалансированность ролевого поведения при взаимодействии двух людей. Сюда относят и непонимание людьми следующего: обсуждение проблемы, особенно если она достаточно сложная, позиции могут не совпадать не по причине действительного расхождения во взглядах на одно и то же, а по причине разных подходов у сторон к решаемой проблеме. Также влияние имеют различные способы оценки результатов деятельности и личности друг друга.

Личностные причины конфликтов заключены в том, что отсутствует психологическая устойчивость к отрицательному воздействию на психику стрессовых факторов социального взаимодействия (иначе говоря – конфликтоустойчивость) [3].

Таким образом, единое определение понятия «конфликт» отсутствует. Сторонниками различных теорий он определяется, исходя из собственных суждений. Все определения конфликта обладают социальной подоплекой и конфликт можно считать социальным феноменом. Также конфликт чаще всего связан с противоречием или одним из его моментов, которым является борьба противоположностей. Обобщенно под конфликтом понимают качество взаимодействия между людьми (или элементами внутренней структуры личности), проявляющееся в противоборстве сторон ради достижения своих интересов и целей. Функции конфликта связаны с влиянием конфликта на внешнюю среду и собственные подсистемы. Возникновение и развитие обусловлено действием объективных, организационно-управленческих, социально-психологических или личностных причин [3].

Общее заблуждение о представлении конфликта в качестве столкновения или борьбы, обусловленной либо структурными элементами общества, либо человеком, не дает возможности точно определить способы ликвидации конфликта: если его принять, то сложным становится локализация или разрешение, тогда как в действительности конфликт можно разрешить, установив согласованные связи. Поэтому конфликт, как постоянное изменение положения индивида и в то же время постоянное его сохранение, в основном и главном служит отражением содержательной стороны указанного положения. Следовательно, имеется связь неконфликтного, согласованного взаимодействия и устойчивого положения индивида или группы. При конфликтном взаимодействии происходит постоянное его изменение, разрешение и созидание одновременно. Соответственно, конфликт является способом рассогласованного взаимодействия субъектов в состоянии нацеленности на борьбу за изменение и сохранение положения в объединении [4].

Конфликт должен восприниматься в качестве вполне нормального общественного явления, свойства социальных систем, процесса и способа взаимодействия людей. Дисгармония, противоречия, конфликты являются постоянными и неизбежными составными частями общественного развития. Конфликт является осознанным явлением и обдуманным действием.

Так, Дж. Фон Нейманом и О. Моргенштейном конфликт определяется в качестве взаимодействие двух объектов, которые обладают несовместимыми целями и способами достижения этих целей. Такими объектами, по мысли авторов, можно считать людей, отдельные группы, армию, мо-

нополии, классы, социальные институты и др., чья деятельность имеет целью постановку или решение задач организации и управления, прогнозирование и принятие решений, а также планирование целенаправленных действий [5].

Конфликтное взаимодействие определяют модели развития конфликтного взаимодействия и стратегии поведения. Так, А.Я. Анцуповым и С.В. Баклановским в работах осуществлена опора на модель, автором которой является Н.В. Гришина.

Модель Н.В.Гришиной свидетельствует о том, что развитие конфликтного взаимодействия оппонентов происходит с учетом ситуационного контекста, основанного на общем кооперативном или конкурентном характере взаимодействия сторон, условии протекания конфликта, наличии «третьих сил», а также прежнем опыте взаимодействия сторон и пр. [6].

За счет сформировавшихся установок начинают определяться параметры взаимодействия сторон. Характеристики указанных параметров имеют прямую связь с целевыми компонентами решения возникших противоречий, которые конфликтующими сторонами определены в сложившейся ситуации. Это влияет на различия в восприятии друг друга каждым из участников конфликта. В ряде случаев цель оппонентов по конфликтной ситуации – стремиться прийти к обоюдному взаимопониманию. В других ситуациях цель – просто решить проблему, устранить ее причины, и здесь вовсе не обязательно понимать друг друга или искать согласие. В третьем варианте возможно возникновение соперничества [6].

Предмет разногласий может выступить как достаточно устойчивая составляющая конфликтной ситуации, однако объем рассогласований способен изменяться с учетом характера взаимоотношений с партнером.

Учитывая восприятие противостоящей стороны, происходит взаимодействие и осуществляется отбор средств воздействия, используемых участниками конфликта относительно друг друга. Их реализация происходит в конкретных типах взаимодействия:

- Сотрудничестве – типе взаимодействия в конфликтной ситуации, когда у его участников возникает стремление разрешить возникшие между ними противоречия с ориентацией на сохранение позитивных отношений и опираясь на них в процессе взаимодействия;
- кооперации – типе взаимодействия, когда у участников есть стремление разрешить возникшее противоречие независимо от фактора взаимоотношений между ними с опорой на формальные возможности решения противоречий;
- конкуренции – типе взаимодействия в конфликтной ситуации, когда у участников конфликта есть стремление не разрешить существующие между ними противоречия, а «победить» над противоборствующей стороной при помощи средств, используемых при борьбе с противником [6].

При помощи классического подхода К. Томаса и Р. Киллмена выделяются основные стратегии поведения. С.М. Емельяновым данная модель была усовершенствована. Он дополнил ее измерением ценности межличностных отношений. Также здесь основой модели является ориентация участников конфликта на собственные интересы и интересы противоположной стороны.

Качественную характеристику избираемого поведения – оценку интересов в конфликте – можно соотнести с количественными параметрами, среди которых выделяют низкий, средний, высокий уровни направленности на интересы.

Анализируя конфликты на основе рассматриваемых моделей, необходимо помнить, что уровень направленности на собственные интересы или интересы соперника определяется тремя обстоятельствами:

- содержанием предмета конфликта;
- ценностями межличностных отношений;
- индивидуально-психологическими особенностями личности [7].

Ценности межличностных отношений для оппонентов принадлежит особое место в оценке моделей и стратегий поведения в конфликте. Так, если комплекс межличностных отношений (партнерства, товарищества, дружбы, любви и пр.) не

представляет ценности, то оппонент в конфликте будет отличаться деструктивным поведением и занимать крайние позиции в стратегии (принуждение, борьба и др.).

Исследовательская работа по изучению влияния характерологических особенностей личности на выбор стратегии поведения в ситуации конфликтов проводилась в ЗАО «Компания ТрансТелеком» «МакрорегионБайкал».

Всего в исследовании приняли участие 40 человек, из них 20 мужчин и 20 женщин.

В качестве психодиагностических методик были использованы:

1. Тест-опросник К. Томаса на поведение в конфликтной ситуации.

2. Тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда. Методика акцентуации характера и темперамента личности.

3. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность».

Проведем интерпретацию результатов эмпирического исследования с последующим ее анализом.

1. Тест-опросник К. Томаса на поведение в конфликтной ситуации.

Проанализируем полученные данные. В соответствии с результатами можно сказать, что стратегию соперничества выбирают 10 % мужчин и 20 % женщин. Соответственно, они стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому. Стратегия приспособления свойственная 5 % мужчин и 20 % женщин, они приносят в жертву собственные интересы ради интересов другого человека. Стратегию компромисса используют 35 % мужчин и 15 % женщин, они способны найти решение конфликта без ущерба для сторон. Стратегия избегания отмечена у 30 % женщин и у 30 % мужчин, для данного типа характерно как отсутствие стремления к кооперации, так и отсутствие тенденции к достижению собственных целей. Стратегию сотрудничества используют 20 % мужчин и 10 % женщин, это корпоративный тип, когда участники ситуации приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон. Соответственно, можно сказать, что у женщин преобладает соперничество и избегание конфликта, а у мужчин – компромисс и также избегание конфликта.

Позитивная агрессивность преобладает у мужчин: у них показатель составил 55 %. У женщин аналогичный показатель составил 15 %. Однако показатель негативной агрессивности у женщин выше: он составил 55% против 20 % у мужчин. Общий показатель конфликтности выше у женщин: он составил 30 %, а у мужчин показатель равен 25 %. Соответственно, в целом, конфликтность в коллективе невысока, она не достигает 50 %.

2. Анализ исследования по тесту-опроснику Г. Шмишека, К. Леонгарда.

Рассмотрим полученные данные. Демонстративный тип отмечен у 25 % женщин и у 15 % мужчин. Характеризуется повышенной способностью к вытеснению, демонстративностью поведения, живостью, подвижностью, легкостью в установлении контактов. Склонен к фантазерству, лживости и притворству, направленным на приукрашивание своей персоны, авантюризму, артистизму, к позерству. Им движет стремление к лидерству, потребность в признании, жажда постоянного внимания к своей персоне, жажда власти, похвалы; перспектива быть незамеченным отягощает его. Он демонстрирует высокую приспосабливаемость к людям, эмоциональную лабильность (легкую смену настроений) при отсутствии действительно глубоких чувств, склонность к интригам (при внешней мягкости манеры общения).

Застревающий тип отмечен только у 10 % мужчин. Его характеризует умеренная общительность, занудливость, склонность к нравоучениям, неразговорчивость. Часто страдает от мнимой несправедливости по отношению к нему. В связи с этим проявляет настороженность и недоверчивость по отношению к людям, чувствителен к обидам и огорчениям, уязвим, подозрителен, отличается мстительностью, долго переживает происшедшее, не способен "легко отходить" от обид. Для него характерна заносчивость, часто выступает инициатором конфликтов. Самонадеянность, жесткость установок и взглядов, сильно развитое честолюбие нередко приводят к настойчивому утверждению своих интересов, которые он отстаивает с особой энергичностью.

Педантичный тип отмечен у 5 % мужчин и 10 % женщин. Характеризуется ригидностью, инертностью психических процес-

сов, труден на подъем, долго переживает травмирующие события. В конфликты вступает редко, выступая скорее пассивной, чем активной стороной. В то же время очень сильно реагирует на любое проявление нарушения порядка. На службе ведет себя как бюрократ, предъявляя окружающим много формальных требований. Пунктуален, аккуратен, особое внимание уделяет чистоте и порядку, скрупулезен, добросовестен, склонен жестко следовать плану, в выполнении действий нетороплив, усидчив, ориентирован на высокое качество работы и особую аккуратность, склонен к частым самопроверкам, сомнениям в правильности выполненной работы, брюзжанию, формализму. С охотой уступает лидерство другим людям.

Возбудимый тип отмечен как у 5 % женщин, так и у 5 % мужчин. Недостаточная управляемость, ослабление контроля над влечениями и побуждениями сочетаются у людей такого типа с властью физиологических влечений. Ему характерна повышенная импульсивность, инстинктивность, грубость, занудство, угрюмость, гневливость, склонность к хамству и брани, к трениям и конфликтам, в которых сам и является активной, провоцирующей стороной. Раздражителен, вспыльчив, часто меняет место работы, неуживчив в коллективе.

Гипертимический тип отмечен у 20 % мужчин и 10 % женщин. Людей этого типа отличает большая подвижность, общительность, болтливость, выраженность жестов, мимики, пантомимики, чрезмерная самостоятельность, склонность к озорству, недостаток чувства дистанции в отношениях с другими. Часто спонтанно отклоняются от первоначальной темы в разговоре. Везде вносят много шума, любят компании сверстников, стремятся ими командовать. Они почти всегда имеют очень хорошее настроение, самочувствие, высокий жизненный тонус, нередко цветущий вид, неплохой аппетит, здоровый сон, склонность к чревоугодию и иным радостям жизни.

Дистимический тип отмечен у 5 % мужчин и 5 % женщин. Люди этого типа отличаются серьезностью, даже подавленностью настроения, медлительностью, слабостью волевых усилий. Для них характерны пессимистическое отношение к будущему, заниженная самооценка, а также низкая контактность, немногословность в беседе, даже молчаливость.

Тревожный тип отмечен у 5 % мужчин и 15 % у женщин. Людям данного типа свойственны низкая контактность, минорное настроение, робость, пугливость, неуверенность в себе. Дети тревожного типа часто боятся темноты, животных, страшатся оставаться одни. Они сторонятся шумных и бойких сверстников, не любят чрезмерно шумных игр, испытывают чувство робости и застенчивости, тяжело переживают контрольные, экзамены, проверки. Часто стесняются отвечать перед классом. Охотно подчиняются опеке старших, нотации взрослых могут вызвать у них угрызения совести, чувство вины, слезы, отчаяние. У них рано формируется чувство долга, ответственности, высокие моральные и этические требования.

Циклотимный тип не отмечен ни у одного опрашиваемого. Характеризуется сменой гипертимных и дистимных состояний. Им свойственны частые периодические изменения настроения, а также зависимость от внешних событий. Радостные вызывают у них картины гипертимии: жажда деятельности, повышенная говорливость, скачка идей; печальные – подавленность, замедленность реакций и мышления, так же часто меняется их манера общения с окружающими людьми. Экзальтированный тип отмечен у 20 % мужчин и 25 % женщин. Яркая черта этого типа – способность восторгаться, восхищаться, а также – улыбчивость, ощущение счастья, радости, наслаждения. Эти чувства у них могут часто возникать по причине, которая у других не вызывает большого подъема, они легко приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние – от печальных. Им свойственна высокая контактность, словоохотливость, влюбчивость. Такие люди часто спорят, но не доводят дела до открытых конфликтов. В конфликтных ситуациях они бывают как активной, так и пассивной стороной. Они привязаны к друзьям и близким, альтруистичны, имеют чувство сострадания, хороший вкус, проявляют яркость и искренность чувств. Могут быть паникерами, подвержены сиюминутным настроениям, порывисты, легко переходят от состояния восторга к состоянию печали, обладают лабильностью психики.

Эмотивный тип отмечен у 15 % мужчин и 5 % женщин. Этот тип родственен экзальтированному, но проявления его не столь бурны. Для них характерны эмоциональность, чувствительность, тревожность, болтливость, боязливость, глубокие реакции в области тонких чувств. Наиболее сильно выраженная черта – гуманность, сопереживание другим людям или животным, отзывчивость, мягкосердечность, сострадание. Они впечатлительны, слезливы, любые жизненные события воспринимают серьезнее, чем другие люди.

Таким образом, в анализируемом коллективе преобладают у мужчин гипертимический, демонстративный, экзальтированный и эмотивный типы, а у женщин – демонстративный, тревожный и экзальтированный типы.

Анализ по методике «Личностная агрессивность и конфликтность».

Рассмотрим полученные данные. Так, позитивная агрессивность преобладает у мужчин: у них показатель составил 55%. У женщин аналогичный показатель 15%. Однако показатель негативной агрессивности у женщин выше: он составил 55 % против 20 % у мужчин. Общий показатель конфликтности выше у женщин: он составил 30 %, а у мужчин показатель равен 25 %. Соответственно, в целом, конфликтность в коллективе невысока, она не достигает 50 %.

Высокую конфликтность у женщин подтверждают ранее сделанные выводы по преобладанию среди них экзальтированного и демонстративного типа личности. Мужчины, у которых преобладает гипертимический тип, все же показывают более низкую конфликтность, чем женщины. Кроме того, у мужчин, в связи с особенностями личностных характеристик, обоснованных выше, преобладает позитивная агрессивность, тогда как у женщин такая агрессивность негативная. Следовательно, можно отметить, что личностные особенности влияют на стратегию поведения в конфликте, и гипотеза исследования подтвердилась.

Выводы: исследование показало, что у женщин преобладает соперничество и избегание конфликта, а у мужчин – компромисс и также избегание конфликта.

Библиографический список

1. Зайченко Н.У. Конфликт в контексте развития субъекта // Мир психологии, 2012. № 2. С. 152–163.
2. Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / под общей ред. В.И. Белопольского. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.
3. Зайцев А.К. Социальный конфликт на предприятии. Калуга: КИСИ, 2003.
4. Александрова Е.В. Социально-трудовые конфликты: пути разрешения. М.: ИНИОН, 2003.
5. Гительмахер Р.Б. Конфликт: социально-психологический аспект. Иваново: ИГУ, 1995.
6. Аллахвердова О.В. и др. Конфликтология. СПб.: Лань, 2004.
7. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарика, 2010.

Евсеева Анна Юрьевна, студентка кафедры психологии, e-mail: ania.anuta@mail.ru
Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

Evseeva Anna Yuryevna, a student of Psychology Department, e-mail: ania.anuta@mail.ru
Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Psychology Department, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

УДК 378.14.015.62

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИНКУБАТОР КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

© Л.А. Ларионова*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье описывается структура Профессионального инкубатора, который используется в вузе как педагогическое условие формирования профессиональных ценностей у студентов-психологов. Сформированные профессиональные ценности помогают выполнять свою работу качественно.

Ключевые слова: Профессиональный инкубатор, профессиональные ценности, педагогическое условие.

PROFESSIONAL INCUBATOR AS PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMATION OF PSYCHOLOGY STUDENTS' PROFESSIONAL VALUES

L.A. Larionova*

*Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Street, Irkutsk, Russia, 664074

The article describes the structure of the professional incubator used in the University as pedagogical conditions for formation of psychology students' professional values. Formed professional values help to be efficient at work.

Keywords: Professional incubator, professional values, pedagogical condition

Несформированность профессиональных ценностей у студентов приводит к обесцениванию профессии, поэтому необходима разработка педагогических условий формирования профессиональных ценностей в процессе обучения в вузе.

Мы рассматриваем педагогические условия формирования профессиональных ценностей студентов в образовательно-профессиональном пространстве вуза.

Образовательно-профессиональное пространство вуза – это специально организованная совокупность взаимосвязанных образовательных и профессиональных структур по формированию конкурентоспособности личности студента, характеризующееся многофункциональностью (компоненты: образовательный, профессиональный, практический, исследовательский, управленческий, финансово-экономический) и многопрофильностью (деятельность в рамках вуза, учреждений, предприятий). По своей сути – это образовательное пространство вуза, но оно получает приращение в части «профессиональное» за счёт реализации студентами профессиональной деятельности в студенческом центре психологической помощи [1, с.158].

Мы предлагаем использовать в образовательно-профессиональном пространстве вуза Профессиональный инкубатор, который состоит из нескольких организаций: Студенческое научное общество «Студенческий центр психологической помощи» кафедры психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (СНО СЦПП), Автономное некоммерческое объединение «Научно-исследовательский институт психологии» (АНО НИИП), Психологическая служба Федерального казенного учреждения Уголовной-исполнительной инспекции Государственного управления федеральной системы исполнения наказаний по Иркутской области (ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Иркутской области), Лаборатория экспериментальной психодиагностики по цифровой графологии кафедры психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (Лаборатория экспериментальной психодиагностики по цифровой графологии ИРНИТУ), Общество с ограниченной ответственностью «Психологическая школа Иркутского национального исследовательского технического университета» (ООО «Психологическая школа ИРНИТУ»). Все эти организации вза-

имодействуют друг с другом на договорной основе, где одной из задач является развитие профессионализма у будущих бакалавров специальности 37.03.01 «Психология». В данной структуре имеется взаимосвязь образовательных и профессиональных организаций, которая является благоприятной средой для формирования общепрофессиональных и профессиональных компетенций студентов.

Обратимся к рассмотрению организаций, входящих в Профессиональный инкубатор:

Студенческий центр психологической помощи (СЦПП) на кафедре психологии был создан в 2005 году. Данная идея была заимствована из практики университетов США, где популярно создание студенческих практических центров. Например, там, в течение многих лет на юридических факультетах работают юридические клиники, они финансируются университетами, также материальную помощь оказывают органы социальной защиты и попечительства. Суть деятельности клиники заключается в том, что студенты старших курсов трудятся на всех должностях, включая руководящие. Опытные преподаватели являются кураторами. Работа клиники направлена на оказание помощи малоимущим гражданам. Здесь двусторонняя выгода. С одной стороны, малоимущие граждане обеспечены качественной юридической помощью, с другой – у студентов есть реальная практика профессиональной деятельности.

Мы рассмотрели возможность создания подобного учреждения для студентов специальности «Психология». Деятельность психолога характеризуется своей спецификой. Если молодой специалист не владеет навыками практической работы, то его адаптация на рабочем месте будет не только затруднена, но и быстро может привести к эмоциональному выгоранию, что в итоге повлечет профессиональную непригодность. Поэтому будущим психологам необходимо, ещё в процессе учебы, развивать своё мастерство. В настоящий момент возникла необходимость обучения психологов практикоориентированным методам оказания психологической помощи.

Цель создания СЦПП – повышение качества профессиональной подготовки и формирование практических навыков студентов – будущих психологов.

СЦПП позволил вузу решить одновременно несколько задач:

1. Укрепить связь теоретического обучения с практикой.

2. Сформировать у студентов профессиональную компетентность.

3. Решить проблемы вуза, города, региона по обеспечению квалифицированными кадрами.

В СЦПП студенты под руководством опытных преподавателей и практикующих психологов смогли поработать с настоящими психологическими ситуациями, оказать помощь клиентам в разрешении их проблем.

СЦПП включает программы из разных сфер психологии. Каждая программа предполагает связь целого блока дисциплин и отраслей психологии: возрастная психология, клиническая, педагогическая и др. Реализация программ СЦПП максимально приближена к условиям будущей профессиональной деятельности студентов психологической специальности.

Структура СЦПП

1. Кураторство работы СЦПП осуществляется преподавателями, имеющими практический опыт работы или совмещающими работу в вузе с психологической практикой.

2. Руководство СЦПП осуществляет студент 3-4 курса.

3. К работе в СЦПП привлекаются студенты старших курсов, изучившие основные отрасли психологии: психодиагностику, экспериментальную психологию, психологическое консультирование, основы социально-психологического тренинга, семейную психологию, психотерапию.

4. Студент работает с клиентом под руководством и контролем преподавателей.

5. Преподаватель берёт на себя ответственность за качество работы студента, его этичность, конфиденциальность, добросовестность в консультировании клиентов.

Формы работы преподавателя со студентами в СЦПП: консультации, супервизорские семинары по обсуждению проблем, с которыми обратились клиенты, формы психологического воздействия, профориентационная работа, научное обобщение психологической практики.

Деятельность СЦПП ориентирована на

оказание бесплатной психологической помощи малоимущим гражданам региона.

Работа студентов в СЦПП регламентирована и организована по четкому графику и может быть зачтена в качестве производственной практики.

СЦПП обеспечивает постоянное высокопрофессиональное психологическое обслуживание, он развивается и совершенствуется, является неотделимой частью эффективной программы обучения студентов-психологов.

В СЦПП проводятся семинары, направленные на изучение разных проблем; индивидуальные встречи куратора со студентом для обсуждения консультаций; групповые занятия, т. е. встречи для обсуждения проблем клиентов, обмена опытом, деловые игры по воспроизведению психологических консультаций.

В СЦПП принимаются студенты, которые изъявили желание работать в центре.

Во время занятий, а также вне занятий, в СЦПП проводятся моделируемые игры, рассматриваются реальные ситуации, в которых студенты принимают участие в роли специалистов. После окончания вуза, приступив к своим должностным обязанностям, они попадают в знакомую атмосферу, следовательно, снижается тревожность, повышается уверенность в своей компетентности. Также преподаватели-практики имеют возможность поделиться своим профессиональным опытом консультирования со студентами через мастер-классы, позволяющие формировать у студентов профессиональное мышление и развивать практические навыки консультирования.

Развитие представлений о тесной связи психологической теории, норм психологии и практики возможно только на естественном практическом материале. Именно этот материал позволяет продемонстрировать связи дисциплин теоретической и экспериментальной психологии. В конечном итоге – это позволяет дать студенту целостное, а не фрагментарное представление о применении психологии в профессиональной деятельности. Практикоориентированные методы обучения показывают студентам значимость получаемых теоретических знаний и востребованность их на практике.

В СЦПП студенты впервые соприкасаются с практической работой психолога. Они учатся самостоятельно организовывать свою профессиональную деятельность.

Специфика работы психолога заключается в эмоционально-личностном преломлении им концепций и теорий. Это является большой ответственностью, ведь иногда некоторые специалисты с законченным образованием, оказываются сами не готовыми к выполнению своей профессиональной деятельности из-за неспособности адекватного эмоционального реагирования.

При условии, если студент постоянно включен в практическую деятельность, он способен оценить пользу своего труда, что является основой формирования профессиональных ценностей.

При СЦПП существует сообщество выпускников специальности «Психология» Иркутского национального исследовательского технического университета. Это сообщество обеспечивает преемственность вуза и разных организаций. Студенты имеют возможность изучать опыт выпускников-профессионалов.

Все описанные возможности, реализуемые в СЦПП, повышают мотивацию обучения и приводят к рассмотрению своей будущей профессии как нужной и ценной.

Следующей организацией, входящей в структуру Профессионального инкубатора, является Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский институт психологии» (АНО НИИП). Эта структура, осуществляющая образовательный процесс и психологическое сопровождение граждан РФ. Целью АНО НИИП является оказание услуг в области психологической помощи и осуществлении научной деятельности. В деятельность данной организации включены: психодиагностическое обследование, в том числе для обслуживания экспертиз разной сферы; индивидуальное и групповое психологическое консультирование, проведение тренингов, семинаров; разработка психологических тренингов для детей и взрослых; разработка и проведение индивидуальных и групповых психокоррекционных занятий; супервизорские семинары; сопровождение психологической безопасности на производстве; разработка и сопровождение информационно-психологических про-

грамм в разных сферах производства.

АНО НИИП сотрудничает с кафедрой психологии ИРНИТУ, имеются совместные проекты по проведению научных конференций, выпуску сборников научных статей, участие в образовательных выставках.

С АНО НИИП заключен долгосрочный договор о сотрудничестве и прохождении студентами производственной практики. Студенты проходят её в данной организации с 1 по 4 курс. Эта практика включает в себя разнообразные формы работы: самостоятельная организация профессиональной деятельности психолога (изучение законодательства, касающегося профессиональной деятельности психолога, профессиональной литературы, подбор актуальных психологических методик исследования); подготовка, обсуждение и проведение консультаций как индивидуальных, так и групповых; самостоятельная разработка и проведение социально-психологических тренингов; обобщение результатов исследования и подготовка научных статей; организация и проведение проблемных семинаров, научных конференций.

Кроме производственной практики студенты имеют возможность совместно с сотрудниками АНО НИИП участвовать в реализации различных проектов организации, а также предлагать свои проекты; проводить экспериментальную работу для своих выпускных квалификационных работ.

АНО НИИП представляет площадку для проведения волонтерской деятельности по желанию студентов. Они выступают консультантами, тренерами, ведущими деловых игр. Сопровождение профессиональной деятельности студента на площадке АНО НИИП осуществляют как сотрудники, так и преподаватели кафедры психологии.

Студентов включают наравне со специалистами-психологами в группы по развитию профессиональных навыков, повышению компетентности. По окончании проводимых семинаров, студенты получают профессиональные сертификаты, которые в дальнейшем при устройстве на работу позволяют показать уже имеющийся профессиональный опыт.

Студенты имеют возможность почувствовать себя в роли настоящего профессионала, умеющего самостоятельно организовывать свою деятельность, в том числе и нести за неё ответственность. А также оценить насколько ему интересно и важно выполнять профессиональную деятельность психолога.

Психологическая служба Федерального казенного учреждения Уголовно-исполнительной инспекции Государственного управления федеральной системы исполнения наказаний по Иркутской области (ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Иркутской области) также является составляющей Профессионального инкубатора. Цель психологической службы – психологическое сопровождение сотрудников ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Иркутской области и осужденных, отбывающих наказание в учреждениях ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Иркутской области.

Студенты в данном учреждении проходят производственную практику с 1 по 4 курс. В отличие от практики, проходимой в СНО СЦПП и АНО НИИП, практика в ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Иркутской области имеет строгий регламент. Изучив специфику учреждения и контингента, студенты получают задание от руководства психологической службы и регламентировано трудятся над его исполнением. Работа заключается в проведении психологических исследований, с целью выявления тех или иных особенностей личности или определенных факторов, проявляющихся во взаимоотношениях или деятельности. Вся деятельность в ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Иркутской области проводится в рамках производственных практик, поэтому заработную плату студенты не получают.

В Профессиональный инкубатор входит Лаборатория экспериментальной психодиагностики по цифровой графологии кафедры психологии ИРНИТУ. В данной лаборатории осуществляются научные исследования, направленные на изучение взаимосвязи мелкой моторики и личностных особенностей человека. Сотрудниками являются только преподаватели кафедры психологии ИРНИТУ. Студенты выполняют исследовательскую работу совместно с преподавателем. У студентов есть возможность проявлять инициативу в исследованиях, предлагать свои исследовательские проекты. На основе полученных результатов могут писать курсовые работы, выпускные квалификационные работы, научные ста-

тьи, доклады на конференции. Научная деятельность в лаборатории осуществляется студентами на добровольной основе и не включает в себя оплату за выполненную работу, студенты в процессе обучения нарабатывают опыт. Под руководством преподавателей или сотрудников учреждений постоянно идет обсуждение полученных результатов, допущенные профессиональные ошибки корректируются посредством анализа и выработки альтернатив профессиональных действий для их устранения. На 4-м курсе у студентов есть определенный опыт, чтоб самостоятельно осуществлять профессиональную деятельность. С этой целью в Профессиональный инкубатор было включено Общество с ограниченной ответственностью «Психологическая школа Иркутского национального исследовательского технического университета» (ООО «Психологическая школа ИРНИТУ»). Целью данной организации является повышение психологической компетентности граждан, а также профессионалов, занимающихся психологической деятельностью. ООО «Психологическая школа ИРНИТУ» реализует различные виды психологической поддержки населению: это сопровождение психологической безопасности предприятий (работа с сотрудниками предприятий по выработке стрессоустойчивости на опасном производстве); работа по подбору персонала для предприятий; проведение психологических тренингов, направленных на командообразование; проведение индивидуального и группового консультирования; организация и проведение проблемных семинаров, научных конференций. Профессиональная деятельность студентов в данном Обществе осуществляется как через трудоустройство, так и на основе краткосрочных договоров на выполнение той или иной работы. Для выполнения профессиональной деятельности Общество предоставляет студентам гибкий график работы, который бы позволял им совмещать учебу с работой. Данная организация имеет долгосрочный договор о сотрудничестве с кафедрой психологии

Итак, студенты, занимающиеся в Профессиональном инкубаторе, могут использовать разнообразные формы работы, которые направлены на формирование профессиональных компетенций. Преимущество Профессионального инкубатора перед отдельно взятыми организациями заключается в том, что студенты, начиная с 1-го курса, могут реализовывать полученные знания, используя разный уровень профессиональной ответственности, т. е. от волнотерства до настоящей оплачиваемой профессиональной деятельности.

Описываемый нами Профессиональный инкубатор – это структура, являющая составляющей образовательно-профессионального пространства вуза, включающая в себя разные организации, находящиеся как в составе вуза, так и сотрудничающие с вузом на договорной основе: СНО «Студенческий центр психологической помощи» кафедры психологии ИРНИТУ, АНО «Научно-исследовательский институт психологии», ООО «Психологическая школа ИРНИТУ», Лаборатория экспериментальной психодиагностики по цифровой графологии кафедры психологии ИРНИТУ, Психологическая служба ГУФСИН РФ по Иркутской области, в которых студент, обучающийся по специальности 37.03.03 «Психология», может получать полноценный профессиональный опыт на основе конструктивного взаимодействия с сотрудниками организаций и преподавателями вуза, осуществляющими практическую деятельность на разных уровнях профессиональной ответственности, начиная от выполнения поручений и волонтерства до выполнения работы на договорной основе и профессиональном трудоустройстве. Самый первый уровень профессионализма студенты получают в организациях СНО СЦПП, которые закреплены за кафедрой психологии ИРНИТУ и АНО НИИП. Работа в данных организациях регламентирована и проводится под руководством преподавательского состава кафедры психологии ИРНИТУ и сотрудников АНО НИИП. Второй уровень профессионализма студенты получают в психологической службе ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Иркутской области и Лаборатория экспериментальной психодиагностики по цифровой графологии кафедры психологии ИРНИТУ, где выполняемая работа проводится в рамках производственной практики и научных исследований, она также строго регламентирована и осуществляется под руководством преподавателей кафедры психологии ИРНИТУ и сотрудников

психологической службе ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Иркутской области. Третий уровень профессионализма студенты получают в ООО «Психологическая школа ИРНИТУ». Это полноценная профессиональная деятельность студента, где он выполняет работу самостоятельно и получает заработную плату за выполненные проекты.

Таким образом, Профессиональный инкубатор представляет собой совокупность взаимодействующих организаций, в которых студент реализует возможность выполнения различных видов профессиональной деятельности психолога: психопрофилактику, психологическое консультирование и психологическую коррекцию. Деятельность студента регламентирована и осуществляется под руководством преподавателей кафедры психологии ИРНИТУ или специалистов организаций, сотрудничающих с кафедрой. На основании этого мы можем констатировать, что Профессиональный инкубатор в нашем исследовании отвечает требованиям организационно-педагогического условия, которое направлено на формирование общепрофессиональных и профессиональных компетенций будущих психологов, сформированность которых позволит относиться к своей профессии как к ценности.

Следует отметить, что Профессиональный инкубатор является моделирующим пространством профессиональной деятельности. Студенты впервые соприкасаются с настоящей работой психолога. Они учатся самостоятельно организовывать свою профессиональную деятельность.

Специфика работы психолога заключается в эмоционально-личностном преломлении им концепций и теорий, это является большой ответственностью, иногда некоторые специалисты с законченным образованием, оказываются сами не готовыми к выполнению профессиональной деятельности из-за неспособности адекватного эмоционального отреагирования.

При условии, если студент постоянно включен в практическую деятельность, он способен оценить пользу своего труда, что может быть положено в основу формирования профессиональных ценностей.

Согласно мнению Э.Ф. Зеера, анализ личности специалиста той или иной профессии, его отношения к миру невозможно без изучения системы его ценностных ориентаций, которые являются одним из центральных личностных образований. Ценностные ориентации выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и определяют мотивацию его поведения, существенно влияя на все стороны профессиональной деятельности. В зависимости от структуры ценностных ориентации личности, сочетания и степени предпочтения относительно других ценностей, можно определить, на какие цели направлена профессиональная деятельность человека [2, с. 100].

Профессиональная практическая деятельность психолога представляет собой особый вид социальной активности, где обобщенные идеи о ценности человека предельно конкретизируются и персонифицируются в его словах и действиях, направленных на «Другого». В известном смысле, психолог своими профессиональными действиями создаёт образ «Другого» для тех людей, с которыми он работает. В рамках движения к гуманизации современного общества личность, проявляющая качества «актуализатора», наиболее успешно способна справиться с задачей создания оптимистического персонифицированного образа «Другого» [3].

Важным качеством практического психолога А. Ф. Бондаренко считает особый деонтологический менталитет, основу которого составляют ценности, определяющие этические мотивы и способы деятельности безотносительно к институциональным стандартам [4, с. 21].

Эффективность психолога определяется свойствами личности, профессиональными знаниями и специальными навыками. Каждый из этих факторов обеспечивает качественный консультативный контакт, который и является стержнем психологического консультирования. В итоге от консультативного контакта зависит окончательный эффект консультирования – изменение личности клиента в процессе конструктивных действий консультанта. Нисколько не умаляя значения теоретической и практической подготовки, мы все же склонны отдать предпочтение фактору личности консультанта [5].

По мнению Р. Мэйя, «личность консультанта является его орудием труда» [6, с. 102].

Особое место в системе подготовки психолога занимает проблематика мировоззренческого обеспечения профессионального становления будущих специалистов, формирования у них действенных просоциальных гуманистически-ориентированных ценностей, которые соответствуют этике избранной ими профессиональной деятельности [3].

В.А. Гавриленко отмечает, что первоначальная структура ценностно-мотивационного комплекса студентов-психологов претерпевает изменения, характерные для самоактуализирующейся личности. Эти изменения находятся в наиболее позитивном восприятии природы человека, ориентации на ценности развития, помощи окружающим, формировании интернальности [3, с. 32].

Значимость профессии психолога отражается её содержанием – служение человеку, опираясь на этические мотивы и способы, а также такие качества, как аутентичность, самопознание, безоценочность, эмпатия, толерантность. На данном уровне профессионально важные качества будут выступать как ценности.

Смысл профессии отражается сформированностью профессионального мышления. Ценности будут выступать как знания и как показатель качества профессиональной деятельности.

Переживание профессии отражается эмоциональным отношением к профессии. Ценности будут выступать как восприятие своей профессии.

Таким образом, мы считаем, что «профессиональные ценности студента-психолога» – это система личностно-ценностных ориентаций, сочетающаяся с уровнями ценностей профессии: значимостью, осмысленностью и эмоциональным отношением к профессии, отражающиеся в профессионально важных качествах: аутентичности, самопознании, безоценочности, эмпатии, толерантности, а также сформированности профессионального мышления и позитивного восприятия своей профессии.

В Профессиональном инкубаторе проводятся не только узкопрофессиональные мероприятия, но и встречи с выпускниками, открытые дискуссионные площадки, деловые игры и др. Это создает эффект фасцинации для первокурсников. Студенты ощущают себя причастными к традициям. У них возникает желание принимать участие в мероприятиях, а в дальнейшем становиться участниками Профессионального инкубатора.

Таким образом, для повышения качества профессиональной подготовки студентов направления 37.03.01 «Психология» одним из важнейших педагогических условий формирования профессиональных ценностей является Профессиональный инкубатор. Именно он даёт возможность непрерывной синкретичности теории и практики, что позволяет студентам ощутить значимость, смысл и переживание своей будущей профессии.

Библиографический список

1. Жданко Т.А. Образовательно-профессиональное пространство вуза как педагогическое условие формирования конкурентоспособности личности студента: дис… канд. пед. наук. Иркутск, 2012. 210 с.
2. Зеер Э.Ф. Павлова А.М. Психология профессионального образования:
практикум : учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 144 с.
3. Гавриленко В.А. Динамика мотивационных черт личности и профессиональной мировоззренческой позиции студентов-психологов: дис... канд. психол. наук. Краснодар, 2005. 168 с.
4. Бондаренко А.Ф. Личностное и профессиональное самоопределение отечественного психолога-практика // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 1.С. 63–77.
5. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования / пер. с лит. М.: Академический проект, 1999. 240 с.
6. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: Класс, 1999. 144 с.

Ларионова Лариса Александровна, старший преподаватель кафедры психологии, e-mail: lal44@mail.ru

Larionova Larisa A., Senior Lecturer of Psychology Department in INRTU, e-mail: lal44@mail.ru

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

© **О.В. Пуляевская***
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье представлено обобщение подходов к определению экстремизма как социально-психологического феномена, систематизированы психологические и психолого-социальные причины развития экстремизма в молодежной среде, дана характеристика психологического портрета личности, склонного к проявлению экстремистского поведения, раскрыта технология формирования экстремистского склада личности.
Ключевые слова: *экстремистское поведение личности, экстремистский психологический склад личности, скрытый экстремизм.*

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MANIFESTATION AND PREVENTION OF EXTREMISM AMONG YOUTH

O.V. Pulyaevskaya*
*Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074

The article introduces a generalization of approaches to the definition of extremism as a social psychological phenomenon. It provides the systematized psychological and psycho-social reasons for development of extremism among youth; represents the psychological profile of an extremism-prone personality, and reveals the technology of an extremist mindset formation.
Keywords: extremist behavior, an extremism-prone personality, latent extremism

С позиции психологической интерпретации экстремизм представляет собой определенный вид агрессивного поведения личности и/или социальной группы, направленного на разрушение социального порядка. Экстремизм может проявляться в форме борьбы посредством применения чрезвычайных экстремальных средств за утверждение собственных позиций путем разрушения существующих социальных порядков.

На сегодняшней день нет единой классификации форм экстремизма. В литературе упоминаются следующие основные его виды: религиозный, политический, этно-религиозный, национальный, экологический, государственный, экономический, потребительский, молодежный, эзотерический, правый, левый, книжный, экстремизм в Интернете. Все эти разновидности отличаются по различным признакам, но чаще всего по сфере деятельности, в которой он проявляется, или по характеру содержания экстремистской идеологии, по его целям. По субъекту деятельности выделяют следующие виды экстремизма: индивидуальный, социально-групповой, этнический, государственный, цивилизационный. В качестве структурного ядра выступает экстремистская идеология, которая определяется как сознательная мотивация экстремистского действия, направленного на противостояние политическим, религиозным, этническим, эстетическим и иным традициям.

По данным исследований С. Р. Соколовского, принципиальным является дифференциация экстремизма и внутренней человеческой агрессии. Это, в свою очередь, послужило основой для разработки им четырехмодульной теории экстремизма, которая включает биологический, социальный, психологический и экологический (оперантно и средово-обусловленный) компоненты экстремизма. В контексте данной модели раскрывается возможность для обеспечения превентивных действий в молодежной среде. Суть превентивных действий может состоять в следующем [1]:

- на уровне биологического модуля

обследовать и сканировать различные контингенты и социальные группы населения, выявляя исходный и потенциальный уровень нетолерантности и агрессии, разрабатывая предупредительные и реабилитационные программы;

- на уровне социального модуля выявлять триггерные факторы социальной агрессии, служащие основанием для вмешательств политических организаций, социальных служб и общественных организаций;

- на уровне психологического модуля необходимо выявлять психологическую предрасположенность к экстремизму в рамках патопсихологии, акцентуаций личности, когнитивных деформаций, дисфункциональных интеракций и интеркоммуникаций, а также трактовать эти факты в рамках личностных, антисоциальных и оппозиционных расстройств, для которых разработаны методы психосоциотерапии и профилактики;

- в экологическом модуле – рассматривать всю совокупность окружающих условий, понятий, представлений и обстоятельств, как подлежащую модифицированию среду, для устранения скрытого экстремисткого поведения и развития терроризма.

Экстремизм, как социально-психологический феномен, проявляется в особой форме поведения. Экстремистское поведение представляет собой форму девиантного поведения, характеризующееся как поведение, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся норм в определённых сообществах в определённый период их развития. Отклонение от социально-психологических и нравственных норм, представленное либо как ошибочный антиобщественный образец решения конфликта, проявляющегося в нарушении общественно принятых норм, либо в ущербе, нанесённом общественному благополучию, окружающим и себе.

Экстремистское поведение может выступать в качестве частного случая террористического поведения. Вместе с тем экстремизм более масштабен, жесток и деструктивен, чем террор. Для экстремиста террористические действия выступают как один из способов реализации своих убеждений, способов борьбы с «неправильным» миром. В экстремизме акцент смещается с цели на сами разрушительные действия, на насилие ради насилия, прикрываемого абстрактно-утопическими идеалами экстремиста. Экстремисты могут избирать и другие способы действия, кроме прямых деструктивных действий, пересекающихся с террором. Следует отметить, что деструктивные действия экстремистов не исчерпываются лишь террором и даже не акцентируются на целях устрашения и запугивания своих противников, а совершаются ради самого разрушения.

Экстремизм порождают различные факторы: слом сложившихся социальных структур, обнищание массовых групп населения, экономический и социальный кризис, ухудшающий условия жизни большинства населения, ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов, падение исполнительной дисциплины, рост антисоциальных проявлений, распад прежней системы ценностей, нарастание чувства ущемления национального достоинства и т. д.

При этом можно выделить четыре основные группы факторов, которые только вместе создают экстремальную социальную ситуацию, обеспечивающую готовность и способность определенных социальных групп к экстремистской деятельности или комплекс мотивации экстремизма: социально-экономические, политические, идеологические и психологические (сюда входят и социально-психологические индивидуально-психологические факторы, которые взаимосвязаны друг с другом). Кроме того, для непосредственного начала экстремистской деятельности необходим толчок или повод, который, конечно же, не следует отождествлять с причинами экстремизма [2].

Огромную роль в формировании экстремизма играют психологические причины. К ним относятся чувства и настроения, поведенческие установки, непосредственно мотивирующие экстремистские действия. Ситуация системного социального кризиса, конечно же, порождает соответствующие эмоционально-психологические переживания у всех социальных групп. Те социальные группы, которые в результате этого кризиса оказываются перед угрозой

социального исчезновения, испытывают постоянное и все усиливающееся состояние психологической фрустрации, вызванное ущемлением их жизненных потребностей. Этот эмоциональный котел способствует формированию экстремистских, радикалистских поведенческих установок, выражающихся в направленности на насильственные, жестокие действия по отношению к «врагам», которые рассматриваются как главная причина всех бедствий. Экстремистские установки поведения характеризуются убеждением, что только насильственными жестокими мерами и действиями возможно радикальное исправление нестерпимой ситуации, критического положения, в котором оказалась данная социальная группа. Экстремистские поведенческие установки характеризуются также ослаблением или вообще отключением всяких нормативных запретов, начиная от юридических и заканчивая нравственными.

Для вспышки экстремизма, кроме указанного комплекса причин, необходим еще определенный внешний толчок или повод, исполняющий роль спускового механизма или детонатора, обеспечивающего взрыв критической массы необходимых предпосылок экстремизма. Таким поводом в конкретных исторических ситуациях может быть что угодно: неудачное политическое действие или решение властей, техногенная или природная катастрофа, определенный индивидуальный экстремальный инцидент, даже специальный провокационный террористический акт. В критической ситуации системного социального кризиса, детонирующего взрыв экстремизма, повод или толчок в той или иной форме происходит независимо от воли и желания участников социального кризиса с такой же вероятностью, с какой происходит взрыв в наполненном взрывчатой смесью помещении, нагретом до критической температуры.

Определенная направленность поведения личности определяется внешними и внутренними процессами. С целью предупреждения развития экстремистского поведения в молодежной среде необходимо вести превентивную работу по выявлению субъектов деятельности, склонных к проявлению экстремистского поведения. Определенные характеристики личности, особенности их ценностных ориентаций, мотивационных позывов, эмоционально-волевых проявлений являются внутренними факторами, определяющими зарождение, развитие и проявление экстремистских тенденций в социальной действительности.

Психологический портрет личности, склонной к проявлению экстремистского поведения, можно представить в следующем формате:

на уровне эмоционально-волевой сферы личность испытывает переживание фрустарации, что характеризуется как негативное психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, или, проще говоря, в ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям. Такая ситуация может рассматриваться как до некоторой степени травмирующая. На почве экстремистской идеологии в результате воспитания или самовоспитания в экстремистском сообществе или благоприятной социальной среде экстремистской направленности личность начинает переживать особые экстремистские эмоциональные переживания;

в процессе социального взаимодействия для данной личности характерно проявление различных форм агрессии, конфликтности, нетерпимость к мнению других (низкий уровень проявления толерантности), данные поведенческие тенденции сопровождаются девиантными формами выражения своего отношения к окружающим, противодействием нормативным формам поведения, разрушением традиций;

в структуре характерологических проявлений наблюдается тенденция развития психической неустойчивости, наличие акцентуаций, патохарактерологические проявления;

ярко выраженные застревания проявляются в ценностно-мотивационной сфере – личность характеризуется устойчивыми идеологическими представлениями в отношении социального и иного обустройства мира.

Экстремистский психический склад личности возникает на основе экстремистской идеологии, предлагающей иллюзорную и деструктивную программу измене-

ния социальной среды или ситуации, когда эта идеология становится ядром направленности личности и определяет ее эмоциональную жизнь и практическое поведение.

Первой важнейшей характеристикой экстремизма, как психического склада личности, является специфическая направленность личности. В психологии направленность личности определяется как «совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности и относительно независимых от наличных ситуаций». В структуре направленности выделяют три элемента: убеждения, интересы и установки. Центральным элементом направленности являются убеждения – «система мотивов личности, побуждающих ее поступать в соответствии со своими взглядами, принципами, мировоззрением».

Экстремистский склад личности формируется в определенной социально-культурной среде, которая предполагает как минимум три условия:

– наличие экстремистской идеологии, содержащей в себе возможности преобразования ее над принятыми нормами и традициями;

– экстремальная ситуация (такая историческая ситуация, когда в силу определенных обстоятельств серьезно ухудшаются и без того тяжелые условия жизни народа или возникает серьезная угроза такого ухудшения). К появлению экстремизма приводит не сама по себе такая ситуация, а порождаемая ею толпа, т. е. собравшаяся (стихийно или организованно) в определенном месте группа людей, чрезвычайно удрученных и озабоченных своим «невыносимым» жизненным положением и крайне возбужденных от этого;

– возбудитель-индуктор экстремизма, т. е. человек, который преобразует экстремистскую идеологию в форму, доступную для восприятия толпы, и будучи одержим ею сам, способен «заразить» этой идеологией «толпу».

Экстремистское сообщество – это группа приверженцев определенной идеологии, вступающих в определенные отношения по поводу этой идеологии.

Рассмотрим основные специфические социальные роли членов такого сообщества. В структуре экстремистского сообщества можно выделить три основных социальных типа:

1) теоретик – создатель экстремистской идеологии;

2) пропагандист-организатор, который занимается распространением экстремистской идеологии и объединением вокруг нее единомышленников (в терминологии Г. Лебона это «вожак толпы», в терминологии М. Вебера – «харизматический лидер»);

3) рядовой экстремист (подпавший под влияние экстремистской идеологии и экстремистского лидера), потребитель экстремистской идеологии и исполнитель руководящих и направляющих указаний (часто носящих форму провокационного подстрекательства) экстремистского вождя.

У каждого из этих трех основных типов членов экстремистского сообщества не только свои особенные функции внутри этого сообщества, но и свой экстремистский склад личности.

Диагностика и профилактика экстремизма в молодежной среде включает в себя целый ряд этапов, и, прежде всего, исследование сущности конкретной формы экстремизма. Далее определяются основные направления и задачи борьбы с определенным видом экстремизма. Поиск позитивных социальных альтернатив экстремистской идеологии и экстремистскому психическому складу личности, выбор средств и способов внедрения в сознание людей идеологии, альтернативной экстремистской [3].

Психологические технологии диагностики развития экстремизма в социальной действительности можно сгруппировать по следующим основаниям: диагностика личности как средство выявление риска проявления экстремистского поведения и диагностика социальных группы как устойчивых образований.

В первую группу диагностических методик могут быть включены низко формализованные методы, структурированные на основе наблюдения за поведением человека с целью выявления признаков девиантного поведения, а также высоко формализованные методы (тесты, опросники) с целью выявления базовых психологических детерминант экстремистского поведения. Высоко формализованные методы могут

быть ориентированы на выявление специфических проявлений личности в эмоционально-волевой, ценностно-мотивационной сфере, в определении тенденций развития патохарактерологических свойств личности, особенностей социального взаимодействия.

Во вторую группу диагностических методик могут быть включены методы оценки уровня развития групп, оправления групповой структуры, сплоченности, выявления ведущих социальных ролей и функций.

Проблема профилактики экстремизма – это, прежде всего, проблема формирования толерантного общества, которое способно эффективно противодействовать любым формам вражды и создать условия для гармоничного сосуществования культур, религий, идеологий. Пока же ни одному государству, ни одной из мировых религий не удавалось осуществить на практике свои концепции построения терпимого, диалогично развивающегося общества. В качестве позитивной альтернативы экстремизму в литературе обычно обозначается терпимость.

В понятии толерантность люди выражают свое отношение к действиям, благоприятствующим социальным контактам и помогающим достигать разнообразных значимых для них целей. Толерантность выражается в человеческом стремлении достичь взаимного понимания и согласования мотивов, установок, ориентаций, не прибегая к насилию, подавлению человеческого достоинства, а напротив, используя гуманитарные возможности: диалог, разъяснение, сотрудничество.

Влиять на некоторые факторы экстремизма, как поведения личности и группы, можно только в рамках гибких психологической теорий, определяющих возникновение иных эмоций и поведения, как частотное изменение единой экзистенциальной «струны эмоций и поведения», как результирующего вектора множества сознательных, подсознательных и бессознательных констеллят, каждую из которых специалист оценивает по силе, частоте и взаимному влиянию. Когнитивные вмешательства в социальных программах предотвращения экстремизма включают:

- просвещение и образование, включающие формирование новых адаптивных представлений;
- инициацию новых намерений в дифференциальных группах населения;
- лингвистическую переинтерпретацию всех, отражаемых и обсуждаемых событий в обществе;
- образовательные циклы по конформному и толерантному поведению, развитию ассертивности;
- развитие позитивных элементов стиля жизни;
- обеспечение постоянства усилий общественных и профессиональных организации в данном направлении;
- сохранение концентрации и сосредоточенности всех программ на «я-концепции» личности как ядерном звене всех последующих девиаций.

Библиографический список

1. Соколовский С.Р. Четырехмодульная теория экстремизма и восемь векторов эффективных редукционных психосоциальных интервенций // Психиатрия и психология [Электронный ресурс]. URL: http://www.medlinks.ru/article.php?sid=40485 (5. 12. 2016).
2. Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. 2011. № 1. С. 74–87.
3. Магомедова Р.И. Противодействие религиозно-политическому экстремизму: учеб. пособие для студентов вузов неисторических направлений. Махачкала: ДГИНХ, 2011. 128 с.

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, зав.кафедры психологии, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

Pulyaevskaya Olga V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Psychology Department, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

УДК 316

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© Н.М. Струк*, О.О. Давыдова*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье представлены результаты социологического исследования проблем малого бизнеса Иркутской области. Исследование направлено на изучение особенностей становления и развития малых предприятий в области обслуживания населения. Результаты проведенного исследования позволили сделать выводы о том, что каждый регион может иметь не схожие с другими виды, динамику организационных конфликтов, могут отличаться и способы их разрешения.
Ключевые слова: регион, малый бизнес, конфликт, организационный конфликт, малое предприятие.

FEATURES OF ORGANIZATIONAL CONFLICTS IN A SMALL BUSINESS IN MODERN RUSSIA: REGIONAL ASPECT

O.O. Davydova*, N.M. Struk*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia

The article presents the results of a sociological study of the challenges facing small businesses in Irkutsk region. The research is aimed at the analysis of the formation and development features of small enterprises in the service sector. The results of the study have led to the conclusion that each region may have different types and dynamics of organizational conflicts; their solutions may also differ.
Keywords: region, small business, conflict, organizational conflict, a small enterprise

Конфликты существуют столько времени, сколько существует человек. Однако общепринятой теории конфликтов, объясняющей их природу, влияние на развитие коллективов, общества нет, хотя имеются многочисленные исследования по вопросам возникновения, функционирования конфликтов и управления ими [1; 2; 3].

Организационный конфликт – одно из типичных проявлений конфликта вообще, т.е. конфликта как социологического феномена, существующего на разных уровнях общественной жизни: в отношениях между отдельными людьми как в первичных группах, так и внутри больших и малых организаций, между организациями, в том числе государствами, между межгосударственными объединениями и т.п. Вот почему к пониманию организационного конфликта применима общая теория конфликта и прежде всего теория социальных конфликтов.

Публикация в последние годы значительного количества работ, посвященных общим проблемам теории конфликтов, говорит о наличии устойчивой потребности в систематизированных знаниях о конфликтных ситуациях [4;5;6].

Это особенно важно для развития и стабильности на предприятиях малого бизнеса, который по определению должен стать основой развития общества.

В Иркутской области находится множество поселков, малый бизнес в которых представлен в небольшом количестве, что может порождать как негативные последствия для конкретной организации, так и привести к положительным эффектам. К последнему можно отнести не высокую степень конкуренции, велика вероятность привлечь внимание к своей продукции практически всех жителей населенного пункта.

Вместе с тем общее количество клиентов все равно может быть невелико; из-за «близких» отношений всех сотрудников и клиентов может страдать дисциплина и качество работы с клиентами, что в свою очередь порождает как деловые, так и личностные конфликты внутри организации.

Каждый регион может иметь не схожие с другими регионами виды, динамику организационных конфликтов, могут отличаться и способы их разрешения. Каж-

дое предприятие в отдельности, опираясь на опыт других организаций, должно вырабатывать свою собственную стратегию управления конфликтами в организации, учитывая все особенности: регион, вид предприятия, сферу деятельности и т. д.

На сегодняшний день теория конфликта обладает существенным теоретическим и эмпирическим обоснованием. Родоначальником данной теории считают К. Маркса, последователи Г. Блумер, Р. Дарендорф, Л. Козер, Т. Парсонс, К. Лоренц и др. В России в рамках теории конфликта были изданы работы А.В. Дмитриева, А.К. Зайцева, А.Г. Здравомыслова, которые рассматривали причины, виды и функции социальных конфликтов. Анализ организационных конфликтов был представлен в работах: А.Г. Большакова, З.Н. Хисматуллиной, Н.А. Лобана, Г.М. Магомедова, а также А.И. Пригожина.

По определению социологов, организационный конфликт – это система и процесс взаимодействия структурных элементов организации (индивидов и групп), направленных на решение существующих разногласий, в результате столкновения противоположных позиций, целей, интересов, мнений, взглядов, идеалов [7;8;9]. Организационный конфликт представляет собой состояние отсутствия согласия между несколькими враждебно настроенными по отношению друг к другу лицами или группами. Каждая сторона предпринимает все возможные действия, чтобы отстоять свою точку зрения или достичь цели, и предотвратить достижение определенных благ соперниками.

Социологическое исследование на тему «Особенности организационных конфликтов в малом бизнесе в современной России» было проведено в обществе с ограниченной ответственностью «Альфа» в три этапа.

На первом – анкетный опрос всех 79 рядовых сотрудников организации. Большинство респондентов (35,4 %) работает в данной организации от года до 5 лет, что говорит об устоявшемся коллективе (рис.1).

По мнению большинства сотрудников предприятия (51,9 %) организационные конфликты на предприятии случались. Самым популярным среди ответов стал внутриорганизационный конфликт (52,9 % опрошенных мужчин и 43,5 % женщин). Основными его причинами сотрудники предприятия посчитали: низкую заработную плату; «задержку» выплат; неудовлетворение рабочими сменами и графиком работы; необходимость работы за другого сотрудника (в случае невыхода последнего на работу) (рис. 2).

Основным методом регулирования конфликтов на предприятии, по мнению 56% от всех опрошенных сотрудников, выступает саморегулирование (рис. 3).

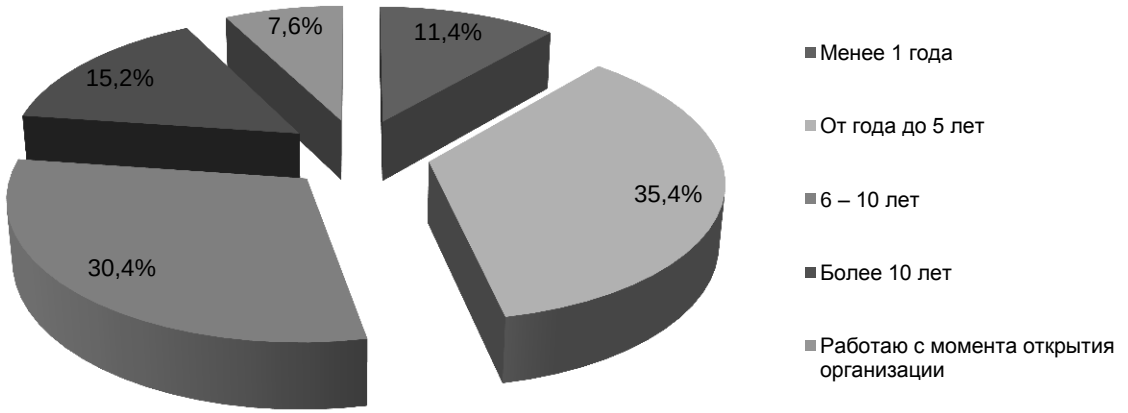
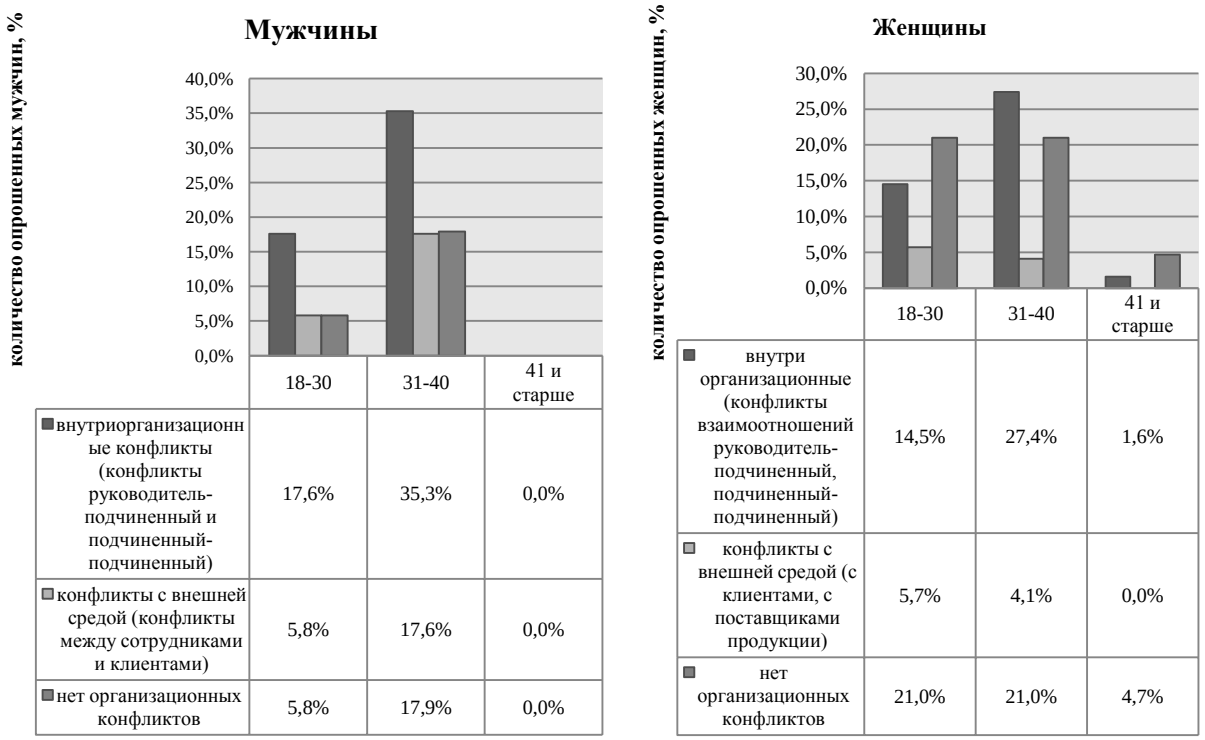


Рис. 1. Как давно Вы работаете в данной организации



	18-30	31-40	41 и старше
внутриорганизационные конфликты (конфликты руководитель-подчиненный и подчиненный-подчиненный)	17,6%	35,3%	0,0%
конфликты с внешней средой (конфликты между сотрудниками и клиентами)	5,8%	17,6%	0,0%
нет организационных конфликтов	5,8%	17,9%	0,0%

	18-30	31-40	41 и старше
внутри организационные (конфликты взаимоотношений руководитель-подчиненный, подчиненный-подчиненный)	14,5%	27,4%	1,6%
конфликты с внешней средой (с клиентами, с поставщиками продукции)	5,7%	4,1%	0,0%
нет организационных конфликтов	21,0%	21,0%	4,7%

Рис. 2. Внутриорганизационные конфликты

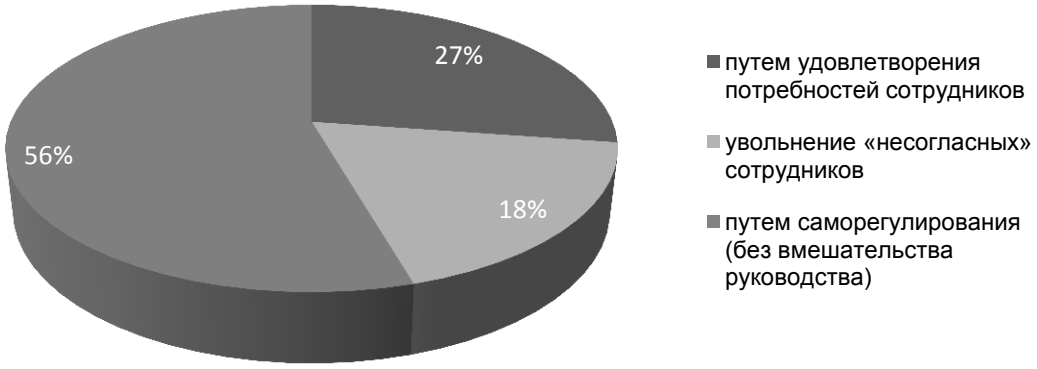


Рис. 3. Основные методы разрешения внутриорганизационных конфликтов

По мнению большинства сотрудников (53 % мужчин и 64,6 % женщин), последствия организационных конфликтов всегда негативны для предприятия. Респонденты указали следующие возможные последствия: разорение фирмы; снижение количества клиентов; падение спроса; повышение конфликтности между сотрудниками; снижение качества работы; падение заработной платы и имиджа организации; увольнение сотрудников; ухудшение социально-психологического климата (рис. 4).

На втором этапе исследования было проведено интервью с руководителями организации. Основными видами конфликтов респонденты выделили: внутри организационный конфликт (4 из 4 респондентов): из-за снижения заработной платы (конфликты отношений руководитель-подчиненный); по причине уменьшения количества клиентов; конфликты между официантами (конфликты отношений подчиненный-подчиненный). В подтверждение приведем цитату из интервью *финансового директора: «Чаще всего мы сталкиваемся с конфликтами внутри самой нашей организации, к примеру, между сотрудниками по каким-либо причинам. Конфликтов с конкурентами у нас не встречается, так как практически и конкурентов-то нет».* Вторым

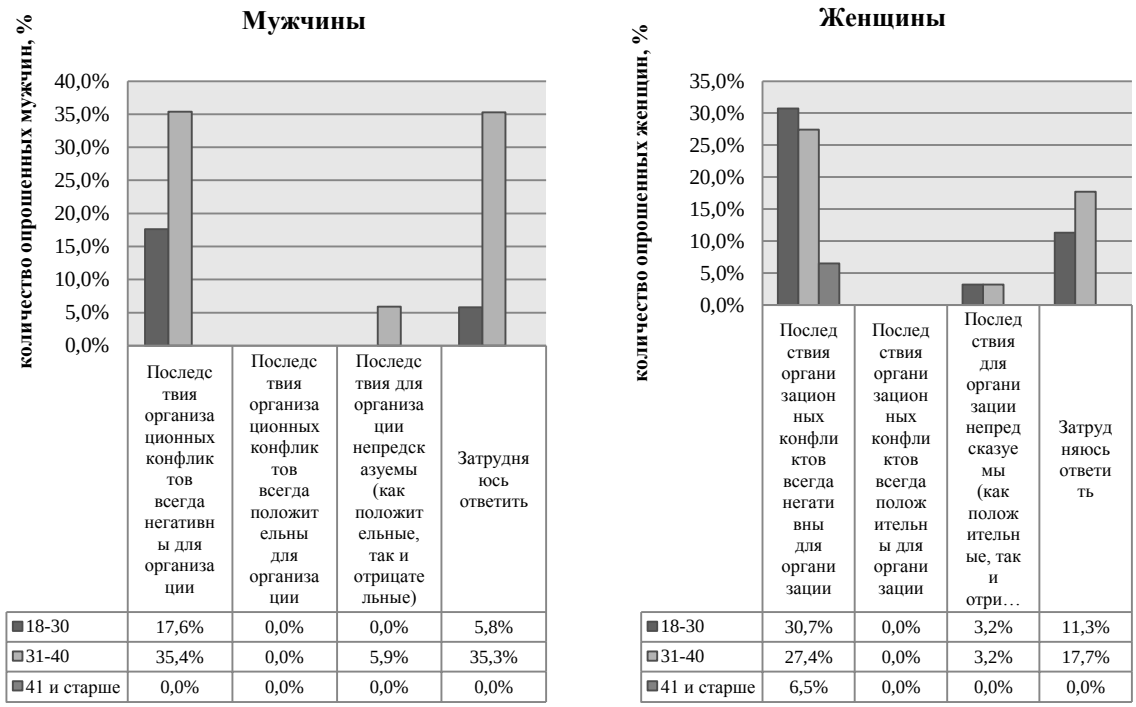


Рис. 4. Последствия организационных конфликтов

по распространенности стал конфликт с внешней средой (2 из 4 руководителей): конфликты между рядовым персоналом и клиентами; конфликты с поставщиками продукции. *Продовольственный директор: «При мне были конфликты между официантами, а точнее официантками. Бывают и с клиентами конфликты, не часто, но бывают. Принятия обязательных мер это не требует. Но это все не по моей части. Вот в моей работе были случаи расхождения мнений с поставщиками. Бывало, сроки спутают, опять-таки это не часто. Сейчас у нас все отлажено, работаем хорошо».*

Все руководители посчитали, что конфликты, происходящие в их организации, не требуют вмешательства с их стороны.

Трое из четырех респондентов-руководителей утверждают, что организационный конфликт является отрицательным явлением для фирмы. *Зам. ген. директор: «Я считаю, что конфликт – само по себе уже отрицательное явление. Значит, оно и не может привести ни к чему хорошему».* И лишь один респондент предположил, что конфликты не всегда сугубо негативны для организаций. *Финансовый директор: «Я считают его отрицательным явлением, но не отрицаю возможность такого исхода событий, что конфликт поможет организации стать лучше, исправить какие-то недочеты».*

Все респонденты считают, что организация эффективно справляется с возникающими организационными конфликтами. *Зам. ген. директор: «Конечно, эффективно. Если бы не эффективно, то нас давно бы уже и не было».* Здесь мы уже видим противоречие: все руководители уверены в эффективности их методов управления конфликтами в организации, однако отвечая на предыдущий вопрос, респонденты указали, что они зачастую не вмешиваются в ход конфликтов, так как они не требуют каких-либо мер для регулирования.

Все респонденты посчитали кризисные ситуации в данной организации возможными. *Ген.директор: «Я считаю, возможны (кризисные ситуации). Они и бывали у нас, но не часто, правда».* И вновь некоторое противоречие: руководители считают, что эффективно справляются с возникающими конфликтами, но считают возможным перерастание конфликтных ситуаций в кризисные (что зачастую говорит как раз об обратном – руководство реагирует на возникший конфликт не своевременно, до стадии кульминации, и он перерастает в кризис).

И вновь, по мнению всех 4 респондентов, в данной организации были кризис-

ные ситуации. *Продовольственный директор: «Бывали, много чего было, не это главное. А главное – мы работаем, развиваемся».*

Все респонденты-руководители считают, что организационные конфликты предотвращаются до того, как они достигли стадии кульминации. Так, типичным ответом на вопрос: *«Бывали ли случаи в данной организации, что конфликты были предотвращены до того, как они достигали стадии кульминации?»* можно считать ответ *продовольственного директора: «Да, у нас не было жестких сбоев. Мы работаем слаженно, поставки продукции регулярны, перебоев нет. Нет перебоев – нет проблем».* В данном вопросе также прослеживается противоречие: конфликты предотвращаются до стадии кульминации, но кризисные ситуации не только возможны, но и случались в данной организации.

Большинство респондентов (3 из 4) считают, что конфликты в организации приводят к негативным для нее последствиям. *Продовольственный директор: «К отрицательным (последствиям). Клиенты, мне кажется, сразу чувствуют, что что-то не так в работе персонала, к примеру. А в нашем деле клиент – это главный человек».* И лишь один респондент посчитал, что организационный конфликт может привести не только к отрицательным последствиям, они непредсказуемы.

На третьем этапе социологического исследования было проведено скрытое наблюдение за сотрудниками финансового отдела, в результате которого был обнаружен внутриорганизационный конфликт, а именно конфликт отношений руководитель-подчиненный.

Исходя из результатов всех этапов исследования отметим, что, по мнению большинства рядовых сотрудников и руководителей предприятия, организационные конфликты ведут к негативным последствиям. Различий во мнениях респондентов по полу и возрасту выявлено не было. Прослеживаются различия во мнениях респондентов по доходу: с более высоким – оценивают организацию как менее конфликтную, по их мнению, руководство устраняет конфликты до того, как они вошли в стадию кульминации. Также можно проследить отличия в ответах респондентов с различным стажем работы: чем выше стаж работы, тем больше отмечается видов конфликтов и их причин.

Таким образом, основная особенность организационных конфликтов на предприятиях малого бизнеса заключается в различии видов конфликтных ситуаций, протекающих в крупных и малых городах, поселках. В последних конфликты с внешней средой встречаются реже, чем внутриорганизационные. Источник подобных различий лежит в неравнозначном числе конкурентов.

Причины внутриорганизационных конфликтов на таких предприятиях могут быть следующие: финансовая неудовлетворенность (респонденты оценивают свой доход как средний, но при этом считают, что заработная плата на предприятии должна быть выше; также задержка выплат заработной платы негативно сказывается на отношениях между подчиненными и руководителями), недовольство рабочим графиком.

Особенностью региональных организационных конфликтов в малых городах и поселках является динамика развития инцидента. Для них характерна слабая динамичность организационных конфликтов, так как руководство на таких предприятиях старается не вмешиваться в ход протекания конфликта. Управляющие принимают участие в урегулировании инцидента только в том случае, если он излишне затяжной и может создать кризисную ситуацию для организации. В некоторых случаях её владельцы вступают в процесс разрешения конфликтов путем частичного удовлетворения потребностей служащих. В крайних случаях руководству приходится увольнять особо активных инициаторов для сохранения стабильной работы предприятия. Возможной причиной несвоевременной реакции руководителей организации по решению какой-либо проблемы на предприятии является их уклонение на ранней стадии, что может быть связано с нежеланием выявлять источники появления разногласий. В результате управляющие не всегда верно оценивают последствия возникающих конфликтов.

Следующая особенность связана с недостаточным уровнем предпринимательской культуры из-за низкой компетентности навыков ведения бизнеса (нехватка

квалифицированных управленческих кадров, отсутствие специализированного образования в управлении бизнесом).

Таким образом, руководители предприятия не всегда реагируют на возникающие организационные противоречия, тем самым повышают вероятность наступления кризисных ситуаций. Отказ управляющих от выяснения мотивов возникновения конфликтных ситуаций ведет к снижению качества рабочего процесса, что, в свою очередь, негативно сказывается на производительности предприятия в целом.

Библиографический список

1. Большаков А.Г. Конфликтология организаций: учеб. пособие. М.: Изд-во МЗ-пресс, 2001. 182 с.
2. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта : (пер. с нем. В.М. Степанкова). М.: Изд-во Росспэн, 2002. 289 с.
3. Дмитриев А. В. Введение в общую теорию конфликтов / под ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1993. 212 с.
4. Зайцев А.К. Социальный конфликт. М.: Изд-во Academia, 2001. 461 с.
5. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Изд-во Аспект Пресс, 1994. С. 21–30.
6. Лобан Н.А. Сущность организационного конфликта: понятие и типология. Минск: Изд-во МИУ, 2008. С. 505.
7. Магомедов Г.М. Конфликты в организации: сущность и особенности // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. С. 233 –238.
8. Пригожин А. И. Современная социология организаций. М.: Изд-во Интерпракс, 1996. 296 с.
9. Хисматуллина З.Н. Организационный конфликт: понятие и типология // Фундаментальные исследования. 2006. № 3. С. 108 –110.

Струк Наталья Максимовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, e-mail:struknm@rambler.ru
Давыдова Оксана Олеговна, бакалавр, сотрудник Центра комплексных социологических исследований, e-mail: Oksana-davydova@mail.ru

Struk Natalia M., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department, e-mail: struknm@rambler.ru
Davydova Oksana O., a bachelor, a staff member of Center for Complex Social Research in IRNITU, e-mail: Oksana-davydova@mail.ru

УДК 316.3

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

© Динь Ха Ми*, Е.Н. Струк*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье раскрывается сущность понятий «социальная компетентность», «социальная компетенция», «толерантность». Обосновывается необходимость преодоления терминологической путаницы понятий: «социальная компетенция», «социальная компетентность». Определяется их предметная сущность, отражающая специфику данных терминов в современной социологии. Авторы анализируют историю изменения содержания толерантности как научного термина и социальной компетенции личности.
Ключевые слова: социальная компетенция, социальная компетентность, толерантность, терпимость, нетолерантность.

TOLERANCE AS AN ESSENTIAL SOCIAL COMPETENCE OF MODERN SOCIETY

Dinh Kha Mi*, E.N. Struk*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia

The article reveals the essence of the concepts «social competence», «social competency», «tolerance». It proves the necessity of overcoming terminological confusion of the concepts «social competence», «social competency» and determines their substantive nature reflecting the specificity of these terms in modern sociology. The authors analyze the history of changes in the content of tolerance as a scientific term and social competence of a personality.
Keywords: social competence, social competency, tolerance, intolerance.

В науке давно неоспоримым является факт усложнения социальной реальности. Переход к сетевой форме социального устройства общества требует значительной гибкости в поведении как отдельного человека, так и целых социальных групп. При этом важнейшим элементом эффективного социального взаимодействия является способность человека к уважению других людей. Поэтому в современном обществе формирование социальной компетентности становится востребованным и актуальным процессом. Это вызвано, с одной стороны, новыми требованиями к личности со стороны общества, с другой стороны, вытеснением национальных традиций, которые отвечают за социокультурный иммунитет общества, глобальными универсалиями. Социальная компетентность выступает, по мнению М.А. Чошанова, не только как феномен, главным признаком которого является конкретное знание о какой-либо проблеме или даже понимание проблемы, но и практическое ее разрешение благодаря критичности мышления, а также применение наиболее подходящего к конкретным условиям метода [1, с. 21].

В связи с этим можно выделить следующие признаки социальной компетентности:

- имеет деятельностный характер;
- постоянно изменяется (с изменением мира, с изменением требований к «успешному взрослому»);
- проявляется в умении осуществить выбор, исходя из знаний необходимых в конкретной ситуации;
- проявляется в способности решать проблемы и типичные задачи, возникающие в реальных жизненных ситуациях, с использованием знаний, учебного и жизненного опыта, ценностей и наклонностей [2, с. 25–26]. Таким образом, социальная компетентность проявляется не только в пассивном усвоении социальных образцов и норм, предложенных обществом, но и гибком применении этих образцов, норм при выстраивании и регулировании межгрупповых, межличностных социальных взаимодействий. Данный вид компетентности «признается интегративной характеристикой

современного человека и становится значимой не только в его профессиональной деятельности, но и во всех сферах социальной жизни. Высокий уровень социальной компетентности характеризует социально зрелую личность, обладающую адекватной самооценкой, самодостаточную, хорошо адаптированную, с развитым чувством собственного достоинства» [2, с. 17–18].

Довольно легко заметить, что говоря о социальной компетентности большинство исследователей в той или иной степени вкладывают в это понятие социальную эффективность личности, понимаемую как способность человека организовать и осуществить действия по решению различных жизненных проблем. Эффективность в данном случае – получение нужного человеку, группе, обществу результата. При этом человек должен обладать различными и необходимыми социальными компетенциями.

Компетенция является системным проявлением знаний, умений, способностей и личностных качеств; означает круг прав и полномочий, в рамках которых человек должен уметь и знать то, что требуется. По мнению А.В. Хуторского: «Компетенция означает круг вопросов, где человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом. Компетентный в определенной области человек обладает соответствующими знаниями и способностями, позволяющими ему обоснованно судить об этой области и эффективно действовать в ней. Компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним» [3]. В тоже время обладание социальными компетенциями невозможно без такого свойства личности как социальная компетентность, под которой понимается владение определенной компетенцией, которая отражает его личное отношение к ней и к самой деятельности [4, с. 325]. Таким образом, компетенции являются одновременно условием и средством становления и развития компетентностей. Компетенция характеризует внутренний потенциал личности, компетентность – реализацию этого потенциала [2, с. 26].

На наш взгляд, наиболее ценными для жизни в обществе становятся социальные компетенции. Они представляют собой соответствие человека условиям и возможностям, предоставляемым обществом, к которому он принадлежит. В различные социальные эпохи и в различных обществах, наряду с универсальными социальными компетенциями, существовали компетенции, свойственные только данному времени и конкретному обществу. При этом любая социальная компетентность всегда максимально «укоренена» в общественную жизнь, она вырастает из практической пользы тех или иных навыков для жизни человека в конкретном обществе.

Одной из важнейших социальных компетенций современной личности, на наш взгляд, является «толерантность», которая объявлена ЮНЕСКО обязательным условием для установления социального благополучия и мира между людьми. Генеральной Ассамблеей ООН в 1995 г. был установлен Международный день, посвящённый толерантности, который отмечается 16 ноября. Таким образом, мировым сообществом признана важность обладания такой социальной компетенцией как толерантность. Однако, термин «толерантность» вызывает неоднозначное восприятие как в научных кругах, так и в повседневной жизни людей. Связано это с тем, что «понимания данного феномена исходит из того, что, являясь общечеловеческой, общезначимой ценностью, толерантность одновременно является и относительной ценностью, значение которой зависит от конкретных условий ее применения. Политический, религиозный, педагогический, этнический, психологический и философский аспекты данной проблемы обуславливают стремительную метаморфозу понятия толерантности – от волевого нереагирования на социальный раздражитель до сознательного принятия «другого» и обогащение «своего» за счет разнообразия и мультикультурности. Проблематичность концептуализации явления толерантности связана, в основном, с двумя проблемами. Первая – это коннотация толерантности и терпения, устойчивости к раздражителям. Вторая – границы толерантности, тонкая грань между толерантностью и моральной индифферентностью, а также моральным релятивизмом» [5, с.

192–193]. Другой исследователь подчеркивает выраженный идеологический характер данного термина: «Понятие толерантности является типично постмодернистским, достаточно лукавым понятием. Будучи вездесущей толерантность, тем не менее, трудно поддается идентификации. Чтобы избежать неясности, неоднозначности, смешения, необходимо определить, где проходит грань между толерантностью и снисходительностью, между толерантностью и всеядностью, между толерантностью и безразличием, толерантностью и беспринципностью? Как ухватить саму суть этого явления?» [6, с. 171]. В связи с неоднозначностью восприятия понятия толерантность В.А. Лекторский [7] выделил четыре ее возможные модели:

- первая модель толерантности – «толерантность как безразличие». В этом случае толерантность выступает как безразличие к существованию разных взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество. В данной модели имеет место непризнание различия в форме невосприятия, нечувствительности к нему;

- вторая модель – «толерантность как невозможность взаимопонимания». Согласно данному осмыслению толерантности, религиозные, метафизические взгляды, специфические ценности той или иной культуры не являются чем-то второстепенным для деятельности человека и для развития общества. Толерантность здесь выступает как уважение к другому и как невозможность понимать его и с ним взаимодействовать;

- третья модель – «толерантность как снисхождение». В этом понимании толерантность выступает как снисхождение к слабости других, сочетающееся с некоторой долей презрения к ним. Например, я вынужден терпеть взгляды, несостоятельность которых я понимаю и могу показать, но вступать в критическую дискуссию с таким человеком не имеет смысла. Различия в данной модели допускаются, но тем самым не признаются, а лишь воспринимаются, фиксируются. Здесь «толерантность не включает в себя принятие ценностей другого; как раз напротив, это есть еще один, может быть, более утонченный и изощренный метод еще больше усилить подчинение другого»;

- четвертая модель – «толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог». Толерантность в этом случае выступает как уважение к чужой позиции, в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога.

Таким образом, мы можем констатировать, что современное рассмотрение толерантности связано с провозглашением ценности различий, единства в многообразии. Чем разнообразнее жизнь, тем больше возможностей для развития она имеет, чем больше мы знаем о других, чем больше с ними общаемся, тем богаче становимся сами. Однако такая трактовка толерантности была распространена не всегда, долго и трудно шло общество к пониманию того, что различия между людьми и целыми народами не должны вести к неприятию и агрессивному отказу от взаимодействия с теми, кто не такой как ты.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым выделить в истории понимания термина «толерантности» три этапа.

Первый этап. Религиозно-этический. Толерантность (с лат. tolerantia) здесь выражает пассивное терпение по отношению к своей боли и злости других. Древнегреческие философы часто использовали слова «phoretos» (φορητός) и anektikos (ανεκτικός) в значении «должно терпеть», «может терпеть», «снисходительность», «способность переносить боль», «выносливость». С V до XV вв. христианство было распространено и доминировало во всех аспектах общественной жизни, а толерантность объявлена одной из христианских добродетелей. Здесь она понимается как связь ценностей, таких как доброта, бескорыстная жертва: «Господь ищет сердце, исполненное любви к Богу и ближнему»; «ни вдовы ни какой, ни сироты не мучайте»; «чем духовнее человек, тем он терпимее»; чем строже к самому себе, тем меньше у него желания быть строгим к окружающим» [8] и др.

В XVI в. в понятие «толерантность» добавляются некоторые новые значения, такие как «воздержание», «сдержанность», «позволение» или «разрешение». Однако толерантность в христианстве выражается и

как прощение. Эдикт о толерантности в религиозной сфере представлял собой своеобразное сопротивление злу (отказ от насилия): следует быть снисходительным к деятельности и вещам, которые, на наш взгляд, не слишком хороши [8].

Таким образом, на ранних стадиях, толерантность понимается как терпимость, снисходительность, прощение, утешение себя и других от социальной несправедливости [8]. Однако, по мнению И.А. Чистилиной, терпимость и толерантность выполняют разные функции и обеспечиваются разными ведущими механизмами. Так ведущим механизмом «толерантности является терпение (выдержка, самообладание, самоконтроль), что дает возможность снизить порог чувствительности к неблагоприятным факторам. Принятие как другой механизм толерантности отступает на второй план и в ряде случаев может вообще не актуализироваться. Ведущим же механизмом терпимости, наоборот, становится принятие чего-либо как данности (понимание, эмпатия, ассертивность), то терпение, отступая на второй план, не утрачивает при этом своего потенциала и активно используется личностью» [5].

Второй этап – либерально-буржуазный. В XV-XIX вв. изучение создания и защиты сильного централизованного государства является общей социально философской традицией. Ученые выступают против религиозной нетерпимости, например, Вольтер в своих работах «Трактат о веротерпимости», «Философских письмах» пишет, что толерантность – это антитеза фанатизму и уважение различий между людьми. Он подчеркивал, что религии очень милосердны, но милосердие может быть разрушено предрассудками и нетерпимостью. Дж. Локк в своих трудах «Опыт о веротерпимости», «Послание о веротерпимости» наделяет абсолютным правом на толерантность только «такие мнения и поступки, которые сами по себе не касаются государства и общества; а такими являются спекулятивные мнения и вера в бога». Толерантность, по мнению Локк имеет двойное основание: нравственное и политическое. Она связана с ограничением насилия и развитием как человека, так и государства [9, с. 2].

Эпоха гуманизма и буржуазные революции принесли прорыв в духовной и культурной жизни общества. Были распространены идеи «человек является центром», «должное уважение к человеку», человек сам по себе и сам для себя. В итоге, люди стали злоупотреблять друг другом, превращая человеческие отношения в инструмент и средство получения каких-либо личных выгод. Таким образом, в эпоху буржуазного гуманизма «толерантность» теряет свою сущность и значение [9].

Третий этап. Современный гуманизм. Идея толерантности на данном этапе выражена во «Всеобщей декларации прав человека», которая провозгласила принципы мира, демократии и ненасилия во взаимоотношениях между государствами и народами. Она была принята в 1948 г. и подписана 135 государствами, в т.ч. и Россией. Именно толерантность, как социальная ценность взаимного уважения и признания права другого человека на свое восприятие мира, лежит в основе современной трактовки изучаемого понятия.

Теоретический анализ в изучении сущностного наполнения термина толерантность демонстрирует, что формированию толерантности способствует развитие личности, становление социальной компетентности и опыт позитивных социальных контактов с различными людьми.

При этом личность, владеющая такой социальной компетенцией как толерантность, сочетает в себе следующие важнейшие характеристики: гуманность (предполагает внимание к внутреннему миру личности, человечность межличностных отношений, отказ от методов и форм подавления достоинства человека); рефлексивность (глубокое знание особенностей личности, недостатков и достоинств, переосмысление их через призму толерантности); свобода (выражается в дисциплине и долге); ответственность (ответ за свои действия и поступки); защищенность (понимание и поддержка, ощущение безопасности в условиях объединения с другими); многоаспектный и многомерный подход к оценке жизни и принятии адекватных решений; перцепция (умение уделять внимание различным особенностям окружающих людей, стараться проникать в их внутренний мир); эмпатия (возможность к сопереживанию проблемам других лю-

дей); гибкость (умение адаптироваться к различным меняющимся обстоятельствам и условиям); чувство юмора (ироническое отношение к несуразным обстоятельствам и умение посмеяться над собой); уверенность в себе (адекватная оценка собственных сил и способностей) [10, с. 1001].

Для понимания распространения идеи толерантности важно учитывать, что «толерантность в определенном смысле и пределах необходима. В условиях, когда возрастает дезориентированность в условиях многокультурного мира, многоценностной культурно-нравственной парадигмы, скорости появления не осваиваемых сознанием средств техники и коммуникации, сформированная позиция толерантности может выступать как средство социальной безопасности в обществе, упрочения его стабильности. Наличие осознанной толерантности свидетельствует о гибкости позиции, о способности к поиску, об определенной этической, сознательной установке, как и о возможном наличии некоей внешней причины, принуждающей к терпимости. Поэтому не стоит забывать, сколь это ненадежное, двусмысленное, внешнеформальное средство, как легко оно трансформируется во всеядность, конформизм, беспринципность. В то же время нельзя не видеть, как толерантность из явления взаимообусловленной зависимости всех друг от друга становится односторонне обусловленной зависимостью одного от другого» [6, с. 172].

Еще раз подчеркнем, что толерантность – социальная компетенция, личностное качество субъекта, его личностного развития, основана на доверительном отношении к людям, в соответствии с которым человек, имея собственную жизненную позицию, уважает и признаёт право другого воспринимать, мыслить и действовать иначе, видит ценность многообразия, а также готов строить взаимодействие на основе других точек зрения. В условиях действительной толерантности возникает сложный феномен солидарного взаимодействия и солидарной зависимости в обществе, которая заменяет конкуренцию и основана не на борьбе, а на доверии и кооперации. «Солидарность как сотрудничество разных, но сознающих свою человеческую идентичность субъектов, – более эффективный инструмент и сосуществования, и всякой совместной и общей деятельности» [6, с. 174]. Н. Луман определил общество как общение, в котором, несмотря на различия и дифференциацию, идет непрекращающийся диалог, в результате которого и формируется солидарность, как важный общественный феномен, который способствует поддержанию жизнеспособности социальной системы, так как только интеграция как схождение различных признаков, противоположных взглядов может дать возможность конструктивного решения социальных проблем.

Библиографический список

1. Чошанов М.А. Дидактическое конструирование гибкой технологии обучения // Педагогика. 1997. № 2. С. 21–29.
2. Учурова С.А. Развитие социальной компетентности в образовательном процессе [Электронный ресурс]. (На примере уроков немецкого языка и обществознания): электронное текстовое издание. URL: http://www.study.urfu.ru/Aid/ Publication/10734/1/Ychyrova.pdf (19.11. 2016).
3. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс]. // Интернет-журнал «Эйдос». URL: http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm (21.11. 2016).
4. Смородинова М.В. К вопросу о семантике понятий «компетенция» и «компетентность» в педагогической науке // Молодой ученый. 2010. № 6. С. 324–326.
5. Чистилина И.А. Толерантность: проблемы концептуализации [Электронный ресурс]. // Вопросы теории и практики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. URL: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/52.html (18.11.2016).
6. Самохвалова В.И. О содержании понятия «толерантность» в современном культурном контексте [Электронный ресурс]. // Философский журнал. №1. М.: ИФ РАН, 2008. URL: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5392-o-soderzhanii-ponyatiya-tolerantnost-v-sovremennom-kulturnom-kontekste.html (18.11.2016).

7. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. № 11. 1997. С. 46–54.
8. Nguyễn P.M. Khoan dung - Thuật ngữ và sự vận động của nó trong lịch sử triết học phương Tây. Tạp chí Triết học, số 8 (195). 2007.
9. Чебыкина О.А. Историко-методологический анализ проблемы толерантности // Электронный журнал «Медицина и образование в Сибири». Психологические науки. 2013. № 1. С. 2. URL: http://www.cyberleninka.ru/article/n/istoriko-metodologicheskiy-analiz-problemy-tolerantnosti (18.11.2016).
10. Зулькорнеева Л.И. Понятие «толерантность» в современной науке: критерии и индикаторы // Молодой учёный. № 3 (83). 2015. С. 1000–1002.

Динь Ха Ми, аспирант кафедры социологии и социальной работы Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: hamyctxh@gmail.com
Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: v55@istu.edu

Dinh Kha Mi, a PhD student of Sociology and Social Work Department of Irkutsk National Research Technical University, e-mail: hamyctxh@gmail.com.

Struk Elena N., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department of Irkutsk National Research Technical University, e-mail: v55@istu.edu

УДК 316.7

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В г. ИРКУТСКЕ: БАРЬЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© Н.В. Севастьянова*, Н.И. Гаврилова*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье предпринята попытка анализа барьеров и перспектив развития малого бизнеса в г. Иркутске с точки зрения представителей данного сегмента. Рассмотрены экономические, государственно-правовые, социокультурные барьеры. Проанализировано мнение малых предпринимателей относительно перспектив развития бизнеса в регионе.
Ключевые слова: малое предпринимательство, барьеры развития, дистанцирование, перспективы развития.

SMALL BUSINESS IN IRKUTSK: BARRIERS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

N.V. Sevastyanova*, N.I. Gavrilova*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article attempts to analyze barriers and prospects of small business development in Irkutsk from the standpoint of this segment's representatives. Economic, state legal, sociocultural barriers were considered. The authors analyze small business owners' opinions about business development tendencies in the region.
Keywords: small business, development barriers, distancing, prospects of development

Барьеры развития малого предпринимательства в современной России носят довольно устойчивый характер и корнями уходят в 1990-е годы. Начиная с 90-х годов. в стране произошли кардинальные перемены во всех сферах общественной жизни. За короткий промежуток времени страна должна была перейти на новые рельсы рыночной экономики и полностью перестроить правовую и политическую сферу. С 1995 г. в России происходило формирование нормативно-правовой базы в отношении малого предпринимательства, заложившей основы данного вида деятельности. Однако в условиях роста коррупции на фоне новых реформ, становления новой юридической базы и наследования от старой советской системы бюрократических тенденций уровень правового регулирования в стране носил определенно низкий характер. Основное внимание уделялось развитию крупной промышленности, составлявшей ресурсную мощь нового государства. Эти предпосылки во многом способствовали закреплению негативных особенностей ведения бизнеса в России в будущем. Отмеченные тенденции вылились в бюрократические проволочки с оформлением документации, уход бизнеса «в тень», пробелы в законодательной базе и обоюдное недоверие бизнеса и государственных структур.

Описанная проблема особенно важна на примере г. Иркутска, специфической чертой которого выступает преобладание индивидуальных предприятий (65,4 %). Они в большей степени ориентированы не на производство, а на сферу обслуживания потребностей населения. По состоянию на 2010 г., в г. Иркутске преобладающей отраслью малого бизнеса являлась торговля, ремонт А/М и бытовых изделий (37 % от общего числа предприятий), операции с недвижимостью (18,8 %), строительство (11,6 %), промышленность (8,7 %), транспорт и связь (6,3 %). Замыкают список: предоставление коммунальных услуг (5,8%), сельское хозяйство (2,7 %) и финансовая деятельность (2,5 %). Доля остальных предприятий ниже 2 % [1, с. 8].

Данная ситуация актуализирует изучение государственно-правовых и экономических барьеров малого предпринимательства в городе.

Проблема барьеров малого предпринимательства в современной России

выступает предметом исследования А.Ю. Чепуренко [2], имеющего мнение о том, что существенное влияние на малый бизнес оказывает законодательная база, государственная поддержка предприятий, в частности, понижение налоговых ставок и арендной платы за помещения. Особое внимание исследованию барьеров уделил Л.П. Веревкин [3, с. 30–35], проанализировавший точку зрения самих предпринимателей по данному вопросу. Среди базовых барьеров малого предпринимательства им были выделены налоговое бремя, недостаточная правовая и общая защищенность, отсутствие долгосрочной государственной поддержки малого бизнеса. Всё большее внимание в литературе уделяется проблеме доверия как фактора экономического развития [4], анализу динамики доверия предпринимателей [5].

Применительно к г. Иркутску, исследованием барьеров малого и среднего предпринимательства занималась С.Л. Галанова [1]. Актуальными для настоящего положения дел малого бизнеса в г. Иркутске оказались выделенные С.Л. Галановой проблемы отношения власти и бизнеса, основывающиеся на взаимном недоверии, налоговое бремя, кадровый голод, информационный аспект поддержки малого бизнеса в городе, а также вопрос правовой защищенности и культуры бизнеса, улучшения законодательства.

Под барьерами развития малого предпринимательства в данной статье мы понимаем конкретные проблемы и показатели, обусловленные состоянием экономической, общественно-политической и культурной обстановки в определенный период, препятствующие созданию и развитию малого бизнеса.

В 2015 г. в рамках написания данной статьи нами было проведено исследование, направленное на выявление барьеров развития малого предпринимательства в г. Иркутске с точки зрения самих предпринимателей.

Методическая стратегия исследования заключалась в применении полуструктурированного интервью к изучению барьеров и перспектив развития малого бизнеса в г. Иркутске.

Формирование выборочной совокупности происходило с помощью метода «снежного кома» на основе статистических данных о процентном соотношении представленных в городе сфер малого бизнеса на 2010 г. [1, с. 8]. С помощью метода «снежный ком» было отобрано 10 представителей различных областей предпринимательства в возрасте от 23 до 57 лет. Среди них – 5 женщин и 5 мужчин. В частности, в сфере торговли опрошено 4 респондента, в области транспорта и связи – 2, в сфере строительства и отделочных работ – 1, в сфере обслуживания – 2, в области ремонта бытовых изделий – 1 респондент.

В целом, исследование показало отсутствие какой-либо заметной динамики проблемной ситуации в г. Иркутске с 2011 г., более того, оно лишь подкрепило намеченные тенденции.

В ходе проведенных нами интервью с предпринимателями выяснилась двойственность проблем малого бизнеса в г. Иркутске: с одной стороны, имеет место недостаточное внимание со стороны государства к малому предпринимательству, с другой стороны, отношение самих предпринимателей к государственным структурам характеризуется недоверием. Так, иркутским предпринимателям предлагали ответить на вопрос: «*Знаете ли Вы о наличии региональных программ по поддержке малого бизнеса и пользовались ли Вы какими-либо из них?*». Опрошенные респонденты либо не нуждаются в помощи (в т. ч., используют личные сети как фактор создания и поддержки собственного дела): «*Честно, что-то слышал, но не пользовался. Да мне и не нужно, я у себя на квартире ремонтирую*» (Олег, 27 лет, ремонт мелкой бытовой техники). Схожие данные мы получили от другого респондента: «*Честно говоря, не компетентен в данном вопросе. Не узнавал, поскольку кое-какой стартовый капитал уже был и были помощники*» (Алексей, 42 года, сфера строительства и отделочных работ). Либо респонденты знают о существовании программ, но не воспользовались ими в силу незнания их содержания: «*Честно, я что-то слышала, но названия вспомнить не могу. Да и не пользовалась*» (Полина, 30 лет, предприниматель в сфере торговли). Стоит отметить, что респондентов, давших подобные ответы, оказалось 6 из 10 опрошенных.

Третья причина заключается в том,

что отрасль бизнеса респондентов не входит в число тех сфер предпринимательства, на которые распространяются программы поддержки: «*Знаю, только наш бизнес не попадает под эту программу, и так далее, и так далее. Мы ими даже не сможем пользоваться, потому что туда попадают только те, которые способствуют развитию региона, а оптовая торговля, к сожалению, не подразумевает развитие региона, по их мнению*» (Лариса, 43 года, оптовая торговля).

Примечательным является факт присутствия необоснованных негативных оценок эффективности государственных и региональных программ поддержки бизнеса при низком уровне информированности. Так, типичным для опрошенных предпринимателей является ответ: **«**…*конечно, существуют там разные программы поддержки малого бизнеса, но это все для галочки…*». Таким образом, преимущественно ответы респондентов создают картину *дистанцирования* малых предпринимателей г. Иркутска от использования существующих способов государственной и региональной поддержки малому бизнесу.

Практически аналогичные результаты были получены С.Л. Галановой в 2011 г., отметившей, что большинство опрошенных предпринимателей не получали и даже не слышали о поддержке бизнеса со стороны власти, в связи с чем оценка удовлетворенности была охарактеризована как низкая [1, с. 95].

Среди других имеющихся государственно-правовых барьеров предприниматели выделили политику государства в отношении малого предпринимательства и общую сложившуюся за последние несколько лет сложную обстановку: «*На малые предприятия влияет политика и очень сильно. Там вообще большая логическая цепочка – разорвали связи с одним государством – получите высокие налоги и цены на сырье, материалы и оборудование, или вообще ничего не получите!*» (Татьяна, 35 лет, предприниматель в сфере рекламы).

На вопрос «*Способствует ли нынешнее законодательство развитию малого бизнеса?*» предприниматели отвечали следующим образом: «*Наверное, тоже нет. Я что-то не слышала о законе, например, о защите прав предпринимателей – потребитель может пожаловаться, а мы – нет, да и много там еще разных несправедливостей…*» (Кристина, 23 года, предприниматель в сфере торговли). Другой респондент выразил свое мнение так: «*Не могу точно утверждать, но мое предположение, что не совсем способствует*» (Алексей, 24 года, сфера услуг).

Из полученных ответов респондентов можно заключить, что предприниматели не знают правовых основ собственной деятельности и обладают достаточно низкой правовой культурой, что накладывает определенный отпечаток на ведение бизнеса и отношение к государству.

Помимо государственно-правовых барьеров рассматривались барьеры экономические. По этому поводу респонденты высказывались практически однозначно: «*Да все почти отрицательно влияет: высокие налоги на перевозки товара, громадные проценты по кредиту, еще могу сказать, что аренда склада обходится недешево. Конкуренция тоже давит, но работаем в основном на уже устоявшейся клиентской базе*» (Алексей, 42 года, предприниматель в области строительства и отделочных работ). Другой респондент отмечает: «*Да, думаю, что, во-первых, нестабильность в экономике, налоговые обременения, и, наверное, неготовность в нашем регионе потребителей получать новые продукты*» (Александр, 46 лет, бизнес в сфере услуг). Другие респонденты также упоминают «плавающий курс доллара», «нестабильную ситуацию на рынке», «высокие налоги на перевозки товара, громадные проценты по кредиту.

К третьей группе барьеров малого предпринимательства относятся социокультурные. Среди них выделилась проблема подбора квалифицированных кадров и их переподготовка для работы на малых предприятиях. По этому вопросу респонденты высказались следующим образом: «*Довольно-таки сложно найти подготовленные кадры, приходится обучать, приходится передавать свой опыт для того, чтобы в моей сфере бизнеса эти люди начали эффективно работать*» (Александр, 46 лет, сфера услуг). «*С кадрами как раз проблема, потому что на такую работу сейчас идут люди, из низших слоёв населения. Сложно с трудовой дисциплиной, с мо-*

ральными качествами работников. Профессиональное обучение я не осуществляю» (Полина, 30 лет, бизнес в сфере торговли).

В процессе интервью с респондентами некоторое внимание уделялось определению перспектив малого бизнеса в регионе. Выяснилось, что предприниматели г. Иркутска положительно оценивают территориальное расположение Иркутской области в контексте поддержания бизнес-связей с Китаем. Каждый респондент видит в соседстве с Китаем для себя положительные моменты: *«Мы находимся на середине путей: Азия-Европа. У нас географическое положение почти по центру страны и мира. Посередине. Поэтому у нас и восток, и запад наши партнеры. Я считаю, что наше географическое положение влияет, особенно соседство с КНР»* (Александр, 46 лет, в сфере оптовой торговли уже около 20 лет). *«С позиции моего бизнеса – влияет, конечно. Мне главное – заказать оборудование, оно не российского производства, поэтому важны связи с другими государствами. Я заказывала китайское и немецкое оборудование. С Китаем проблем нет – перевозка дешевая, как раз потому, что граничим с ним, а цена немецкого оборудования – слишком высока, я даже не представляю, где я найду еще принтер по производству баннеров крупного формата, если не там, потому что один раз заказала и довольна, к тому же, запчасти тоже там заказываю и к цене привыкла. Хотелось бы, чтобы пошло понижение тарифов на ввоз импортных товаров из заграницы, поэтому я думаю, что влияет где-то 70 на 30».* (Татьяна, 35 лет, бизнес в сфере рекламы).

Относительно перспектив развития малого бизнеса в регионе практически все респонденты выразили уверенность в том, что перспективы развития есть, главное – двигаться в правильном направлении: *«Перспектива есть всегда, главное дать толчок развитию малого бизнеса»* (Алексей, 24 года, занимается водным транспортом). *«В связи с открытием множества торговых центров в Иркутске, считаю, малый бизнес должен процветать»* (Полина, 30 лет, работает в сфере торговли).

Подводя итог, следует отметить, что экономические и государственно-правовые барьеры, с точки зрения предпринимателей г. Иркутска, являются наиболее острыми. На основе проведенных интервью было установлено, что важнейшими среди них являются высокий уровень налогообложения, доступность и цена физических ресурсов, высокая арендная плата за помещение, высокий процент коммерческого кредита. Среди значимых барьеров были также выделены достаточно низкая правовая культура предпринимателей, невысокий порог доверия предпринимателей города к государственным программам поддержки малого бизнеса на фоне низкого уровня информированности о наличии таковых.

Высказанные же респондентами позиции в отношении перспективности развития малого бизнеса в регионе позволяют говорить о благоприятных тенденциях в контексте тесного партнерства с КНР. Таким образом, исследование позволило наметить новый ряд вопросов, требующих организации дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Галанова С.Л. Выявление проблем, препятствующих развитию малого и среднего предпринимательства в городе Иркутске. Иркутск, 2011.
2. Чепуренко А.Ю. Малое предпринимательство в России // Мир России. 2001. № 4. С. 130–161.
3. Веревкин Л.П. Что мешает развитию малого бизнеса: мнение предпринимателей // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5. С. 30–35.
4. Экономика и социология доверия / Ю. В. Веселов, Е. В. Капусткина, В. Н. Минина; под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Социол. Общ-во им. М. М. Ковалевского, 2004. 192 с.
5. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Куприйченко, И.В. Мерсияновой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.

Севастьянова Нина Владимировна, студент кафедры социологии и социальной работы, e-mail: sevastyanova_96@inbox.ru
Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, e-mail: nig2312@yandex.ru

Sevastyanova Nina V., a student of Sociology and Social Work Department,
e-mail: sevastyanova_96@inbox.ru
Gavrilova Natalya I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department, e-mail: nig2312@yandex.ru

УДК 316

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (В. ЗОМБАРТ, М. ВЕБЕР)

© Е.Г. Урбанаева*, Н.В. Илтакова**

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
**Бурятский государственный университет,
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Данная работа посвящена концепциям генезиса капиталистического предпринимательства В. Зомбарта и М. Вебера, классических экономических социологов, представителей новой исторической школы в экономической теории. Концепция капитализма В. Зомбарта полемизирует с концепцией М. Вебера в вопросах сути и истоках капитализма, но общим для них является их противопоставление концепции капитализма К. Маркса, поскольку они рассматривали не экономические факторы развития капитализма, а культурно-этические и религиозные.
Ключевые слова: дух капитализма, западный капитализм, этос, аскетический протестантизм, роскошь.

HISTORICAL AND SOCIAL ROOTS OF ENTREPRENEURSHIP (W.SOMBART, M.WEBER)

E.G. Urbanaeva*, N.V. Iltakova**

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia;
**Buryat State University,
24a Smolin Street, Ulan-Ude, 670000, Republic of Buryatia

The paper is devoted to the conceptions of the genesis of capitalist enterprise by W. Sombart and M. Weber, classical economic sociologists, representatives of the new historical school in economics. W. Sombart's concept of capitalism argues against M. Weber's one in matters of the nature and origin of capitalism, but common to them is their opposition to Karl Marx's view on capitalism because they considered not economic factors of capitalism development, but cultural, ethical and religious ones.
Keywords: the Spirit of Capitalism, Western capitalism, ethos, ascetic Protestantism, luxury

Актуальность концепций генезиса капиталистического предпринимательства В. Зомбарта и М. Вебера, классических экономических социологов, представителей новой исторической школы в экономической теории обусловливается, во-первых, постоянным интересом к переосмыслению классического социологического наследия, во-вторых, состоянием современной социальной и экономической жизни российского и мирового общества, осмыслением причин и факторов его социальной и экономической стабильности и нестабильности, что детерминирует вновь и вновь обращение к научным концепциям, обосновывающим нравственную природу хозяйственной деятельности и прежде всего к работам В. Зомбарта и М. Вебера. Так, например, Е.Г. Ефимов и О.В. Аронова называют анализ процесса трансформации структур западноевропейского общества от традиционного к капиталистическому укладу хозяйства – ключевой проблемой социологии, называя М. Вебера автором «…без сомнения, одной из самых авторитетных фигур в исследовании вопроса генезиса капитализма» [1; с. 25]. Исследуя проблему взаимодействия этики и предпринимательства в западноевропейской и русской философии, Н.В. Харсеева пишет про В. Зомбарта: «это прекрасный пример субъективистского подхода к анализу экономической деятельности, который надо учитывать в будущем, формируя этику предпринимательства» [2; с. 153].

Большую роль в создании концепции исторического генезиса капиталистического предпринимательства Вернера Зомбарта (1863-1941) сыграли работы К. Маркса, влияние которого он испытал на себе в молодости, пройдя мировоззренческий путь от социализма до нацизма в конце своего жизненного пути. Основными сочинениями В. Зомбарта, посвященные изучаемой нами проблеме, являются: «Современный капитализм», «Роль евреев в развитии капи-

тализма», «Евреи и экономика», «Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека», «Роскошь и капитализм», «Торгаши и герои», «Война и капитализм», «Немецкий социализм». Данные работы содержат также экономическую историю Западной Европы, его отношение к классу буржуазии, социализму, анализ структуры современного общества, особенности методологии социальных наук. Но стержнем всех его научных изысканий является современный западноевропейский капитализм как экономическая система общества и *«капиталистический дух»,* введение понятия которого в научный обиход приписывают именно ему, и анализом которого занимался в дальнейшем его коллега М. Вебер.

Основным источником капитала по В. Зомбарту является феодальная земельная рента, под которой понимается тот доход, который получал владелец за сдачу своих земельных участков в аренду. Важнейшей методологической категорией при анализе западного капитализма является роскошь [3], которая, как справедливо отмечают Е.Г. Ефимов и О.В. Аронова, связана с трансформацией основных социальных институтов общества поскольку является: 1) проявлением изменений в структуре семьи; 2) необходимой составляющей урбанизации, в рамках которой значительные материальные ресурсы сосредоточены в руках городского населения; 3) проявлением изменений в классовой структуре общества (появляются новые статусы); 4) признаком структурных изменений в экономике.

В более поздних работах В. Зомбарт в качестве внутреннего фактора, повлиявшего на развитие капитализма, выделял изменение положения женщины, которое он определил по следующим экономическим показателям: 1) размер приданого; 2) количество женщин, находящихся «на содержании»; 3) затраты на предметы женского быта (например, сравнение затрат на содержание дворов государя и государыни) и т. д. Благодаря женщинам (праздный средний класс растущего капиталистического общества), прихоти в дорогих подарках и роскоши которых удовлетворяли влюбленные в них мужчины, альтруистическая роскошь сменилась эгоистической, что привело в конечном итоге к тому, что стали процветать торговля и ремесла, расти города и промышленность.

Согласно учению В. Зомбарта, корни капитализма – не экономическая реальность (как по К. Марксу), а идеи европейского Просвещения – разумности, рациональности, контроля человека над природой. Важнейшим фактором формирования капитализма являются свойства человеческого мышления, приведшие к упрощению перехода к новому хозяйственному укладу. Капиталистический дух характеризуется стремлением к обогащению, предприимчивостью, рациональностью.

В качестве источника капитализма В. Зомбарт выделял внешний фактор – мигранты и переселенцы, которые были более пригодны для работы на производстве, нежели коренные народы. В развитии капитализма Германии по В. Зомбарту большую роль сыграли переселенцы из Франции – протестанты, гугеноты и евреи. Для него евреи являются носителем капиталистического духа, там где они жили – страны (Германия, Голландия, Франция и Англия) процветали, там откуда их выгоняли – страны (Испания, Португалия) находились в экономическом упадке и стагнации.

В своем учении о капитализме В. Зомбарт выделил шесть основных типов предпринимателей [4; с. 54–83], которых объединяет цель (прибыль) и организация их экономической деятельности, но которые различаются между собой по источникам прибыли и видам экономической деятельности:

– разбойники, участвующие в военных походах и экспедициях с целью добычи золота и заморских товаров;

– феодалы, в основе коммерческой деятельности которых лежит использование собственных ресурсов – земли (продажа зерна), животных (продажа шерсти);

– государственные чиновники, создающие торговые и промышленные компании;

– спекулянты (банкиры, ростовщики и др.), которые получают прибыль за счет манипуляций с деньгами и ценными бумагами;

– купцы, обладающие доверием, властью и торговым капиталом, который вкладывают в производство;

– ремесленники, получающие прибыль за счёт своего мастерства и предпринимательской деятельности.

В. Зомбарт рассматривал капитализм как динамическую систему, состоящую из различных циклов и фаз, в его учении он предстает как постепенный переход от авантюристичного и насильственного к мирному и рациональному типу предпринимателя. Тем не менее, выделив основные типы предпринимателей, В. Зомбарт считает, что великим предпринимателем становится тот, кто соединяет в себе все типы и умело их использует в своей хозяйственной деятельности.

Важнейшими факторами, влияющими на эффективность предпринимательской деятельности, являются личные качества предпринимателя, которые В. Зомбарт разделил на три вида: 1) организационные умения, раскрывающиеся в том, чтобы уметь подбирать людей и организовать их труд таким образом, чтоб они работали слаженно и кооперативно; 2) торговые умения, суть которых сводятся к способности вести переговоры таким образом, чтоб торговая сделка состоялась; 3) счетоводные умения, раскрывающиеся в калькуляционных умениях, бухгалтерских исчислениях предпринимателя. Данные личные качества предпринимателя помогают победить конкуренцию, три формы которой в своём учении выделил В. Зомбарт: 1) ценовая конкуренция; 2) конкуренция внушением (с помощью рекламы); 3) конкуренция насилием, данный вид которой присущ крупным организациям в борьбе за монополию на рынке.

Его скандальная книга «Торгаши и герои» считается проявлением великогерманского шовинизма, поскольку торгашами В. Зомбарт называет англичан, которые к основным ценностям относят индивидуальное благополучие, личную свободу, комфорт, в противовес немцам, характеризующихся самопожертвованием ради высших ценностей и героизмом. Исследуя «Германскую войну», как конфликт между английской цивилизацией с ее коммерческими ценностями и духом, с одной стороны, и культурными ценностями героизма Германии, В. Зомбарт отмечает, что большую роль в формировании капитализма играет война, более того «Без войн капитализм вообще бы не состоялся» [5]. Исследователи Е.Г. Ефимов, О.В. Аронова, анализируя понятие «милитаризация», которое, на их взгляд, может претендовать на статус универсального в рамках эволюционного подхода к анализу общества, рассматривают данное понятие в трех аспектах: а) военные действия, понимаемые как прямое вооруженное столкновение, количественно и качественно отличающиеся от войн эпохи традиционного общества; б) милитаризация общества, рассматриваемая как социокультурный процесс и ведущий: к появлению новых бюрократических органов; биржевой активности; реструктуризации промышленности, и в итоге, появлению новых рабочих мест и т. д.; в) война как способ экономического процветания и накопления капитала.

Эволюционный подход к развитию капитализма привел В. Зомбарта к проблеме экономических кризисов, которые, согласно его мнению, являются необходимыми в развитии капитализма, его двум основным сторонам – спекулятивной и калькуляторской. Экономический подъем есть свидетельство азарта, порыва, риска предпринимателей, экономический спад есть свидетельство перехода типов предпринимателей от завоевателей к организаторам, к калькуляции и расчету, ведущей за собой внутреннее усовершенствование капитализма. В. Зомбарт ввел понятие «конъюнктуры» для обозначения характеристики положения рыночных отношений в текущем моменте времени. Развитие капитализма, в его понимании, есть сглаживание конъюнктуры, где «различие между стабилизированным и урегулированным капитализмом, и технически совершенным социализмом не очень велико и что, следовательно, для судьбы людей и человеческой культуры в целом более или менее безразлично, организуется ли хозяйство по-капиталистически или по-социалистически» [6; с. 48].

Макс Вебер (1864-1920) является одним из основоположником социологии как самостоятельной науки, классиком в области экономической социологии. Основным произведением, в котором М. Вебер раскрывает свою «оригинальную» [7; с. 101] концепцию капитализма, является «Протестантская этика и дух капитализма», заняв-

шим 4-е место из 10 лучших социологических произведений прошлого столетия [8].

В своем произведении М. Вебер пишет о том, что во всем мире существовали такие типы капитализма, как авантюристический, торговый, ориентированный на войну, политику, управление и связанные с ними возможности наживы. Суть западного капитализма заключается не просто в стремлении к наживе, денежной выгоде и предпринимательству, а именно его рационализации, «обузданию этого иррационального стремления» [9; с. 48]. М. Вебер дает следующие сущностные характеристики западного капитализма: 1) стремление к наживе в рамках действующего предприятия;
2) непрерывно возрождающаяся прибыль и рентабельность; 3) использование обмена как мирной формы приобретательства; 4) ориентация на учет капитала (сопоставление доходов и издержек в результате планомерного использования материальных средств) в денежной форме; 5) калькуляция как средство контроля проверки целесообразности отдельных действий; 6) ориентация на товарный рынок; 7) рациональная бухгалтерская отчетность; 8) отделение предприятия от домашнего хозяйства; 9) стремление к коммерциализации; 10) использование свободного труда.

М. Вебер выделяет две основные предпосылки возникновения западного капитализма: 1) предрасположенность человека к хозяйственно-рациональному жизненному поведению, обусловленность его хозяйственного мышления, этоса определенной религиозной направленностью (а не биологической наследственностью); 2) свободный труд в качестве наемного рабочего на промышленном буржуазном предприятии с техническими средствами производства и рационально разработанным правом и управления на основе твердых формальных правил.

М. Вебер формулирует проблему своего исследования следующим вопросом: с чем связано преобладание протестантов (данные на основе профессиональной и конфессиональной статистики) среди владельцев капитала, руководителей крупных торгово-промышленных предприятий и квалифицированных рабочих? И пытается этот факт объяснить с трех точек зрения: 1) исторической; 2) образовательной; 3) экономической. С исторической точки зрения он объясняет это наследственным богатством (достатком), которое способствует протестантам в их борьбе за существование и экономическое процветание: «В XVI веке многие богатейшие области империи … приняли протестантскую веру», вслед за реформаторами, которые «порицали не чрезмерность, а недостаточность церковно-религиозного господства над жизнью» [9; с. 63]. С образовательной точки зрения М. Вебер отмечает, что существует различие в характере получаемого образования, которое определяется своеобразным складом психики, привитым воспитанием и религиозной атмосферой родины и семьи: среди протестантов больше процент: 1) окончивших учебные заведения, готовящих к технической и торгово-промышленной деятельности, к буржуазному предпринимательству; 2) среди квалифицированных рабочих. С экономической точки зрения М. Вебер в своих рассуждениях приходит к мысли о том, что католики, отказываясь от политической деятельности, тем не менее не проявляют себя в экономике, и, наоборот, протестанты во всех отношениях проявляют специфическую склонность к экономическому рационализму, и что причины различного поведения необходимо искать во внутреннем своеобразии каждого вероисповедания. Задавшись этой задачей, М. Вебер сразу же отвергает поверхностные представления о (мнимой) «отчужденности от мира» католицизма и (мнимой) материалистической «радости жизни» протестантизма. Наоборот, именно в отказе от «радостей жизни», в силу своей набожности и благочестия протестанты (кальвинисты, лютеране (в меньшей степени), квакеры, меннониты, пиетисты) «способствуют развитию торгового духа» (У. Петти), являются «рассадником капиталистического хозяйства» (Готхайн). При этом М. Вебер подчеркивает, что Кальвин, Лютер, Нокс, Фоэт, как представители старопротестанского духа, были более враждебны многим сторонам современной жизни, чем представители современного протестантизма.

Свое понимание капиталистического духа М. Вебер поясняет на примере документа Б. Франклина (в котором с «клас-

сической ясностью отражено то, что нас прежде всего интересует» и «свободно от какой-то ни было прямой связи с религиозными представлениями»): честность полезна, ибо она приносит кредит, нужно помнить, что время – это деньги, нужно жить точно рассчитывая свои доходы и расходы, вовремя отдавать долги, тогда у человека всегда будут деньги, и он будет уважаем в обществе. Данные нравственные правила напрямую характеризует дух капитализма, но М. Вебер подчеркивает, что дух капитализма – это не просто правила житейского поведения, а своеобразная этика (этос), регулирующая весь уклад жизни, отступление которой рассматривается не только как глупость, но и нарушение долга. «Идеал ее – кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель» [9; с. 73]. Данная этически окрашенная норма характеризует капитализм именно современный (западноевропейский и американский) в отличие от капитализма Китая, Индии, Вавилона, которым недоставало этого своеобразного этоса.

М. Вебер отмечает, что видимость скромности, честности и добродетельной жизни, приукрашивание своих эгоцентрических мотивов – может ощущаться как лицемерие (как, например, ощущают немцы в отношении американцев), но он также пишет о том, что именно высшее благо капиталистической этики заключается в том, что нажива мыслится как самоцель при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, что приводит человека к пониманию цели жизни в приобретательстве, достигаемого законным путем и являющегося результатом и выражением деловитости человека, следующего своему призванию. Такое представление о профессиональном долге является условием существования и развития капитализма, который создает своих хозяйственных субъектов посредством экономического отбора.

Капиталистический дух, как массовое явление, утверждался путем тяжелой борьбы, «в древности и средние века был бы заклеймен как недостойное проявление грязной скаредности» [9; с. 78]. Такое восприятие духа М. Вебер объясняет прежде всего существованием традиционализма (ориентация человека на зарабатывании денег в той мере, в какой они обеспечивали его размеренную и привычно-простую жизнь), который препятствовал производительности труда и увеличению прибыли современному капитализму. Так как увеличение или снижение заработной платы рабочим приводило к не к росту, а к снижению производительности труда, М. Вебер приходит к мысли о том, что для развития капитализма и капиталистических предприятий необходим такой «строй мышления (изначально не свойственного человеческой природе), при котором труд становится абсолютной самоцелью, призванием» вследствие религиозного воспитания. Но между капиталистическим духом и капиталистическими предприятиями не существует прямой зависимости: они могут существовать и раздельно. Для иллюстрации приводится пример со скупщиками изделий домашней промышленности, хозяйство которых М. Вебер называет традиционалистским, несмотря на капиталистическую форму организации. Вторжение капиталистического духа, сдвиг в экономической жизни обеспечили те люди, которые прошли суровую школу жизни, осмотрительными, решительными, сдержанными, умеренными и упорными, преданными своему делу со строго буржуазными воззрениями и принципами. Согласно М. Веберу, идеальному типу предпринимателя свойственна аскетическая направленность, сдержанность и скромность, которому богатство дает «ощущение хорошо выполненного долга в рамках своего призвания» [9; с. 90], ему чужды роскошь и расточительство, упоение властью. У современных же капиталистов Германии отсутствует связь между их жизненным укладом и религиозными убеждениями, в США предприниматели ориентированы на количественный идеал. В настоящее время дух капитализма рассматривается как результат приспособления, который не нуждается более в санкции того или иного религиозного мировоззрения. М. Вебер задаётся вопросом: какой круг идей способствовал тому, что деятельность, направленная внешне только на получение прибыли, стала подводиться под категорию призвания, по отношению к которой индивид ощущает обязательство?

М. Вебер отмечает то, что значение немецкого слова Beruf (профессия, про-

фессиональное призвание), существующего впоследствии только у протестантских народов, является новым, поскольку в нем заключена «оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека». В понятии Beruf находит свое выражение центральный догмат всех протестантских вероисповеданий – единственное средство стать угодным Богу является не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а выполнение мирских обязанностей, которые становятся для человека его призванием. Эта идея Лютера сложилась не сразу, вначале он относил мирскую деятельность к сфере рукотворного, но чем последовательнее он развивал свое учение, тем больше расходился с католическим монашеством, и тем большее значение получает у него Beruf. Монашеский образ не просто бессмыслен в глазах Лютера, являясь лишь порождением эгоизма и холодного равнодушия, мирская же деятельность есть проявление любви к ближнему, и все дозволенные профессии равны перед Богом. Тем не менее Лютер был против ростовщичества, любого взимания процентов, в чем проявлялась, по мнению М. Вебера, его отсталость с точки зрения капитализма. Его понятие Beruf сохранило традиционалистский характер, поскольку «оно есть то, что человек должен принять как веление Господне, с чем он должен мириться», что делает его этический вклад негативным. Далее М. Вебер обращается к кальвинизму и протестантским церквям, в которых, по его мнению, связь между жизненной практикой и религиозной основой (мирская деятельность как долг) обнаруживается легче, чем в лютеранстве, более того именно без кальвинизма дело Лютера не получило бы широкого распространения и прочного утверждения. Не склонный защищать тезис о том, что капитализм, как хозяйственная система, будто является продуктом Реформации, М. Вебер в качестве основной задачи своего исследования пытается понять, какую роль играет религия в экспансии капиталистического духа и сложившейся на капиталистической основе культуре.

М. Вебер на примере английского пуританизма, выросшего на кальвинизме, раскрывает представления аскетического протестантизма о богатстве: страшны не сами по себе богатства и собственность, а то, что следует за ними: бездействие и успокоенность, искушение предаться лени, довольство достигнутым, беззаботная и веселая жизнь. Поскольку главным и самым тяжелым грехом является бесполезная трата времени. Ведь жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для реализации своего призвания, для служения приумножения славы Господней.

М. Вебер называл еврейский этос «этосом капиталистических париев», поскольку, на его взгляд, еврейство находилось в сфере политически или спекулятивно ориентированного «авантюристического» капитализма. Он являл собой полную противоположность пуританскому капитализму, под которым понималось «рациональное буржуазное предпринимательство и рациональная организация труда».

Аскеза для богатых людей требовала того же, что и для бедных – постоянного упорного физического или умственного труда, ибо только труд считался испытанным аскетическим средством. Нежелание работать служит симптом отсутствия благодати. «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». «Имущий также не да ест, если не работает, ибо если он и не нуждается в работе для удовлетворения своих потребностей, это не меняет того, что заповедь Божья остается в силе, и он обязан блюсти ее также, как и бедный».

Полезность профессии и ее угодность Богу определяется: 1) с нравственной точки зрения. Определенная профессия является высшим благом для каждого человека; 2) степенью важности, которые производимые в ее рамках блага имеют для всего общества; 3) доходностью. Пуританин считает, что Бог предоставляет ему шанс для извлечения прибыли, руководствуясь определенными намерениями. «… если вы избираете менее доходный путь, значит … вы отказываетесь быть управляющим Бога и принимать дары его, чтобы иметь возможность употребить на благо Ему». Пуритане не порицают перемену профессии, если это проистекает из желания заняться более угодной Богу, а значит более полезной деятельностью.

В аскетическом протестантизме не труд как таковой, а лишь рациональная деятельность в рамках своей профессии угодна Богу. «Вне определенной профессии всякая дополнительная деятельность есть не что иное как случайная работа». Профессиональная деятельность представляет собой последовательное аскетическое воспитание добродетели, избранность воплощается в добросовестности, которая, в свою очередь, находит отражение в тщательном и методичном выполнении своих профессиональных обязанностей. Аскеза создавала спокойную уверенность в том, что неравное распределение земных благ, также как и предназначение к спасению лишь немногих, дело божественного провидения, преследующего тем самым свои тайные цели. Добросовестная работа, даже при низкой оплате, выполняемая теми, кому жизнь не предоставила иных возможностей, является делом, чрезвычайно угодным Богу. Принцип аскетизма – богатство не должно быть самоцелью, ибо имущество само по себе является искушением. Но богатство как результат профессиональной деятельности – Божье благословение. Если ограничение потребления соединяется с высвобождением стремления к наживе, то объективным результатом этого будет накопление капитала посредством принуждения к аскетической бережливости. Препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его производительному использованию в качестве инвестируемого капитала.

В аскетическом протестантизме богатство, как следствие выполнения профессионального долга, не только морально оправдано, но и предписано, поэтому желание быть бедным рассматривается равносильно тому, чтобы быть больным и это достойно осуждения. Нищенствование, которому предается человек, способный работать, это не только грех бездеятельности, но и нарушение завета любить ближнего.

Концепция капитализма В. Зомбарта полемизирует с концепцией М. Вебера в вопросах сути и истоках капитализма, но общим для них является их противопоставление концепции капитализма К. Маркса, поскольку они рассматривали не экономические факторы развития капитализма, а культурно-этические и религиозные. «В этом Вебер и Зомбарт не только расходились с Марксом, но и сознательно противопоставляли ему свои принципы» [7; с. 38]. «Работа Зомбарта «Евреи и хозяйственная жизнь» – своего рода ремейк веберовской «Протестантской этики», но с другими персонажами ...» [7; с. 37]. Второй общей чертой в концепциях В. Зомбарта и М. Вебера является то, что они построены на основе богатых эмпирических данных, иллюстрирующих основные выводы и положения их концепций. Третьей общей чертой является положительное оценивание капитализма: «Сам по себе капитализм – высшее достижение человеческого духа и культуры» [7; с. 39].

Несмотря на то, что многое в концепциях В. Зомбарта и М. Вебера похоже, российским социологом А.И. Кравченко выделяются следующие различия [7; с. 36]:

– рассуждения об истоках капитализма и предпринимательской деятельности у В. Зомбарта характеризуются пристрастностью и субъективизмом, в то время как у М. Вебера они отличаются последовательностью и стремлением к объективизму;

– у В. Зомбарта капитализм является уникальным, а у М. Вебера универсальным явлением;

– важнейшую роль в происхождении и развитии капитализма у В. Зомбарта играет любая форма религии (в частности – иудаизм), а у М. Вебера играет именно протестантская этика. В глазах В. Зомбарта протестантизм являлся идеализацией евангельской бедности, присущей мелким лавочникам, относился к нему негативно, видел в нем серьезную угрозу капитализму, поскольку считал протестантизм проявлением углубления религиозного чувства, порождающем безразличное отношение к хозяйственному успеху и вещам, что приводило в конечном итоге к разложению капиталистического духа;

– В. Зомбарт уже находил зрелый капитализм во Флоренции в XV веке, М. Вебер в XVI веке в Германии и Швейцарии;

– различаются трактовками тех личных качеств предпринимателей, которые повлияли на формирование и развитие западноевропейского капитализма. У Зомбарта – это праздность, безделье, мотов-

ство, роскошь, расточительство, у Вебера – это бережливость, молитва, профессиональная деятельность;

– у Зомбарта носителем капиталистического духа является конкретный народ – евреи, которые обладают необходимыми качествами (бережливость, расчётливость, стремление к деньгам), ведущими к успеху предпринимательской деятельности, у М. Вебера носителем капиталистического духа является не конкретный народ, а протестанты.

Библиографический список

1. Ефимов Е.Г., Аронова О.В. Проблема генезиса капитализма в социологии В. Зомбарта (методологические аспекты) // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2010. Т. 7. № 7. С. 25–28.
2. Харсеева Н.В. Проблемы взаимоотношений этики и предпринимательства в западноевропейской и русской философии: сравнительный анализ // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. № 4. С. 150–156.
3. Зомбарт В. Роскошь и капитализм // Собрание сочинений в 3 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008. Т. 3. С. 7–238.
4. Зомбарт В. Буржуа: пер. с нем. / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 443 с.
5. Зомбарт, В. Война и капитализм // Собрание сочинений в 3 т. СПб. : Издательство «Владимир Даль», 2008. Т. 3. С. 239 – 476.
6. Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 27–53.
7. Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М.: «На Воробьевых», 1997. 208 с.
8. International Sociological Association // [Электронный ресурс]. URL: http://www.isa-sociology.org/books/books10.htm (11.12.2015 г.).
9. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / под ред. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Урбанаева Евгения Геннадьевна, старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы, e-mail: urbanaeva@mail.ru
Илтакова Наталья Владимировна, доцент кафедры истории и теории права и государства, кандидат исторических наук, e-mail: ulynpa@mail.ru

Urbanaeva Evgeniya G., senior Lecturer of Sociology and Social Work Department, e-mail: urbanaeva@mail.ru
Iltakova Natalya V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Theory of Law and State Department in BSU, e-mail: ulynpa@mail.ru

УДК 316.7

ОСОБЕННОСТИ ДОВЕРИЯ ИРКУТЯН К СФЕРЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

© Я.О. Черепанова*, Н.И. Гаврилова*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье представлены результаты исследования особенностей доверия иркутян к институциональной благотворительности. В качестве теоретической основы использован системный подход к анализу доверия П. Штомпки. Источником получения данных выступили материалы проведенного в мае 2016 г. социологического исследования с применением количественной стратегии. Анализ результатов позволил сделать вывод о несформированности компонентов доверия к институциональной благотворительности у иркутян.
Ключевые слова: доверие, институциональная благотворительность, доверие к сфере институциональной благотворительности.

FEATURES OF IRKUTSK CITIZENS' TRUST TO THE INSTITUTIONAL PHILANTHROPY

Ya.O. Cherepanova*, N.I. Gavrilova*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article presents the research's results of features of Irkutsk citizens' trust to the institutional philanthropy. As theoretical basis to use a systematic approach to the analysis of trust by P. Sztompka. The conducted in may 2016 sociological research's materials acted as the source of results. The quantitative strategy was applied in this sociological research. The results' analysis allowed to conclude that the trust of Irkutsk citizens to institutional charity is not formed.
Keywords: trust, institutional philanthropy, trust to the institutional philanthropy

Важной характеристикой состояния гражданского общества выступает уровень развития в нем благотворительности, которую можно рассматривать как один из интереснейших механизмов выражения разнообразных общественных настроений, показателей уровня самоорганизации общества и его отдельных социальных слоев, инструментов практического взаимодействия общества и государства.

Приобретая все больший размах, благотворительность заявляет о себе как о реальной силе в решении социальных проблем общества. Однако в обществе сохраняется настороженность, а нередко и скептическое отношение как к самой благотворительности, так и к субъектам её деятельности. Причем анализ результатов исследований по указанной тематике [1] показывает относительную устойчивость данных характеристик общественного мнения.

Сложившаяся ситуация ставит перед исследователями множество задач, среди которых важное значение принадлежит изучению уровня доверия населения к благотворительности в целом и к институциональной благотворительности, в частности.

Под институциональной благотворительностью в данной статье понимается деятельность профессиональных участников сферы благотворительности (благотворительных фондов, донорских организаций и доноров) по реализации благотворительной миссии и целей [2; с. 71].

Анализ литературы, посвященный вопросам доверия к сфере институциональной благотворительности в современном российском обществе, показал недостаточность теоретико-методологической базы исследований при явной доминанте работ эмпирического характера, с одной стороны, и глубокую интегрированность анализируемых вопросов в общую проблему доверия населения к благотворительности с другой. Таким образом, изучение доверия населения к сфере институциональной благотворительности является актуальным.

Остановимся более подробно на динамике результатов отечественных ис-

следований благотворительности в рамках социологии на протяжении 2000-2010-х годов. Характеристики доверия / недоверия населения к благотворительным организациям в качестве исследовательской проблемы получают заметное освещение в литературе с середины 2000-х гг. В частности, исследование состояния корпоративной благотворительности в России, проведенное ВЦИОМ в 2006 г. [3], зафиксировало недоверие благополучателей к некоммерческим организациям, неготовность значительной части населения обращаться к НКО за помощью. Однако внимание авторов сосредотачивалось, главным образом, на анализе самих процессов осуществления и получения благотворительной помощи.

Значительный вклад в разработку темы был внесен авторами коллективной монографии "Потенциал и пути развития филантропии в России" [4], обобщившей результаты исследования, проведенного в 2009 г. Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ. Исследование зафиксировало возрастание интереса к анализу институциональной благотворительности, особенностей ее функционирования в современном российском обществе. Авторы обращаются к широкому кругу вопросов, рассматривая существующие сегодня в России практики филантропии – добровольческую деятельность и денежные пожертвования россиян, практики корпоративной благотворительности и проблемы формирования донорских сообществ – в контексте мировой и отечественной истории благотворительной деятельности, анализируют условия, которые могли бы способствовать активизации благотворительности как ресурса развития страны. Значительное внимание уделяется анализу институциональной благотворительности, особенностей ее функционирования, а также изучению восприятия благотворительной деятельности представителями различных социальных групп российского общества.

Проблема доверия, как условия развития института благотворительности [5], стала предметом самостоятельного исследования М. Д. Койсиной. Автором была поставлена задача выяснения взаимосвязи уровня развития благотворительности и уровня доверия как в странах мира, так и в регионах России; предпринята попытка вычисления коэффициента корреляции между показателями уровня доверия и уровнем развития благотворительности. М. Д. Койсина приходит к выводу о том, что регионы с разным уровнем развития благотворительности обладают одинаковым уровнем доверия, подтверждая тем самым несформированность культуры доверия в сфере благотворительной деятельности.

В 2013 г. исследовательской группой ЦИРКОН при поддержке НПГО "Форум Доноров" было проведено исследование на тему "Благотворительность в российских регионах" [6], в рамках которого анализ вопросов имиджа и опыта благотворительных организаций получил значительно более глубокую проработку. Авторами были предложены шкалы оценок показателей благотворительной активности, представлена общая оценка благотворительной активности в регионах, затронуты вопросы информированности населения о благотворительных организациях, выявлены модели региональной благотворительности, значительное внимание уделено анализу уровня доверия населения к благотворительным организациям. Результаты исследования в данной области позволили сделать вывод о том, что "оценки респондентами уровня доверия населения к благотворительным организациям в своих регионах существенно отличаются. При этом уровень доверия к отдельным крупным, хорошо себя зарекомендовавшим и известным организациям, по оценкам экспертов, довольно высок. Причины низкого уровня доверия – неразвитость культуры и традиции благотворительности в стране в целом, небольшой опыт работы благотворительных организаций, большое количество случаев мошенничества, отрицательный имидж, созданный потоком негативной информации о работе благотворительных организаций в СМИ, часто необоснованной, а также слабая информированность населения о работе благотворительных организаций в целом" [3; с. 77].

Важное значение для дальнейшей разработки проблемы доверия к субъектам благотворительной деятельности, в целом, к благотворительным организациям и фондам, в частности, принадлежит изданию коллективной монографии, посвященной

актуальным проблемам исследования регуляторной роли доверия и недоверия в общественной жизни [7]. В книге представлен анализ теоретических и методологических проблем исследования доверия и недоверия, изложены результаты исследований роли доверия в жизни гражданского общества. В частности, авторы подчеркивают, что "проблема межличностного доверия в гражданском обществе тесно связана с проблемой институционального доверия, объектом которого выступают негосударственные некоммерческие организации (далее – НКО), составляющие так называемый третий сектор. Доверие является одной из важнейших установок, определяющих участие населения в деятельности НКО, являющихся самым многочисленным сегментом организаций гражданского общества" [7; с. 198]. Согласно проведенным исследованиям, "доверие благотворительным организациям, фондам и различным инициативам в среднем по России колеблется на уровне 2-4 %" [7; с. 201], а "благотворительным фондам доверяют несколько меньше, в целом по России доля доверяющих им респондентов колеблется от 1 до 3 %" [7; с. 201].

Как показало исследование, проведенное международной благотворительной организацией Charities Aid Formation совместно с исследовательской компанией Synovate Comcon "Сострадание и спонтанность. Исследование массовых пожертвований в России в 2014 году", благотворительность в российском обществе в значительной степени сохраняет характер личной, индивидуальной взаимопомощи [8]. Недоверие к институциональной благотворительности остается одной из значимых проблем, требующих глубокого и всестороннего анализа как на общероссийском уровне, так и на уровне отдельных регионов.

Имеющиеся в литературе данные, характеризующие уровень доверия к благотворительным организациям и фондам, подтверждают материалы "Доклада о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год", подготовленного Общественной палатой Российской Федерации [9]. В частности, в качестве главных барьеров развития НКО представители третьего сектора назвали недоверие населения к некоммерческим организациям [9; с. 66].

Таким образом, достигнутые к настоящему времени результаты в изучении доверия / недоверия населения к сфере институциональной благотворительности заложили прочную базу дальнейшего изучения темы, формирования перспективных направлений исследований. Важной задачей, в частности, видится активизация региональных исследований проблемы, в том числе проводимых на территории Иркутской области.

Эмпирической базой настоящего исследования послужили материалы проведенного в мае 2016 г. опроса жителей г. Иркутска на тему "Особенности доверия населения г. Иркутска к сфере институциональной благотворительности" (N=156 человек, выборка многоступенчатая), репрезентированных по полу и возрасту. В опросе приняли участие 44 % мужчин и 56 % женщин, в том числе 22 % мужчин и 22 % женщин в возрасте 18-35 лет, 14 % мужчин и 17 % женщин в возрасте 36-55 лет, 8 % мужчин и 17 % женщин старше 56 лет.

В качестве исследовательских задач выступал анализ особенностей доверия иркутян к институциональной благотворительности, специфики восприятия горожанами благотворительности, определение уровня доверия жителей г. Иркутска к институциональной благотворительности. В качестве теоретической основы был использован системный подход к анализу категории доверия Петра Штомпки [10, 11].

Обратимся к анализу восприятия горожанами благотворительности. Согласно результатам опроса, под благотворительностью большинство мужчин 18-55 лет (76 %) и большинство женщин 18-35 лет (77 %) понимают "помощь по всем вопросам". Наименьшее число респондентов отметили, что "благотворительность – это порыв души".

Одним из важных аспектов рассматриваемой темы выступает анализ мнений иркутян относительно доминирующих агентов благотворительной деятельности. В качестве источника благотворительной деятельности большинство иркутян (64 % мужчин и 65 % женщин) выделяют благотворительные фонды и организации. Однако роль агентов и степень их участия в

сфере благотворительности видятся иркутянам различных возрастов не одинаковыми. Большинство женщин (50 %) старше 55 лет отметили, что "благотворительной деятельностью, в первую очередь, должно заниматься государство". В то же время большинство молодых людей (40 % мужчин и 41 % женщин) в качестве основных агентов благотворительной деятельности рассматривают добровольцев и общественные организации.

Анализируя осведомленность иркутян об институциональной благотворительности в городе, был задан вопрос об известных им фондах. В большинстве ответы были получены от девушек 18-35 лет. Были названы такие благотворительные фонды, как Благотворительный фонд Красноштанова, Благотворительный фонд семьи Девочкиных, Центр помощи детям, Благотворительный фонд Тихомировых, Благотворительный общественный фонд содействия спорту и туризму, Иркутский фонд культуры, "Наследие иркутских меценатов", Иркутский региональный благотворительный фонд, "Возрождение земли Сибирской", "Байкал Интеграция", общество Красного креста.

При оценке уровня общего доверия респондентов к благотворительным фондам были получены следующие результаты. Большинство мужчин (53,3 %) отметили, что "скорее не доверяют деятельности благотворительных фондов". Большинство же женщин (53 %), напротив, "скорее доверяют" их деятельности, чем не доверяют. При этом ни один из респондентов не отметил полного доверия. Была определена гендерная разница общего доверия респондентов к деятельности благотворительных фондов, которая заключается в относительно большем доверии женщин к деятельности организаций такого типа.

Основными компонентами доверия, по мнению П. Штомпки, являются убежденность и ожидания. Убежденность рассматривается как уверенность в действии и включает в себя ожидаемое, ответственное и напоминающее доверие. Как показало исследование, респонденты дали невысокую оценку деятельности благотворительных фондов, что свидетельствует о достаточно низком уровне ожидаемого доверия. Характер ответственного доверия иркутян к благотворительным организациям также выражен частичной неуверенностью. В целом, в сознании иркутян такой компонент доверия к институциональной благотворительности, как убежденность, остается несформированным.

Второй компонент доверия, обозначенный П. Штомпкой как ожидания, включает в себя воспринимаемую надежность объекта, доверчивость агента и культуру доверия. Исследование показало невысокий уровень культуры доверия: большинство мужчин и женщин (83,3 % мужчин и 76 % женщин) отметили незнание исторических традиций благотворительности. Лишь менее 20 % респондентов заявили, что исторические традиции благотворительности им знакомы. Однако из числа положительно ответивших на данный вопрос, каждый второй убежден в сохранении традиций благотворительной деятельности в современном обществе.

Помимо компонентов, П. Штомпка выделяет разновидности доверия в зависимости от радиуса. Этот показатель дает представление о том, кому готовы доверять респонденты. Анализ результатов проведенного исследования выявил преобладание у иркутян таких радиусов доверия, как личное (т.е. по отношению к близким), категориальное (доверие своему полу, возрасту) и групповое (доверие к группе). В отдельных случаях наблюдается доверие виртуальное личное (доверие к известным личностям). Наименее выраженным является институциональное (доверие социальным институтам) и коммерческое доверие (доверие в экономических отношениях). Таким образом, иркутяне склонны в большей степени доверять тем благотворительным фондам, где работают люди из их близкого окружения, с одной стороны, либо люди той же категории по полу, возрасту, национальности, что и респондент, с другой стороны, или "известные" (публичные) личности.

Помимо уже названных компонентов, выделяются следующие три измерения доверия: реляционный, культурный и психологический уровни. Реляционный уровень доверия включает освещенность деятельности, отсутствие неопределенности и риска. В рамках настоящего исследования данный показатель, прежде всего, отражает уровень информированности населения

о работе благотворительных организаций. Проведенный опрос показал: большинство женщин (69 %), с одной стороны, и большинство молодых людей 18-35 лет (47 %), с другой стороны, отмечают, что деятельность благотворительных фондов города в средствах массовой информации освещена недостаточно, а потому обращаться в благотворительной фонд за помощью в случае необходимости, в большинстве своем, респонденты не намерены.

Исправить недостаток освещенности результатов деятельности благотворительных фондов возможно посредством расширения круга источников получения информации. Так, наиболее популярными источниками, из которых респонденты получают информацию о благотворительных фондах города, выступает прежде всего Интернет, в значительно меньшей степени – телевидение и печатные издания, а также уличная реклама. Более подробное освещение результатов работы благотворительных фондов и НКО в СМИ способствовало бы росту уровня доверия населения к институциональной благотворительности.

Доверие к сотрудникам благотворительных организаций, как группе профессионалов, большинство респондентов (46,5 %) отметили как частичное.

Исследование показало, что гендерная особенность психологического уровня доверия респондентов заключается в преобладающем скептицизме у мужчин и психологической доверчивости у женщин.

Таким образом, доверие жителей г. Иркутска к институциональной благотворительности остается на низком уровне, что обусловлено негативными сторонами ожидания и убежденности населения в действиях благотворительных организаций, небольшим объемом информации о деятельности организаций, недостаточной освещенностью результатов работы благотворительных фондов и НКО в СМИ.

В целом, как показало исследование, ни один из компонентов доверия не является сформированным в сознании иркутян. Следует подчеркнуть, что особенности доверия населения города Иркутска отражают общую картину состояния доверия к институциональной благотворительности в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Гаврилова Н. И. Роль благотворительности в решении социальных проблем региона // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы второго Байк. науч. социол. симп. / под ред. О. А. Кармадонова, В. А. Решетникова, С. А. Инкижиновой. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2015. С. 71–77.
2. Васильева Е. Г. Благотворительность как объект историко-социологического анализа (методологический аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2013. № 2. С. 67–78.
3. Корпоративная благотворительность в России: оценка эффективности работы существующей институциональной среды [Электронный ресурс]. URL: http://www.oprf.ru/files/Korp_blagotv.doc (26.06.16).
4. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М.: Изд. дом Моск. нац. исслед ун-та «Высшая школа экономики», 2010. 419 с.
5. Койсина М. Д. Доверие как условие для развития института благотворительности // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 9. С. 110–119.
6. Благотворительность в российских регионах. Сводный отчет о реализации проекта (версия 22.01.14) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/366/Blagotvoritelnost_v_rossijskih_regionah.pdf (26.06.2016).
7. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Куприйченко, И. В. Мерсиянова. М. : Изд. дом Моск. нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», 2013. 564 с.
8. Сострадание и спонтанность: отчет о массовых пожертвованиях в России / Ю. Ходорова [и др.]. М. : CAF Россия, 2014. 22 с.
9. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2015. 238 с.
10. Фреик Н. В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 30–41.
11. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.

Черепанова Яна Олеговна, студент кафедры социологии и социальной работы, e-mail: nyamka139@gmail.com
Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, e-mail: nig2312@yandex.ru

Cherepanova Yana O., Sociology and Social Work Department, e-mail: nyamka139@gmail.com
Gavrilova Natalya I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department, e-mail: nig2312@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOTSI@COM

Сетевое издание

Том 1, № 2 2016

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Н.И. Гаврилова
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»